

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Философский факультет

Кафедра политического процесса России

На правах рукописи

МОЦЕЛКОВ Евгений Николаевич

ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Философско-политологический анализ

российского опыта

Специальность 23. 00. 01 – теория и история

политической науки

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант –
доктор философ. наук, профессор
Панарин А.С.

Москва – 1997

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ	4
СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ	9
ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	13
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	15
НАУЧНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ. § АПРОБАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ...	20
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ	22
§ 1. ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ.....	22
§ 2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ПАРАДИГМАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	26
2.1. Парадигма линейно-стадиального прогресса	27
2.2. “Формационный” синтез	33
2.3. Циклическая парадигма	40
§ 3. МИРОСИСТЕМНАЯ ПАРАДИГМА КАК НОВЕЙШИЙ СИНТЕЗ ЛИНЕЙНОСТИ И ЦИКЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНОСТИ.....	46
§ 4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПАРАДИГМ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА И СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ “ПЕРЕХОДНОСТЬ”	54
ГЛАВА 2. РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ВРЕМЕННЫЕ РИТМЫ ИСТОРИИ	64
§1. “Россия и Запад”: новый взгляд на старую проблему	65
§2. Россия в потоке длинных волн мировой экономики (модель Кондратьева)	78
§3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ЦИКЛИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	89
§ 4. ДИХОТОМИЯ “ВЛАСТЬ – СОБСТВЕННОСТЬ” И МАТРИЦА ВРЕМЕННОГО РИТМА РОССИИ.....	118
4.1. Политический и социально-экономический аспекты проблемы.....	120
4.2. Социокультурный аспект проблемы.....	133

4.3. Геополитический аспект проблемы.....	136
§ 5. ВРЕМЕННАЯ РИТМИКА И СПЕЦИФИКА ПЕРЕХОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ	146
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС	152
§1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕН В РОССИИ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ДИСКУССИИ).....	153
§2. ПРОТИВОРЕЧИЯ И МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ДВУХ ПЕРИОДОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА).....	175
2.1. <i>Преобразование системы органов верховной государственной власти</i>	177
2.2. <i>Процессы в сфере национально-государственных отношений</i>	189
§ 3. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС И ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА РОССИИ	230
ГЛАВА 4. ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И САМОБЫТНОСТЬ РОССИИ	238
§1. ТИПОЛОГИЯ ОБЩИХ ТЕОРИЙ ПЕРЕХОДНОСТИ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ).....	239
§2. ПЕРЕХОД КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ	243
2.1. <i>Природа переходного общества</i>	244
2.2. <i>Основные характеристики (или свойства) переходных процессов</i>	253
§ 3. ГЛАВНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ	257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	271
БИБЛИОГРАФИЯ	280

“ ... Так называемые переходные эпохи в истории человечества... приковали к себе мое внимание. Меня влекла к ним не одна трагическая красота, в какую они облечены, а желание услышать последнее слово всякого отходящего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей. Мне казалось, что только здесь можно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле”.

Т.Н. Грановский (1849 г.)¹

“... Приложение эволюционной теории к законам морального и социального мира и к истории именно на русской почве должно получить особую окраску... Западные формулы оказываются, пожалуй, объясняющими ход западной истории, но к нашему историческому опыту неприменимы... Французы и немцы склонны верить в какую-то *прямолинейность* истории..., русские ученые призваны освободить теорию прогресса от этой *иллюзии*”.

Н.И. Кареев (1884 г.)¹

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Особое внимание науки к определенным проблемам социальной жизни обуславливается всякий раз множеством факторов. Но, безусловно, первостепенным из них необходимо признать объективную роль и значение этих проблем в конкретно-исторических условиях постоянно разви-

---

¹ *Грановский Т.Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 315.

вающегося общества, в реальном социальном процессе на той или иной стадии его развития.

В последнее время как в научной, так и в публицистической литературе, посвященной современным проблемам развития общества, стали широко употребляться такие понятия как “переходный период”, “переходный процесс” и т.п. Наверное, не нужно глубоко искать причины этого явления. Различные и достаточно обширные регионы мира, прежде всего государства на территории бывшего СССР и Восточная Европа, переживают в настоящее время радикальные реформации, пытаются в достаточно короткие исторические сроки порвать с прошлым и *перейти* в качественно новое общественное состояние. Поэтому осмысление современного периода при любых подходах и исследовательских задачах с необходимостью связано с проблемой переходности как качественно своеобразным и относительно конкретным общественно-историческим феноменом.

Современные переходные процессы имеют целый ряд характеристик, существенно отличающих их от аналогичных социальных сдвигов в прошлые века истории человечества.

Во-первых, переходные явления и процессы в настоящее время имеют глобальный характер, ибо мы являемся свидетелями не просто перемен в социальных порядках отдельных стран и регионов, а перехода всего мирового сообщества на новую ступень научно-технического и социального прогресса. Грядущее общество – постиндустриальное, информационное, и т.д. – предполагает принципиально новые способы и технологии взаимодействия человека и природы, новые типы общественных отношений, новое качество человеческой жизни.

Человечество в своей истории уже не раз переживало подобные эпохи кардинальных переворотов в различных общественных сферах. Но если

---

¹ Кареев Н. Лекция о духе русской науки. Варшава, 1885. С. 17–18.

в прошлом такие перевороты происходили главным образом в наиболее развитой части мира (в Европе, позже также и в США) и с большим запаздыванием и только отчасти изменяли условия жизни периферии, то сейчас с необходимостью социальный скачок охватил все мировое сообщество, которое представляет собой единый и целостный политический и социально-экономический организм. На смену евроцентристской (или американо-евроцентристской) модели научно-технической и технологической революции прошлых веков приходит в настоящее время глобальная (планетарная) трансформация мирового порядка, в которой должны органично соединиться и проявить себя социальный опыт и социальная специфика множества цивилизаций, существующих в современном мире.

Во-вторых, человечество в настоящее время впервые оказалось в такой полосе своего развития, когда для перехода на новую ступень социальной эволюции недостаточно только политических и социально-экономических изменений. Необходима новая модель взаимодействия человека и природы, поскольку состояние окружающей среды достигает в настоящее время критической черты, за которой становится проблематичной сама выживаемость человека как живого существа. Поэтому современная трансформация мирового сообщества имеет не только социальные, но и ноосферные измерения. Наверное, действительно, впервые человечество, вставшее на путь обновления и переустройства своей жизни, должно думать не только о преодолении возникших политических и социально-экономических противоречий, но и об аномальных процессах, происходящих в окружающей природной среде.

В-третьих, угрозы, которые подстерегают человечество в переломную эпоху, создают объективные предпосылки как для объединительного процесса в политической, экономической, экологической и других общественных сферах, так и для выработки новых нравственных норм, которые

были бы понятны представителям различных национально-государственных, социокультурных, конфессиональных традиций и приемлемы для них. Нужны универсальные нравственные императивы, способные облегчить существование человека в эпоху болезненной ломки ценностей, ориентиров, мироощущений.

Можно привести множество примеров из современной общественной жизни, свидетельствующих о том, что потребность в таких императивах осознается все большим количеством людей. Символично в этом отношении Апостольское послание (энциклика) Папы Иоанна Павла II “Свет Востока” (“*Oriente Lumen*”), в котором он призвал к единению различных ветвей христианства, преодолению канонических и других разногласий во имя высших ценностей – сохранения и усовершенствования человеческой жизни на Земле¹.

И наконец, в-четвертых, современные научные знания и осмысление предшествующего социального опыта в настоящее время создают возможность активного вмешательства человека в ход преобразовательных процессов. Не нужно преувеличивать потенциал человеческой воли и энергии в противоборстве с неизмеримо более могущественными силами природы, но нельзя и преуменьшать способность современного человека прогнозировать и корректировать социальные и политические процессы, ослаблять действие катастрофических и бифуркационных явлений, сводить к минимуму наиболее болезненные последствия, которыми чреватые социальные инновации.

Перечисленные выше специфические характеристики современных переходных процессов и кардинальных общественных изменений заставляют по-новому посмотреть и на саму проблему переходности в обществе.

---

¹ Текст послания опубликован в “Вопросах философии” за 1996 г., № 4, с. 48–69.

Для исследователя социальных процессов переходные периоды являются своеобразной барокамерой общественной жизни, созданной объективным ходом истории. Это такая фаза развития общества, изучая которую можно наиболее глубоко проникнуть в природу и направленность развития социальной жизни. С одной стороны, переходное или переломное состояние в обществе является кульминационной стадией обострения общественных противоречий, социальных конфликтов, что позволяет наиболее точно диагностировать “болезни” общества. С другой – в этот период зарождаются элементы, ячейки новых социальных отношений, рождается новое общество, новые условия и типы социальной жизни.

Рассматривая общемировые параметры переходных процессов, нельзя забывать о том, что они происходят в конкретных странах и в каждой из них имеют свою специфику, свое преломление в своеобразной социальной среде. Поэтому современная теория переходных процессов – тем более, если она претендует на методологическую базу практической политики – должна быть адаптирована к реальностям определенных общественных систем.

Богатейший материал для анализа переходных процессов дает социально-политический опыт России, относящейся к числу государственных систем, которые на протяжении многих веков, прошли через горнило многочисленных общественных ломов, катаклизмов, реформаций, сохраняя при этом свою национально-государственную целостность и идентичность. Не случайно поэтому тема общественных перемен всегда была наиболее важной и злободневной в России. На протяжении многих веков она создавала как бы линию раздела между сторонниками и противниками реформ в государственной политике, в политической борьбе, в интеллектуальных исканиях.

Во-вторых, важным объектом для анализа переходных процессов становится Россия и в силу тех глубоких и противоречивых перемен, которые происходят в настоящее время. Большинство исследователей в этих переменных выделяют в качестве важнейшей тенденцию смены общественного строя и мало обращают внимание на более глубинные пласты современных переходных процессов. На то, что сейчас перед Россией стоит задача не только социально-политического переустройства, но и сохранения целостности и идентичности в условиях катастрофических социальных разломов и под давлением усугубляющихся глобальных проблем.

Современные реалии и специфические особенности современных переходных процессов – особенно в контексте российского опыта – в совокупности могут и должны стать важным и перспективным объектом научных исследований.

Вместе с тем в научной литературе отсутствуют специальные исследования переходных политических процессов, пока не сделаны философско-политологические обобщения российского опыта общественных изменений. Именно это обстоятельство и определило выбор темы диссертационного исследования.

Степень разработанности проблемы

Существует богатая научная традиция изучения переходных процессов. Условно концепции и исследовательские подходы, разработанные в рамках этой традиции, можно разделить на три блока.

Первый. Общие модели переходности, которые в качестве важнейшего и необходимого элемента содержатся в философских парадигмах исторического процесса. Такие модели переходности мы находим прежде всего в крупных философских и историософских теориях. Зародыши таких

моделей можно найти уже в учениях античности, но окончательно они формируются только в XVIII–XIX вв., когда социальная наука начинает специально исследовать причинно-следственные связи общественных явлений. Наиболее полно и определенно существо различных типов этих парадигмальных моделей переходности отражено в произведениях Вольтера, Кондильяка, Морелли, Дидро, Гольбаха, Гердера, Канта (линейная парадигма), Данилевского, К. Леонтьева, Шпенглера (циклическая парадигма), Гегеля и Маркса (линейно-циклический синтез, “спираль”). Во второй половине XX в. начинает формироваться новая (миросистемная) парадигма, исходящая из идеи Ф.Броделя о сегментности социального времени. Данная парадигма, являющаяся пока еще научной гипотезой, находится в центре острой дискуссии во всем мире. В нашей стране наиболее активное участие в ней принимают В. Алтухов, В. Золотухин, Е. Золотухина–Аболи-на, Н. Моисеев, А. Панарин, М. Чешко и др. К спорам о миросистемности примыкает дискуссия о формационном и цивилизационном подходах, которая имеет в нашей стране давнюю традицию и в рамках которой высказан целый ряд оригинальных идей о развитии исторического процесса (Ю. Бородай, В. Келле, А. Ковалев, Т. Панфилова, Е. Плимак, Я. Шемякин и др.). Фундаментальное значение для формирования современных представлений о социальных процессах имеет синергетическая теория И. Пригожина, особенно его идея о необходимости переосмысления (“переоткрытия”) времени.

Второй. Научные исследования, в которых проблема переходности рассматривается в контексте российской истории, как обобщающий или конкретно-исторический анализ российских реформаций. Интересные и глубокие идеи в рамках такого анализа мы находим в трудах выдающихся отечественных историков – Т. Грановского, С. Соловьева, В. Ключевского, П. Миллюкова, М. Ковалевского, Н. Павлова-Сильванского, а также после-

дующих поколений ученых-историков – А. Зимина, В. Кобрин, Н. Павленко, А. Сахарова, Р. Скрынникова, М. Тихомирова и др. Большой материал для размышлений над сутью переходных процессов в России дают современные исторические исследования конкретных реформационных периодов в российской истории (А. Аврех, Р. Ганелин, А. Кара-Мурза, Б. Литвак, С. Мироненко, Н. Павленко и др.). В последние годы появилось ряд концепций, анализирующих историческую динамику России через призму циклического развития (В. Пашинский, Н. Эйдельман, А. Янов и др.).

Специальный интерес для разработки проблем переходных процессов представляют труды русских философов и политических мыслителей XIX – начала XX в. (К. и И. Аксаковы, В. Белинский, Н. Бердяев, К. Кавелин, И. Киреевский, В. Соловьев, А. Хомяков, Р. Фадеев и др.), в которых развивается целый ряд оригинальных идей о самобытности России, о внутренних причинах и источниках российской социальной динамики.

Современные представления о переходных процессах не могут также не включать в себя специальные политэкономические и естественно-научные концепции о внешних причинах и источниках социального процесса в целом и российского, в частности, и особенно разработанные в 20-е–30-е гг. у нас в стране теорию длинных волн Н. Кондратьева и теорию космических влияний на исторические процессы А. Чижевского. В современной отечественной литературе теория длинных волн Кондратьева все чаще применяется для анализа циклов “реформа–контрреформа” в России (С. Дубовский, В. Лапкин, А. Полетаев, В. Рязанов, И. Савельева, В. Умов).

Дальнейшее свое развитие у нас в стране в настоящее время находит традиция историософского осмысления российской истории и современного развития, в рамках которой вырабатывается ряд интересных идей и гипотез о переходных процессах в России (Т. Алексеева, А. Ахиезер, В. Кан-

тор, А. Кара-Мурза, Б. Капустин, Н. Косолапов, В. Идзинский, А. Панарин, И. Пантин, В. Пастухов, В. Пугачев, В. Федотова, Д. Фурман, В. Цымбурский, В. Шаповалов и др.).

Третий. Огромная литература и многочисленные дискуссии посвящены анализу процессов обновления и демократизации общества в зарубежных странах, которые в период после второй мировой войны освобождались от тоталитарных и авторитарных режимов. На Западе большое распространение получили идеи таких теоретиков как Х. Аренд, С. Фридрих, З. Бжезинский и др. В последние годы там также образованы многочисленные научные центры, которые изучают посттоталитарные и поставторитарные процессы во всем мире. В нашей стране под влиянием западных исследований или независимо от них в период горбачевской перестройки в научной и публицистической литературе (в основном в периодике) развернулась широкая дискуссия о причинах деформации реального социализма и возможности перехода к обновленному социалистическому строю (Г. Лисичкин, Ф. Бурлацкий, А. Бутенко, М. Капустин, И. Клямкин, Н. Симония, А. Ципко и др.). Одновременно с этим в среде отечественных политологов и философов долгое время велась дискуссия о правомерности интерпретации перестройки как посттоталитарного процесса (А. Бутенко, А. Елыманов, А. Кара-Мурза, О. Лапшин, А. Мигранян, М. Чешков, А. Фадин, О. Ярцева и др.). И, наконец, определенный научный резонанс имели концепции обновления российского общества через призму теории модернизации (Г. Зиборов, В. Красильщиков, А. Рябов, В. Согрин, В. Ядов и др.).

При всем разбросе мнений и противоречивости суждений, высказанных в ходе этих дискуссий, они подводили к важнейшему выводу: способы и пути обновления российского общества являются на сегодняшний день злободневной, но до сих пор нерешенной практической и теоретической проблемой.

Рассмотренные три обобщенных блока научных исследований создают достаточно мощный теоретический и методологический базис для изучения и осмысления переходных политических процессов. Думается, что наиболее плодотворными и перспективными были бы исследования в данной области по следующим двум направлениям. Во-первых, необходима разработка моделей переходности на основе интеграции методологии и категориального аппарата различных наук – философии, политологии, истории и др. Во-вторых, интерпретация реальных переходных процессов не может быть адекватной без экстраполяции общих характеристик (или свойств) переходных систем на конкретные социальные среды, без теоретического осмысления специфического развития переходных структур в локализованных социальных организмах. В рамках такого подхода может быть понятным и обоснованным выделение в качестве непосредственного объекта научного исследования переходных политических процессов в России.

Цель и задачи исследования

Исходя из степени разработанности искомой проблемы, автор диссертации в качестве главной своей цели рассматривает исследование переходных политических процессов на основе философско-политологического анализа российского опыта реформаций и попыток переустройства общества в период с начала XVIII в. и по настоящее время.

Для достижения поставленной цели автором решаются целый ряд научных задач:

– раскрыть сущность переходных процессов, показать их отличие от стабильных общественных состояний;

- показать специфику *политических* переходных процессов, их особенности в России;
- выделить и обобщить основные теоретические модели переходности в истории философской и политической мысли и тем самым уяснить важнейшие методологические (парадигмальные) подходы к данной проблеме;
- проанализировать и проинтерпретировать взаимосвязь общемировой социальной динамики (мировых временных ритмов) и российского политического процесса;
- для выявления внутренних источников социально-политических изменений в России исследовать исторический генезис взаимосвязи власти и собственности в российском обществе;
- при помощи компаративного анализа определить противоречия и метаморфозы политической демократизации российского общества в период 1917–1920-х гг. и на современном этапе и на этой основе установить причины деструктивных и катастрофических последствий преобразовательных процессов в стране, а также суть современных реформ в контексте исторической социальной динамики российского государства и общества;
- на основе критического анализа основных типов теорий переходности понять природу переходного общества, выявить основные характеристики (или свойства) переходных процессов и применить их к интерпретации преобразовательных процессов в России;
- определить главные ориентиры преобразовательной стратегии в современной России на базе осмысления общетеоретических представлений о переходности и специфических особенностей и традиций российского политического процесса.

Методологические и теоретические основания исследования

Для реализации цели и научных задач исследования в диссертации применяется теоретико-методологический синтез философского, политологического и исторического анализа политического процесса, в целом, и переходных его состояний или периодов, в частности.

Автор диссертации исходит из идеи парадигмальности социального познания, в соответствии с которой механизм и направленность исторического процесса интерпретируется определенным пониманием природы социального времени и прежде всего двумя фундаментальными свойствами развивающегося бытия – линейностью и цикличностью. На разных этапах интеллектуальной истории человечества в качестве господствующей выступала либо одна из таких парадигм в “чистом виде” (французская и немецкая философия и просвещение XVIII в. – линейная парадигма; Данилевский, Леонтьев, Шпенглер и др. в конце XIX в. – циклическая парадигма), либо парадигмы в виде синтеза линейности и цикличности (“спираль” Гегеля и Маркса в первой половине XIX в.; “сегменты” времени, временные ритмы различной длительности Броделя в 50–70-е гг. XX в.).

Анализ современных исследований социально-политических процессов свидетельствует о том, что мировая наука в настоящее время вплотную подошла к открытию новой парадигмы социального познания, а значит и новой парадигмы социального времени. Автор диссертации широко использует целый ряд плодотворных и перспективных идей, которые появляются и дискутируются в ходе научных поисков новой парадигмы.

Важное методологическое значение для темы диссертации имеют нелинейная модель самоорганизации динамических систем И. Пригожина, общие теории систем, теория катастроф, а также идеи и концепции, которые в последние годы активно отстаивают ряд российских ученых – кон-

цепция синтеза цивилизационного и формационного подходов, миросистемная и мироцелостная теория, системный анализ политических процессов, модель общества как живого органического целого и т.д. (В. Алтухов, А. Ахиезер, Б. Капустин, А. Ковалев, Н. Косолапов, Н. Моисеев, А. Панарин, И. Пантин, В. Пастухов, В. Пугачев, М. Чешков, В. Федотова. В. Шаповалов и др.).

Диссертация построена на анализе исторической динамики политического процесса в России и поэтому большое методологическое значение для разработки ее ключевых идей имеют концептуальные подходы к описанию и интерпретации русской истории у классиков отечественной исторической науки – С. Соловьева и В. Ключевского. В частности, в диссертации активно используется социологический метод Ключевского, в соответствии с которым для адекватного понимания русской истории необходимо выявление базового, субстанциального отношения, обуславливающего развитие специфического российского государственного и общественного порядка.

В диссертации широко применяется сравнительный (компаративный) метод анализа политических процессов, который в современной отечественной политологии употребляется достаточно редко, хотя в последнее время и начинают появляться материалы на данную тему (К. Гаджиев, В. Голосов, А. Медушевский, Ю. Пивоваров). Сравнительный анализ различных переходных периодов российской истории используется в диссертации как для выявления целостных характеристик переходных процессов на разных исторических этапах (преобразования Петра в начале XVIII в. и социалистическое переустройство России в 1917–1920-х гг.), так и для сопоставления определенных политических явлений и тенденций, наблюдающихся в российском обществе в различные переломные периоды его развития (1917–1920-е гг. - современные преобразования). Применение

сравнительного метода особенно перспективно при анализе российской истории, в которой совершенно определенно проявляются повторяющиеся тенденции. При таком использовании сравнительного метода происходит соединение эвристических возможностей ретроспекции и компаративистики как важнейших методов социального познания, что и позволяет глубже проникнуть в природу и механизмы переходных политических процессов.

Для анализа современных политических процессов в России автор диссертации использует данные социологических опросов и мониторингов Фонда “Общественное мнение”, ВЦИОМа, Экспертного института РСПП, Центра социологических исследований МГУ.

Научная новизна исследования.

Положения, выносимые на защиту

В настоящей работе впервые предпринята попытка разработки теоретической модели переходных политических процессов на основе интеграции методологии и категориального аппарата философии, политологии и истории с использованием результатов ряда естественно-научных исследований. Важнейший теоретический и методологический принцип построения данной модели состоит в адаптации и верификации общих закономерностей переходности как явления развивающегося бытия в специфических условиях и динамических характеристиках локальной общественной системы (Россия).

Исходная мысль исследования заключается в следующем: адекватная интерпретация переходного общества и переходного процесса в различных конкретно-исторических условиях России возможна только на базе ясного понимания механизмов и направленности (тенденций) социальной динамики России. Развивая данную мысль, автор выдвигает две гипотезы.

Гипотеза первая. Социальная динамика российского общества имеет как внешние, так и внутренние источники (матрицы) своего развития. В качестве внешних матриц, предопределяющих ход российского исторического процесса, выступают определенные взаимосвязи мирового рынка, в который, начиная с XVIII в. интегрирована Россия (теория Кондратьева), а также ряд более фундаментальных факторов, включая и такой как влияние солнечной активности на исторический процесс (теория Чижевского). В качестве внутреннего источника (национальной матрицей) российской социальной динамики необходимо выделить дихотомическую связь власти и собственности, которая в силу комплекса исторических, экономико-географических, этнографических и других причин является определяющим, субстанциональным отношением российского общества. Автор работы также допускает, что могут существовать и иные – как внешние, так и внутренние – матрицы российского исторического процесса.

Гипотеза вторая. Каждая из матрицы (внутренние и внешние) создают свой динамический импульс или временной ритм. Данные ритмы нелинейны, а волнообразно-циклически и имеют различную временную длительность или протяженность. Поэтому и социальная динамика России также циклическа и состоит из фаз, в которых происходит различное по своей интенсивности и длительности наложение или совмещение разных временных ритмов. Переходные процессы или периоды перехода российского общества из одного состояния в другое обусловлены совпадением определенных пиков, экстремумов различных ритмов, образованием своеобразных временных ритмических узлов. Внешний ритм (например, длинная волна мировой конъюнктуры в терминологии Кондратьева) определяет в целом динамику российских реформ и контрреформ, но они остаются всякий раз переменами внутрисистемного характера, пока на определенную фазу внешнего ритма не накладывается соответствующая фаза внутреннего

ритма, вызванного катаклизмом в отношениях власти и собственности. Тогда страна входит в полосу переходного развития в виде системной революции, во время которой изменяется общественная система.

Обоснование и аргументирование указанных гипотез осуществляется в диссертации на основе философско-политологического анализа российского политического процесса. В ходе этого анализа автор получает некоторые результаты, имеющие признаки научной новизны.

- Выявляется сущность переходных процессов как специфических периодов развивающегося бытия, их отличие от стабильных состояний общества.

- Показываются особенности переходных процессов в политической сфере общества, прежде всего применительно к развитию России.

- Построена схема российского политического процесса как сложного двойного цикла: гиперцикл между системными революциями (200 лет) и несколько циклов “реформа–контрреформа” внутри гиперцикла (в интервале 40-50 лет).

- На основе специального анализа действия кондратьевских волн на ход российского политического процесса сделан вывод о том, что влияние внешней матрицы является необходимой, но недостаточной для возникновения кардинальных переломных явлений в России и для объяснения российской социальной динамики в целом.

- Разработана модель интерпретации современных перемен в России как закономерного звена в цепи исторической социальной эволюции России, показаны причины деструктивных и разрушительных последствий демократизации политической и экономической жизни российского общества, сочетания в современных переменных революционных и реформационных явлений. Для получения данных результатов проведен еще мало распространенный в отечественной политической науке метод ретроспектив-

но-компаративистского анализа различных переломных периодов в истории России.

– Впервые проводится обобщающий анализ научной литературы, посвященной проблемам переходных политических процессов, анализируются и сопоставляются позиции и точки зрения различных авторов по данной теме.

В диссертации высказывается идея о необходимости разработки концепта в виде общей преобразовательной стратегии для современной России, которая выполняла бы роль связующего звена между теорией и практикой. Для такой стратегии автором диссертации выделяются два базисных основания российской государственности, образовавшиеся в ходе исторической эволюции России и определяющие ее социальную динамику – сочетание сильной верховной власти и местной, низовой демократической системы в управлении общественным процессом, определяющая роль государства в системе собственности. Эти, по убеждению автора диссертации, основания могут стать ориентирами в современном преобразовательном процессе помочь современным российским реформаторам выбрать правильные, приемлемые для России, пути переустройства общества, ясно видеть определенные пределы, выход за которые угрожает разрушительными последствиями для российского общества.

Научная и практическая значимость работы.

Апробация исследования

Разработанная в диссертации концепция переходных политических процессов является существенным дополнением положений и выводов соответствующего направления в политической науке, показывает возможные пути и способы применения разнообразных исследовательских методов, категориального аппарата и инструментария различных гуманитарных

дисциплин к анализу переломных общественных ситуаций, позволяет глубже понять их природу и тенденции развития.

Многие положения диссертации направлены на адаптацию общетеоретических положений о переходных периодах и процессах в специфической социальной среде России и тем самым создают предпосылки и благоприятные условия для использования теории в повседневной практике российских реформ, в долгосрочном планировании преобразовательных процессов.

Данные особенности диссертации позволяют широко применять ее положения и выводы и в научной, и в преподавательской, и в практической деятельности.

Основные идеи диссертации докладывались автором на многих научных конференциях, симпозиумах и семинарах в Москве, С.-Петербурге, Ростове-на-Дону, Тюбингене (Германия), активно используются в построенном на проблемной основе лекционном курсе “Политическая история России”, который был создан автором диссертации совместно с проф. В.И. Коваленко в 1992 г. и который по настоящее время ежегодно читается студентам философского факультета МГУ и Международного независимого эколого-политологического университета. Материалы диссертации составляют основу для ряда спецкурсов.

Выводы и положения диссертации опубликованы в более 30 научных работах автора, общий объем которых составляет около 40 печатных листов (без учета хрестоматий и научных переводов).

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

§ 1. Переходный процесс как проблема социальной науки

Переходный процесс как всякое явление или феномен общественной жизни может и должен рассматриваться в двух плоскостях, на двух уровнях анализа.

Во-первых, это *описание*, констатация эмпирической реальности, когда превалирует перечисление, фиксация, как правило, лежащих на поверхности характеристик какого-то объекта или явления. Конечно, уже сама такая констатация содержит элементы абстракции, а значит и умозрительной реконструкции, упрощения реальности. Но тем не менее для этого уровня анализа главным является вопрос: “Что это такое?”.

Во-вторых, это *интерпретация* эмпирической реальности, когда исследователя интересуют не только и даже не столько характеристики объекта или явления, а механизмы его функционирования. Поэтому в этом случае на передний план выдвигаются такие вопросы как “Почему?”, “Каким образом?”, “Зачем?”.

Оба указанных уровня анализа применимы и к проблеме переходности, к изучению переходных процессов.

На первом уровне анализа (описание), используя гигантский фактологический материал истории различных обществ на всех этапах развития человечества, мы легко обнаруживаем то обстоятельство, что обществен-

ная жизнь – это далеко не плавный и спокойный процесс. Наоборот, ей всегда была свойственна смена состояний, постоянные изменения форм политического устройства, социально-экономических систем, моделей межгосударственного взаимодействия и т.д. Но таким же очевидным выводом, вытекающим из бесконечного множества исторических фактов, является и то, что смены этих состояний, глубокие общественные изменения, как правило, не совершаются в одночасье, одномоментно, а происходят в результате достаточно длительного *переходного процесса* от старого состояния к новому.

Таким образом, исходным положением описательного уровня анализа является то, что переходные процессы, переходные состояния являются неотъемлемым элементом исторического процесса.

История различных эпох и общественных систем дает нам богатый материал для изучения многих аспектов и характеристик переходных процессов. К их числу можно отнести такие как а) временная протяженность перехода, динамика, темп переходного процесса; б) способы и методы переходных мероприятий; в) масштабы и глубина перемен, которые происходят в обществе и т.д. Разумеется, при некоторых общих характеристиках данный уровень анализа выявляет множество специфических, уникальных моментов, которые происходят в отдельных общественных системах и в различных исторических ситуациях.

Второй уровень анализа (интерпретация) является естественным и необходимым дополнением первого. Теоретическая мысль не может удовлетвориться только описанием эмпирической реальности, она идет дальше и ставит перед собой следующие вопросы:

а) Если переходные процессы свидетельствуют о смене общественных состояний, то от *чего* к *чему* осуществляется данный переход?

Это вопрос о природе общественных систем, той, которая разрушается, исчезает и той, которая возникает, формируется.

б) Каково соотношение старого и нового в переходном процессе, динамическое сочетание разрушающихся и формирующихся элементов общественных систем? Это вопрос о природе смешанного, переходного общества, о его специфике и механизмах функционирования.

в) Почему вообще происходит смена общественных систем, или какими причинами обусловлены переходные общественные состояния, смешанные общества? и т.д. Это вопрос о природе исторического процесса, исторической динамике в целом, или о сущности детерминаций общественного развития.

На этом уровне анализа становится необходимой типология переходных процессов, т.к. в различных социальных теориях искомым понятием переходности описываются состояния, не сопоставимые по своим масштабам и параметрам. У одних понятие перехода применяется к процессам космических масштабов, в которых общественные изменения являются лишь этапом, составной частью развития Вселенной, органической жизни на Земле (Гердер), у других речь идет о нескольких глобальных переходах человеческого общества от одной исторической эпохи к другой (Кондорсэ, Маркс), у третьих выделяются и анализируются переходные состояния внутри определенных общественных систем, культурно-цивилизационных общностей (смена различных образов правления – демократии, монархии деспотии у Монтескье или смена состояний расцвета, зрелости и упадка конкретных общественных организмов у Данилевского и Леонтьева). И наконец, во всех трех выше названных подходах обнаруживается отступление к четвертому, когда анализируются переходные ситуации, во время которых происходят эволюционные процессы обновления, модернизации отдельных сфер в тех или иных конкретных общественных системах.

Между всеми этими подходами существует определенная связь, поскольку они фиксируют лишь отдельные моменты целостности, но значимость этих моментов зависит от понимания этой целостности.

Второй интерпретационный уровень анализа прямо связан с прогностической функцией социальной науки, реализация которой является, безусловно, наиболее сложной и трудоемкой частью научных исследований. Вместе с тем выявление механизмов функционирования общественных, в том числе и переходных процессов, может позволить исследователю предугадывать переходные явления, создавать адекватные модели переходных процессов и тем самым активно влиять на их ход и делать их более организованными, чем просто путь “проб и ошибок” или неуправляемая социальная импровизация.

Нетрудно заметить, что этот уровень анализа переходных процессов связан с фундаментальными теоретико-методологическими и философскими основаниями, из которых исходит исследователь. Среди этих оснований наиболее важную в данном случае роль имеет общая теория развития и вытекающая из нее парадигма исторического процесса, исторического времени. О такой зависимости свидетельствует прежде всего то, что в истории общественной мысли новые модели и интерпретации проблемы переходности появлялись одновременно с новыми философскими и политическими учениями, в периоды становления новых типов мышления и мировоззрения. Все это говорит о том, что проблема переходности является важной и неотъемлемой частью фундаментальных представлений человека о мире на разных этапах его общественного и интеллектуального развития.

§ 2. Интерпретация переходности в различных парадигмах исторического процесса

В истории философской и социально-политической мысли существует множество моделей и концепций общественного развития, которые, если присмотреться к ним внимательно, по сути сводятся к двум фундаментальным парадигмам¹.

Эти фундаментальные парадигмы исторического процесса дают принципиально отличные друг от друга объяснения хода и механизма человеческой истории. Элементы этих парадигм обнаруживаются уже в учениях Античности, но развернутое теоретическое обоснование они получают позже – в Новое и даже Новейшее время. Речь идет, во-первых, о парадигме линейно-поступательного или стадияльно-восходящего прогресса И, во-вторых, о круговороте истории, о замкнутом цикле (рождение – созревание – гибель) существования локальных общественных систем. В основе этих парадигм лежат два фундированных представления о времени вообще и о социальном времени, в частности: хронология (фиксация поступательного хода событий, прогрессивного или регрессивного развития общества) и хронометрия (фиксация циклически повторяющихся событий и явлений как в природе – например, суточный или годовой цикл – так и в обществе). В реальном природном и общественном процессе хронологическое и хронометрическое время практически не существует в “чистом” виде, а накладывается друг на друга². Это обуславливает периодическое появление в

---

¹ Автор настоящей работы следующим образом определяет понятие “научная парадигма”: это “субъективный образ или мыслимая картина мира, основанные на одном из фундаментальных свойств развивающегося бытия”. Не трудно заметить, что данная трактовка отличается от дефиниции Т. Куна: “Под парадигмой я понимаю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения” (*Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11*). А именно это определение получило после перевода книги Т. Куна на русский язык наиболее широкое распространение среди отечественных обществоведов (см., например: *Яковец Ю.В. Истоки и перспективы формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения. М., 1996*).

² В отечественной научной литературе данная тема (парадигмы социального времени – парадигмы исторического процесса) никогда фундаментально не разрабатывалась, хотя целый ряд ученых подходили к

истории человеческой мысли не только “линейных” и “циклических” парадигм, но и моделей, являющихся синтезом линейности и цикличности.

Определение важнейших парадигм исторического процесса является теоретико-методологической базой для анализа проблемы переходности. Такой подход позволяет подняться над калейдоскопическим многообразием различных представлений, положений, моделей и т.д. о переходных процессах и выявить концептуальные интерпретации данного явления, вскрывающих его природу, сущность.

2.1. Парадигма линейно-стадиального прогресса

Рассмотрение различных парадигм исторического процесса вообще и моделей переходности, в частности, целесообразно начинать с XVII – начала XVIII вв., когда прежде всего во французской философии и политической мысли в противоположность господствующим до этого теологическо-спиритуалистическим или натуралистическим объяснениям истории начинается научный поиск и выявление причинно-следственных связей общественных явлений, исторического процесса. Появляется философия истории¹ – новая теория общества, объясняющая исторический процесс прежде всего как поступательный и бесконечный прогресс, неуклонное улучшение и совершенствование системы общественных отношений и са-

---

ней вплотную: См.: *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. С.62-99; *Гобозов И.А.* Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987. С.52–60; *Артыков Т.А., Молчанов Ю.Б.* О всеобщем и универсальном характере времени // *Вопросы философии*. 1988. № 7. С.134–140; *Полежаев А.В., Савельева И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993. С.148–166; *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1994. С. 62–91 и др.

Содержание различных парадигм исторического процесса (социального времени) в настоящей работе раскрывается лишь настолько, насколько это необходимо для выяснения сущности и специфики моделей переходности.

¹ Считается, что этот термин ввел в оборот Вольтер, который именно так назвал свою работу (1765 г.), ставшей вступительной частью к труду “Опыт о нравах и духе народов”.

мого человека. Эта теория ищет источник и механизм этого прогресса не вне, а внутри общества.

Логика развития идей этой новой теории у французских и немецких философов и просветителей XVIII – начала XIX вв. с необходимостью приводит к постановке трех важных вопросов: 1) почему угасают, а затем гибнут общественные системы (например, Римская империя – Монтескье пишет специальный труд под названием “Размышления о причинах величия и падения римлян”; 2) как, на основе чего возникают на месте гибнущих, новые, более совершенные общественные системы? , 3) необходимый связующий вопрос – что лежит между старыми и погибающими системами и новыми, возникающими, или *как осуществляется переход от старого к новому*, какова природа этого переходного общественного состояния?

Просвещение XVIII в. само по себе было явлением переходной эпохи, во время которой осуществлялся переход всего цивилизованного мира от одного типа политического и социально-экономического строя (феодализма) к другому (капитализму).

С одной стороны, теории просветителей (если принять за вершину этого течения французских мыслителей XVIIIв.) можно рассматривать как отражение и осмысление реальных переходных процессов, которые к началу XVIII в. уже происходили в ряде стран (Англия, Северная Европа), но с другой – они были теоретико-идеологической подготовкой, обоснованием необходимости кардинальных общественных преобразований в таких странах, как Франция и Германия.

Собственно это и было главным в Просвещении – обосновать и оправдать необходимость общественной ломки и возможного и даже неизбежного при этом насилия. Поэтому несмотря на то, что многие идеи Просвещения (идея прогресса, свободы, всемогущества разума и т.д.) можно встретить у мыслителей разных эпох, доминирующим мировоззрением они

смогли стать только тогда, когда возникли реальные предпосылки и условия для их реализации – в XVIII в., в эпоху формирования буржуазного строя на месте рухнувшей феодально-аристократической системы.

Не надо преувеличивать, но и преуменьшать значение и роль проблемы переходности в воззрениях просветителей. С одной стороны, эта проблема не могла для них иметь первостепенное значение, ибо бесконечный и почти фатальный прогресс (суть представлений просветителей об истории) рано или поздно делал неизбежным переход от одной общественной системы к другой. Но вместе с тем сам прогресс многими просветителями понимался не только как поступательный, но и как дискретный процесс, в котором прогресс сочетается с регрессом, и вполне могут быть попятное движение, тупики, зигзаги и т.д. Отсюда проблема перехода становилась многовариантной, зависимой от специфических и конкретно-исторических условий, которые нужно изучать и учитывать в практической деятельности, в которой, как известно, многие просветители принимали самое активное участие.

Именно на стыке этих двух противоречивых посылок и формируются взгляды просветителей на проблему переходности.

Ключевым для понимания этих взглядов является понятие “порядок”, которое встречается практически у всех философов и политических мыслителей XVIII – начала XIX вв. Без этого понятия они не могут обойтись при описании сущности развития как в природе, так и в обществе и в определенном смысле через понятие “порядок” ими объясняются необходимые взаимосвязи природного и социального миров.

Кондильяк, например, находит “порядок” во всех сферах человеческой деятельности и считает, что это происходит потому, что “... сама природа указывает порядок...”¹. О том, что существует “естественный поряд-

---

¹ Кондильяк. Сочинения: В 3 т. Т.1. М., 1980. С.299.

док вещей” говорит и Морелли¹. Дидро же как бы подводит итог отдельным высказываниям Кондильяка и Морелли: “...Хаос есть нечто невозможное, т.к. имеется порядок, существенно соответствующий изначальным качествам материи”².

Выше приведены мысли просветителей, относящихся к старшему поколению (40–50-е гг. XVIII в.). Важнейшим понятие “порядок” остается и в воззрениях просветителей позднего поколения (конец XVIII в.). У Гердера, например, мы находим такое замечание: “... Я иду по лабиринту истории и повсюду вижу божественную гармонию и порядок...”³. Понятие “порядок” встречается и в работах Канта⁴.

Развернутую концепцию порядка дает в своей “Системе природы” Гольбах. “То, что мы называем *порядком*, – пишет он, – в природе, есть строго *необходимый* способ бытия последней или столь же необходимое расположение ее частей”⁵, “... *порядок* – это необходимая цепь причин и следствий, совокупность которых, их связь и действие мы видим или воображаем”⁶. Порядок – это фундаментальная характеристика бытия, равно относящаяся и к природе, и к обществу. “Порядок в политическом обществе, – по мнению Гольбаха, – есть результат необходимой цепи идей, желаний, действий составляющих его людей, деятельность которых направлена таким образом, что они содействуют либо сохранению целого, либо его распаду”⁷.

Но абсолютен ли, постоянен ли порядок, по Гольбаху? Нет. По мнению этого французского философа даже беглый взгляд на историю человечества говорит о том, что она изобилует периодами, которые нельзя отне-

---

¹ Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух законов. М.-Л., 1956. С.149.

² Дидро. Сочинения: В 2 т. Т.1. М., 1986. С.352.

³ Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.455.

⁴ См.: Кант. Сочинения: В 6 т. Т.6. М., 1966. С.11.

⁵ Гольбах. Избранные произведения: В 2 т. Т.1.М., 1963.С.105.

⁶ Там же. С.351.

⁷ Там же. С.110.

сти к “порядку”. Поэтому в концепции Гольбаха существует антиномия “порядку” – категория “беспорядок”. “Порядок” и “беспорядок” у Гольбаха взаимосвязанные категории, необходимые антиномии реальной и мыслимой истории.

Каково же соотношение “порядка” и “беспорядка” в истории? Для Гольбаха ответ на этот вопрос ясен: “Беспорядок *всегда* (здесь и далее в данной цитате подчеркнуто нами – *Авт.*) есть лишь *переход* какого-либо тела или существа *к новому порядку*, к новому способу существования ... Чем быстрее совершается этот переход, тем больше беспорядок, испытываемый соответствующим существом”¹.

Таким образом, беспорядок это содержание, качественная характеристика переходных состояний, которые есть отклонение от нормы, от нормального, упорядоченного состояния общества. Гольбах даже употребляет такой термин как “прискорбные беспорядки”². Эти беспорядки, или переходы, переходные периоды как аномальные полосы общественного развития нужно пережить, воспринимая их трагической неизбежностью человеческого существования. Таков взгляд Гольбаха, как впрочем и многих других просветителей на природу переходных процессов.

Целый ряд новых моментов в интерпретации проблемы переходности мы находим в философии Гегеля. Разумеется, гегелевская теория (в том числе и его философия истории) выходит за рамки поступательных и тем более линейных представлений о развитии природы и общества. Но вместе с тем взгляды Гегеля на исторический процесс, безусловно, вытекают из прогрессистской парадигмы, привнося в нее при этом элементы диалектики.

---

¹ Гольбах. Избранные произведения: В 2 т. Т.1. М., 1963. С.105, 108.

² Там же. С.107.

В “Лекциях по философии истории” Гегелем и предпринимается попытка осмыслить проблему переходности применительно к обществу. Здесь Гегель приходит к заключению, что Мировой дух, который творит историю, не только изменяется в пространстве и во времени, не просто переходит от одного качества исторического бытия к другому, ”его изменение является не только переходом как обновлением, т.е. возвращением к той же форме, а скорее переработкой его самого, посредством которой он умножает материал для своих опытов...”¹. Мировой дух идет от одной ступени истории к другой, качественно изменяя, преобразуя на каждой из них самого себя, но одновременно и сохраняя при этом некую единую сущность, “общее начало”, которое и реализуется в ходе исторического процесса. “Жизнь настоящего духа,—развивает свою мысль далее Гегель, — есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существует одна возле другой и лишь, с другой стороны, является как минувшее. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине”².

Вот это “кругообращение” по восходящим ступеням мировой истории (“мировая спираль”) и составляет, по Гегелю, сущность переходных общественных процессов. Являясь сторонником восходящего прогресса, Гегель в тоже время считает, что действительные качественные изменения в обществе осуществляются путем ”перерыва” этого прогресса. Таким образом осуществляется *переход* на новую, качественно иную ступень общественного развития и это “иное” есть одновременно и отрицание старого, и сохранение, актуализация некоего “общего начала”, непреходящего существа мировой истории.

---

¹ Гегель. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 120.

² Там же. С.125.

2.2. “Формационный” синтез

В 40–50-е годы XIX в. в Европе появляется социально-политическая теория – марксизм – предложившая новый и оригинальный взгляд на сущность и направленность исторического процесса. Создатели этой теории – К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали противоположность своих воззрений предшествующим социальным теориям. Достаточно сказать, что первая глава “Немецкой идеологии” – труда, в котором впервые концептуально и была изложена новая теория, так и называлась – “Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений”. Но противоположность еще не значит отсутствие преемственности. Как раз наоборот, теория Маркса особенно применительно к общим законам и тенденциям развития исторического процесса, мировой истории есть ничто иное как модификация прогрессистской парадигмы (Просвещение, Гегель), попытка совместить, синтезировать идею прогресса с идеей исторического цикла, зародыши которой содержат учения античных философов, которые, как известно, Маркс прекрасно знал.

Для подтверждения данного вывода необходимо разобраться в существе, безусловно, важнейшей части марксовской концепции истории – в выводах, которые, по мнению самого Маркса и Энгельса, с необходимостью вытекают из материалистического понимания истории. Уже первый вывод не оставляет никакого сомнения в том, что Маркс и Энгельс мыслят в рамках прогрессистской парадигмы и в этом смысле лишь развивают на новом материале идеи Просвещения. “История, – пишут они, – есть ничто иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при со-

вершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности”¹. Итак в основе нового понимания истории лежит фундаментальная идея любого прогрессистского мышления – преемственность исторического процесса, человеческой истории. Только у разных мыслителей мы находим различные механизмы для сохранения этой преемственности: у Просветителей в качестве такого механизма выступает прогрессивный разум, общественное мнение, у Гегеля преемственность достигается деятельностью Мирового духа, у Маркса и Энгельса роль такого механизма выполняет диалектика производительных сил и производственных отношений.

Второй вывод Маркса и Энгельса из материалистического понимания истории состоит в следующем: “Чем ... дальше идет уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря более усовершенствованному способу производства, развивающемуся общению и стихийно возникшему в силу этого разделению труда между различными нациями, тем во все большей степени история становится всемирной историей”². Если в первом выводе Маркс и Энгельс говорят об общей особенности мировой истории, то на этот раз они отмечают характерную особенность современного этапа общественного развития, подчеркивают восходящую тенденцию прогрессирующего развития мирового сообщества. Правда, и в данном случае вывод Маркса и Энгельса не оригинален, ибо о превращении в современную эпоху истории во всемирную историю, т.е. в общемировую взаимосвязанную систему различных государств и народов, в основе чего лежит мировой рынок, говорили и до авторов “Немецкой идеологии” как экономисты (например, А.Смит), так и философы. Так Кант верил, “... что после некоторых преобразовательных революций осу-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. С.34.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. С.34.

ществится наконец то , что природа наметила своей высшей целью, а именно всеобщее *всемирно-гражданское состояние*, как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода”¹. О всемирной истории, о смене всемирно-исторических народов как ступенях восхождения мирового духа говорит и Гегель².

Новое слово в понимании хода общественных процессов, а главное в том, каким образом, в каких формах осуществляется и будет осуществляться переход человечества от одной стадии к другой содержалось в третьем выводе из материалистического понимания истории. По мнению Маркса и Энгельса, на определенном этапе развития формации (речь у них в данном случае идет прежде всего о капиталистической формации) производительные силы вступают в противоречие, а затем и в конфликт с производственными отношениями, поскольку первые, постоянно отставая от вторых, превращаются на данном этапе уже не в производительные , а в разрушительные силы, “вместе с этим возникает класс, который вынужден нести за себе все тяготы общества, не пользуясь его благами...”, и от которого поэтому исходит “сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание...”³. Позднее, уже не связывая данную мысль с выводами из нового мировоззрения об обществе, Маркс формулирует ее более четко: “На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, ... внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции”⁴.

---

¹ Кант. Сочинения: В 6 т. Т.6. М., 1966. С.21.

² См.: Гегель. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С.112, 114 и др.

³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1988. С.35-36.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т.13. С.7.

Таким образом, коммунистическая, или социальная революция становится у Маркса в отличие от предшествующих социалистов и коммунистов, которые также употребляли этот термин, не просто способом насильственного протеста с определенными целями и лозунгами, а и объективно необходимой и наиболее адекватной формой перехода от одной формации к другой или, по крайней мере, от капитализма к коммунизму. Маркс считает, что требование коммунистической революции это не только и даже не столько идеологический тезис, сколько вывод из научного анализа общественного развития, наиболее правильный, на его взгляд, вывод из этого анализа. В таком понимании коммунистической революции как бы развивается далее и одновременно переосмысливаются представления просветителей и гегельянцев о природе переходных процессов. Коммунистическая революция – это и упорядочение беспорядка и преодоление хаоса, т.к. в результате нее возникает новый, более совершенный общественный строй; это и скачок, “перерыв постепенности”, т.к. происходит одновременно и отрицание старого и сохранение преемственной сущности общественного бытия – соответствия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, но это и нечто большее – в этой революционной ломке сливается объективное и субъективное, образуется некая объект-субъектная реальность, которая и выводит общество на новую ступень развития. Происходит это потому, что, по мнению Маркса, только в революции изменяются не только обстоятельства, объективные условия, но и люди, их сознание. А действительные изменения возможны только таким образом. Поэтому, по мнению Маркса и Энгельса, “революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в револю-

ции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества”¹.

Рассматривая социальные воззрения Маркса, часто обращают внимание на его периодизацию истории, основанную на формационном делении общества (отсюда распространенный в настоящее время термин “формационная теория”). Но сам метод подобного стадийного членения мировой истории (конечно, по другим основаниям и с другими следствиями) использовался и до Маркса (например, в системах Гегеля и Фурье). Да и самого Маркса интересует, конечно, не вся мировая история, а главным образом две формации – реально существующая уже при жизни Маркса капиталистическая (ее анализу он посвящает целый цикл обширных и фундаментальных экономических исследований) и коммунистическая формация, возникновение которой он считал неизбежным.

Поэтому, безусловно, более важной и с теоретической, и с практической точек зрения для Маркса была не проблема стадийности исторического процесса, а вопрос о том, *как (когда, почему)* произойдет этот формационный переход от капитализма к социализму. Не случайно, в работах Маркса и Энгельса мы находим не просто отдельные рассуждения и положения о переходных периодах, а достаточно целостную и развернутую концепцию перехода от капиталистической формации к коммунистической².

У Маркса и Энгельса встречается понятие “коммунистической революции” в узком смысле – как политическая революция, как захват, смена политической власти, но все же основным значением этого понятия является более широкое – коммунистическая революция как социальная рево-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1988. С.36.

² В Предметном указателе ко второму изданию Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса (Часть вторая. М., 1978) рубрика “Переходный период от капитализма к коммунизму (социализму)” занимает четыре страницы (с. 99–103), содержит около 80 подрубрик, которые охватывают самые различные характеристики и аспекты переходных процессов.

люция, как преобразование всего общества, как “эпоха” “период революционного превращения” капиталистического общества в коммунистическое. Нетрудно заметить, что в этом смысле понятие “коммунистическая революция” совпадает с понятиями “переходный период”, “переходный процесс”.

Какое же содержание вкладывают Маркс и Энгельс в эти понятия, как, по их мнению, должен происходить, разворачиваться этот переходный процесс от капитализма к коммунизму. Их представления по этому вопросу весьма многообразны и многоаспектны, но их все же можно свести к двум принципиальным тезисам.

Первый. Переход от капитализма к коммунизму – это мировой процесс, или, по крайней мере, процесс, который должен охватить все цивилизованные, наиболее развитые страны. Коммунистическая революция является поэтому с необходимостью мировой революцией. Конечно, такой процесс не может быть скоротечным и тем более одноактным, а будет представлять из себя цепь коммунистических революций прежде всего в таких странах как Франция, Германия и Англия с последующим распространением революционного процесса на периферию капиталистической формации. Вообще в своих рассуждениях о мировой коммунистической революции Маркс и Энгельс рисовали достаточно сложную картину взаимовлияний и волнообразных процессов, которые по их гипотезе должны были охватить различные зоны мирового сообщества.

Несколько обобщая и схематизируя эти представления, в них можно выделить три уровня взаимосвязей в мировом коммунистическом процессе.

1) Взаимосвязанная цепь пролетарских революций в наиболее развитых странах Европы (Франция – Германия – Англия).

2) Взаимовлияние пролетарских революций на Западе и буржуазно-демократических на Востоке, в странах, непосредственно примыкающих к цивилизованной Европе (прежде всего имелась в виду Россия).

3) Взаимосвязь революционного процесса в Европе (включая Россию) и национально-освободительных и демократических революций в колониальных и зависимых странах (особенно в Китае и Индии)¹.

Второе. Коммунистическое общество естественным путем вырастает из капиталистического и является не только антикапитализмом, а – и это главное – посткапитализмом. Поэтому переходный процесс – это прежде всего развитие тех предпосылок коммунизма в различных общественных сферах, которые формируются уже внутри капиталистической формации. В экономической области в качестве таких предпосылок Маркс и Энгельс рассматривают различные монополистические формы промышленного и финансового капитала, которые имеют тенденцию к обобществлению. По Марксу и Энгельсу, этих и некоторых других предпосылок вполне достаточно для формирования коммунистического хозяйства, т.к. в ходе мировой коммунистической революции для этого процесса сложатся благоприятные условия. Ведь не только в отдельных странах, но и в мировом масштабе (во всяком случае в цивилизованном мире) будет в результате этой революции происходить естественная смена устаревших форм экономической жизни новыми более передовыми и совершенными. Мировой капиталистический рынок преодолевается (снимается) коммунистическим мировым хозяйством, тем самым ликвидируется конкуренция в мировых экономических отношениях и образуется система во многих отношениях гомогенных и стремящихся к слиянию национальных хозяйственных структур. Мировой характер переходных процессов от капитализма к коммунизму и

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.22. С. 319–329; Т. 38. С. 464–465; Т. 39. С. 75–76; Т.22. С. 435, 443–446, 453, 532–537 и др.

природа социально-экономических и политических преобразований в этот период у Маркса взаимосвязаны друг с другом и в отдельности теряют всякий смысл.

И наконец, еще одной важной особенностью марксовской модели переходного процесса является то, что она с философско-методологической точки зрения формируется в результате слияния, синтеза двух парадигм исторического процесса: линейно-стадиального прогресса (здесь совершенно очевидно уже отмечавшееся влияние на Маркса просветителей XVIII в.¹) – восхождение человеческого общества от одной формации к другой как проявление нарастающего прогресса во всех сферах общественной жизни и циклического круговорота общественных систем (в данном случае Маркс использует идеи античных философов , Вико¹ и Гегеля), в котором каждая формация проходит естественно-исторический путь возникновения, созревания и гибели, и когда при переходе от одной формации к другой в обществе возникают аналогичные возвратно-повторяющиеся ситуации – конфликт производительных сил и производственных отношений, разрушаемый социальной революцией, сменой господствующего класса, системой отношений собственности и т.д.

2.3. Циклическая парадигма

Идея поступательного прогресса в различных ее модификациях безраздельно господствовала в умах на протяжении почти полутора столетий, пока в самом конце 60-х – начале 70-х гг. XIX века в России не появляются концепции однозначно отвергающие прогрессистскую парадигму и пред-

---

¹ Еще в советской литературе высказывалось мнение, что Ленин незаслуженно исключил из числа теоретических источников марксизма французский материализм и просвещение XVIII в. См.: *Кузнецов В.Н.* Французский материализм XVIII века. М., 1981. С.290.

лагающие принципиально иной взгляд на природу и механизм исторического процесса. Эти концепции мы встречаем в работах двух русских мыслителей – Н.Я. Данилевского (“Россия и Европа”, 1869) и К.Н. Леонтьева (“Византизм и славянство”, 1875).

Суть новых идей заключалась в признании специфического общего закона развития, действие которого распространяется как на живую, органическую природу, так и на общество и состоит в том, что, во-первых, развитие, процесс всяких изменений происходит не просто как безграничное “распространение”, “разлитие” (термины Леонтьева) по социальному универсуму, а как развитие замкнутых, локализованных друг от друга общественных организмов или систем, и во-вторых, по Данилевскому, “бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении (а еще более во всех направлениях разом) есть очевидно невозможное”². Развитие также не является прогрессирующим восхождением целостного социума, а есть последовательная смена стадий развития любого живого организма, которое имеет момент рождения, периоды созревания, зрелости, старости и неминуемую смерть. Данную модель развития Данилевский и Леонтьев целиком переносят на общественную жизнь. Человечество поэтому, с одной стороны, состоит из отдельных индивидуумов, каждый из которых живет прежде всего внутренней жизнью, а с другой – расчленяется на локальные общественные организмы, развитие которых подчинено главным образом собственным законам.

У Данилевского такими общественными организмами выступают культурно-исторические типы или цивилизации³; в них и проявляется качественное своеобразие “религиозного, социального, бытового, про-

---

¹ Маркс хорошо знал и высоко оценивал трактат Дж. Вико “Основания новой науки об общей природе вещей” (1725–1744), в которой развивается концепция круговорота истории.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.108.

³ У Данилевского понятие “цивилизация” употребляется в двух значениях: 1) как синоним понятия “культурно-исторический тип”, 2) как фаза, этап развития культурно-исторического типа.

мышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития человечества”. Каждый из культурно-исторических типов (а их Данилевский выделяет более десяти) развивается самостоятельно и имеет по три основных этапа или состояния: этнографическое, государственное, цивилизационное или культурное.

У Леонтьева в качестве локальных общественных единиц выделяются так называемые государственные организмы, которые, по его мнению, как и все другие органические системы своим развитием повторяют один и тот же путь: ”Все сначала просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь вторично*, а потом еще более упрощаясь отпаданием частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану””¹. Это “постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему”, по Леонтьеву, осуществляется в три основных этапа (им, в отличие от Данилевского, Леонтьев дает метафорические названия). Начинается развитие любого, в том числе, и общественного, организма с *первичной простоты*, затем наступает *цветущая сложность* и, наконец, *вторичное смесительное упрощение*, во время которого наступает гибель организма или системы².

Леонтьев проводит сравнительные исторические расчеты длительности существования различных государственных организмов и приходит к выводу, что их гибель наступает не позднее, чем через 1000–1200 лет после возникновения³.

Данные идеи Данилевского и Леонтьева содержали в себе основу новой, принципиально отличной от прогрессистской, парадигмы исторического процесса, в соответствии с которой сущность и направленность об-

---

¹ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С.72.

² См.: Там же. С.75.

³ См.: Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С.84. Необходимо отметить, что у Леонтьева, в отличие от Данилевского, понятие “цивилизация” ни при каких интерпретациях не совпадает с понятием

ественного развития определялась уже не хронологическим, а хронометрическим (циклическим) временем.

Центральным в этой новой парадигме было положение о законообразной и поэтому необходимой повторяемости явлений и процессов при развитии различных замкнутых (локальных) общественных систем (культурно-исторических типов или государственных организмов). Любая общественная система по этому закону повторяемости к какой бы эпохе истории человечества она не относилась и какой бы спецификой внутреннего устройства не обладала, в своем развитии проходит одни и те же стадии и фазы. При обосновании данного вывода у Данилевского и появляется искомое понятие “цикл”: “Раскрывая историю отдельного культурного типа, если цикл его развития вполне принадлежит прошедшему, мы точно и безошибочно можем определить возможность этого развития, можем сказать: здесь оканчивается его детство, его юность, его зрелый возраст, здесь начинается его старость, здесь его дряхлость...”¹.

Какое же место в теориях Данилевского и Леонтьева занимает проблема переходности? Общий ответ на данный вопрос заключается в следующем: в этих теориях мы сталкиваемся с принципиально отличными от прогрессистских представлениями о переходных процессах в обществе. Если в прогрессистской парадигме переходность интерпретируется как восстановительно-созидательный процесс (“упорядочение беспорядка”, переход к новой формации и т.п.), то Данилевский и Леонтьев кардинальные исторические сдвиги и переломы связывают с неизбежным гибельным

“государственный организм”. Цивилизация для него тождественна культуре, и “... цивилизации обыкновенно надолго переживают те государства, которые их произвели”. См.: Там же. С.111.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.87.

исходом, катастрофами¹ локальных общественных организмов, из которых и состоит человечество.

Близкое к традиционному понимание переходности встречается у Данилевского в связи с чередованием определенных этапов, фаз в развитии отдельных культурно-исторических типов, когда он говорит о закономерности перехода “из этнографического состояния в государственное,... из государственного в цивилизационное, или культур-

---

¹ Понятия “гибель”, “катастрофа” и т.п. применительно к завершающей фазе круговорота государственных организмов особенно часто употребляет К. Леонтьев. См.: *Леонтьев К.Н. Избранное*. М., 1993. С.71-72, 114, 116 и др.

ное...”¹. И хотя сами переходные ситуации в данном случае только констатируются, здесь появляется чрезвычайно важная для понимания взглядов Данилевского идея *внешнего толчка*, в соответствии с которой внутренняя, подчиненная прежде всего собственным законам жизнь культурно-исторических типов подвержена тем не менее внешним влияниям. Крупные изменения в культурно-исторических типах, в том числе и переходы от одного состояния к другому, по мнению Данилевского, обуславливаются “толчком или рядом толчков внешних событий возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении”².

Таким образом, локальность, внутренняя замкнутость культурно-исторических типов не исключает, а наоборот предполагает их взаимодействие, взаимовлияние. Причем эти внешние толчки-события, по Данилевскому, обнаруживаются в реальной истории не только между сосуществующими, но и между гибнущей, уходящей и нарождающейся, становящейся цивилизационными системами³.

Эти две идеи в воззрениях Данилевского и Леонтьева – катастрофа локальных цивилизаций как кардинальный и в тоже время закономерный сдвиг в мировой истории и внешние влияния (толчки) между этими цивилизациями – создают диалектическую модель соотношения национального (локального) и интернационального в мировой истории.

В этой модели локальные катастрофы не носят апокалипсического характера для человечества; они лишь вспышки колейдоскопической динамики цивилизационного многообразия мира, проявления действия фундаментального закона циклической повторяемости явлений природы и общества. Эта повторяемость охватывает и соединяет национальный и интернациональный уровни мировой исторической жизни. Повторяющиеся эта-

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 111.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 111.

³ См.: Там же. С.88, 99–100.

пы в развитии общественных систем объективно обуславливают накопление социальной информации, которая может передаваться по горизонту истории. Вместе с этим повторяемость проявляется и на уровне межцивилизационного взаимодействия. Упадок одной цивилизации с необходимостью вызывает подъем другой, а гибель какой-то цивилизации означает появление другой, новой.

Таким образом, сама проблема общественных изменений, а значит и проблема переходности в новой циклической парадигме исторического процесса становится прежде всего проблемой специфического проявления закона единого цикла в различных слоях и уровнях мирового социума¹.

§ 3. Миросистемная парадигма как новейший синтез линейности и цикличности: проблема переходности

В конце 80 – начале 90-х гг. XX в. для отечественного обществоведения одной из наиболее актуальных становится тема целостности современного мира². В основе развернувшегося научного спора была проблема соотношения так называемых “формационного” и “цивилизационного” подходов к интерпретации исторического процесса³. Различные толкования данной проблемы появились в советской научной литературе еще в 70-х гг.⁴, но в период горбачевской гласности становится возможным высказать

---

¹ В XX в. идею циклического развития локальных цивилизаций развивают в своих трудах О.Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс и др.

² В двух научных журналах в 1989 – 1990 г. (*Мировая экономика и международные отношения* и *Вопросы философии*) была проведена специальная дискуссия по проблемам целостного мира. В № 12 за 1990 год итоги этой дискуссии были официально подведены, но через некоторое время, особенно с 1993 г. в этих и ряде других журналах обсуждение данной темы возобновилось. Данная дискуссия продолжается и по сей день.

³ Автор настоящей работы считает, что с научной точки зрения более корректно сравнивать и особенно противопоставлять линейную и циклическую парадигмы (подходы).

⁴ См., например: *Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Ковалев А.М.* Диалектика способа производства обществен-

главный и тщательно скрываемый до этого тезис об ограниченности формационной теории Маркса и о необходимости разработки более широкой и универсальной, чем марксистская, методологии анализа общественных процессов, которая исходила бы не только из социально-экономических и классовых, но и социокультурных, этнических, социально-психологических и других (обобщенно: цивилизационных) факторов.

Новая дискуссия имела как бы два аналитических уровня. Первый – преобладал на начальных стадиях, имел сугубо критическую направленность и сводился к доказательству ошибочности или устарелости тех или иных тезисов и выводов Маркса. Второй – более глубокий – рассматривал формационную теорию через проблему развития научного знания и, в частности, теории общества. Именно на этом уровне дискуссии и был поставлен вопрос о необходимости разработки новой парадигмы исторического процесса, в которой был бы осуществлен более глубокий, чем в формационной теории, синтез линейности и цикличности в развитии социума.

К осознанию данной проблемы именно на таком уровне анализа исторического процесса ученые на Западе приходят уже в 50-х гг.¹. С этого момента постепенно начинает формироваться научное направление, в котором переосмысливаются ранее существующие представления о социальном времени и ставится грандиозная исследовательская задача – не только осуществить новый синтез линейности и цикличности, но и выработать на базе этого синтеза новую модель исторического времени, а значит и новую парадигму исторического процесса². Необходимо отметить, что данная задача не решена полностью и по сей день, хотя сейчас над ее ре-

---

ной жизни. М., 1982; *Он же*. Социализм и закономерности общественного развития. М., 1983, а также обобщающую статью: *Шемякин Я.Г.* Проблема цивилизации в советской научной литературе 60-80-х годов // *История СССР*. 1991. № 5. С. 86–103.

¹ В 1995 г. в российской научной периодике начинают появляться статьи, обобщающие результаты западных исследований по этой теме (см.: *Чешков М.* Мирочелостность и ее история // *Вопросы истории*. 1995. № 2. С.27–43).

² Чаще всего данную парадигму в настоящее время связывают с понятием “миросистемность”.

шением работают многочисленные научные школы, в которых представлены специалисты из различных областей гуманитарных и естественных наук.

Впервые наиболее серьезную попытку в данном направлении предпринял один из лидеров французской исторической школы “Анналы” – Ф.Бродель в статье “История и общественные науки. Историческая длительность” (1858)¹. В данной статье Бродель прямо говорит об исходных мотивах своего научного поиска, о том, что, по его мнению, представляется насущно необходимым “создать некоторый синтез “циклический” истории и истории традиционной...”². Последующая реализация этой цели создавала сущностную преемственность концепции Броделя и формационной теории Маркса как двух синтезов линейности и цикличности, хотя по многим методологическим и идейным основам эти две социальные теории принципиально расходятся. Сам Бродель об этой преемственности говорит так: “Гений Маркса, секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе”³.

Проблема долговременности, или точнее разновременности в истории становится исходной и в концепции Броделя. Исторические исследования Броделя приводят его к выводу, что существуют два фундаментальных временных пласта, временных ритма истории – “истории событий”, которые случаются ежедневно и ежечасно и “истории большой, даже очень большой длительности”⁴. Именно эта “длительная история” скрывает (или наоборот открывает) для исследователя “...движения, идущие из

---

¹ На русском языке данная статья вышла в 1977 г.(см.: Философия и методология истории. М., 1977. С.115–142).

² Философия и методология истории. М., 1977. С. 122.

³ Там же. С.139.

⁴ Там же. С.118.

глубины исторического времени”¹, что и позволяет ему “выявить действительный фундамент исторических событий”². На самом деле, по мнению Броделя, существует множество временных ритмов, в том числе срединный, являющийся по своей природе циклическим³ или волнообразным и имеющий среднюю длительность, измеряемую несколькими десятилетиями⁴.

Идея о множественности временных ритмов, которые характерны для различных сосуществующих исторических реальностей, легла в основу грандиозного исторического анализа развития человеческой цивилизации, предпринятого Броделем в трехтомном фундаментальном труде “Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.”⁵.

Ключевое понятие исторической концепции Броделя – это “мир-экономика”, который есть не мировая (или всемирная) экономика, а “экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство”⁶. Анализ нескольких веков истории международных политических и экономических отношений свидетельствует, по Броделю, о том, что различные “миры-экономики” не

---

¹ Там же. С.128.

² Там же. С.127.

³ В данном случае под циклической длительностью подразумевались не цивилизационные циклы Данилевского и Леонтьева, а циклы или волны Кондратьева – колебательные движения конъюнктуры и мирового рынка.

⁴ А.Я.Гуревич связывает у Броделя идею множественности временных ритмов и проблему социальных детерминаций: “Согласно броделевскому детерминизму, те пласты реальности, которые менее всего меняются, – природно-географические условия – вместе с тем в наибольшей степени определяют человеческую жизнь. От них зависят экономика и социальная структура. Чем короче ритм, которым подчинен тот или иной уровень действительности, тем в меньшей степени этот уровень оказывает свое воздействие на исторический процесс. Иерархии временных длительностей, соответствует, по Броделю, иерархия причинно-следственных связей в истории” (см.: *Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа “Анналов”*. М., 1993. С.122–123).

⁵ 1-й том этого труда увидел свет в 1967 г.; в 1979 г. были опубликованы все три тома. На русском языке данный труд Броделя вышел в 1986–1992 гг.

⁶ *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII в. Т. 3. Время мира*. М., 1992. С.14.

просто сосуществовали друг с другом, а в каждую историческую эпоху какой-то один мир-экономика становился господствующим в мире¹.

Для понимания сущности и динамики миров-экономик необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства: во-первых, мир-экономика – это неоднородная социальная система. Она включает в себя, по меньшей мере, три уровня социальной общности – развитое небольшое ядро, не очень большая слаборазвитая и примыкающая к ядру полупериферия и громадная неразвитая периферия². Поэтому в каждом мире-экономике “наличествовало сосуществование нескольких “способов производства”, от рабовладельческого до капиталистического” и “последний не мог жить иначе, чем в окружении других, им в ущерб”³. Между этими слоями, зонами мира-экономики существовали всегда сложные и противоречивые отношения, но все “эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых отсталых и наоборот...”⁴.

Во-вторых, мир-экономика – это лишь одна из четырех сфер, составных частей (в их число Бродель кроме экономики включает политику, культуру и социальную иерархию), которые взаимодействуют друг с другом и образуют целостную общественную систему (“мир-система” в терминологии Броделя). Поэтому исторический процесс – это не только смена миров-экономик – основа процесса, – а это смена миров-систем. По мнению Броделя, данный процесс происходит следующим образом: “... Связный мир-система, который спокойно развивался, приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рожда-

---

¹ Там же. С.21-28.

² См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С.32-33.

³ Там же. С.59. В данном месте своей книги Бродель ссылается на И.Валлерстайна – теоретика, который с середины 70-х гг. является последовательным сторонником Броделя, хотя и по некоторым вопросам высказывал иные суждения и выводы.

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 65.

ется другая система. Такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений”¹ .

Но как происходит сам процесс отмирания старой системы и нарождение, становление новой? Как осуществляется этот глобальный переход от одного господствующего мира-системы к другому? Знакомство с трудом Броделя свидетельствует о том, что он считает данную проблему важнейшей, но и наиболее сложной в своей концепции и поэтому пытается найти ответы на вопросы на основе анализа громадного фактологического материала, который охватывает несколько веков мировой истории и различные сферы общественной жизни.

Нельзя сказать, что Бродель создает специальную концепцию переходного процесса, но целый ряд его теоретических положений и обобщающих заключений позволяют сделать вывод о том, что он закладывает основы нового подхода к интерпретации проблемы переходности. Для адекватного понимания данного подхода важно сознавать, что миросистемный (броделевский) взгляд на историю нельзя отождествлять с положением о взаимосвязанности мировой истории. Миросистемность – это более широкое понятие и оно вскрывает более фундаментальные основы развития социума, чем взаимосвязанность этого социума. Последняя указывает лишь на существование необходимых отношений между различными частями мирового социума, на то, что “событие” в одной его части с необходимостью отражается, импульсируется во всех других частях. Миросистемность же развивает далее мысль о мировой взаимосвязанности и доводит ее до понимания того, что мир – это система неоднородных связей, сложная, несимметричная сеть отношений, имеющая узлы и зоны господствующих и подчиненных взаимовлияний, и что вся эта система функционирует в единых временных ритмах. В основе этого относительно единого потока вре-

---

¹ Там же. С.81.

менной ритмики мира-экономики (или мира-системы) лежит фундаментальная и максимально длительная, “вековая тенденция” (trend) движения социума, малозаметная, с точки зрения Броделя, в каждый данный момент, но идущая “своим неброским путем всегда в одном и том же направлении”¹.

Поэтому переходный процесс для Броделя – это глобальная деформация всей сложной системы структур и связей в рамках господствующей до этого мира-системы и формирование новой аналогичной системы. Данная переменная имеет не только пространственные, но и временные параметры – не в том смысле, что на этот переход уходит определенное время, хотя и это важный вопрос – а в том, что вместе с пространственными контурами старой системы меняется и система временных ритмов, происходят новые, другие наложения линейного и циклического времени истории. В этом вопросе Бродель пытается достичь полной ясности (хотя нет уверенности, что это ему до конца удастся). Не случайно он детально, с привлечением огромного количества данных изучает и анализирует историю уже свершившихся миросистемных переходов. Таких периодов в истории последних веков он выделяет четыре: 1) от Венеции (город-центр) к Антверпену, 2) от Антверпена к Амстердаму, 3) от Амстердама к Лондону, 4) от Лондона к Нью-Йорку. В этих переходах Бродель выделяет две важнейшие характеристики: *первая* – переходные процессы имеют глобальный или интернациональный масштаб, переходные события и мероприятия охватывают целый ряд стран и даже регионов мира, и национальные (страновые перемены) являются элементами, составными частями единого и целостного переходного процесса. И *вторая* – этот интернациональный процесс в различных зонах мира-системы протекает не в одинаковых формах, ибо

---

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С.72.

происходит сложная и комплексная трансформация мировых и национальных структур, которая включает в себя и катастрофические разломы, и революции, и реформы и т.д., происходящие одно- и одновременно в переходном универсуме мира-системы¹

В результате этого процесса меняется господствующий мир-система (мир-экономика), а значит совершается миросистемная глобальная трансформация, в которой синтезируется линейное и циклическое время – поступательное восхождение на новую более высокую ступень промышленного и технологического процесса, с одной стороны, и завершение цикла повторяющихся явлений и тенденций развития и упадка соответствующего мира-экономики (мира-системы), с другой.

Миросистемные идеи Броделя не оставили равнодушными современный научный мир, где они приобрели как своих горячих приверженцев², так и непримиримых критиков. Но несмотря на многообразие миросистемных или шире – мироцелостных концепций, которые в последние годы возникают как на базе развития идей Броделя (сейчас такие концепции начинают разрабатывать и российские ученые³, так и в результате критики

---

¹ См., например, описание этих процессов у Броделя при переходе “от Амстердама к Лондону” – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С.268–279.

² Среди наиболее крупных представителей западной науки, которые в настоящее время развивают теорию Броделя необходимо назвать И.Валлерстайна, который после смерти Броделя (1985 г.) возглавил в американском университете штата Нью-Йорк специальный Центр по изучению экономических и исторических систем и цивилизаций им. Ф. Броделя. Разумеется, это не единственный научный центр на Западе, где проводятся миросистемные исследования.

³ См., например: Чешков М. Понимание целостного мира: в поисках неформационной парадигмы // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 5. С. 33–48; Золотухин В., Золотухина-Аболина Е. От “предметоцентризма” к “системно-центризму” (к вопросу о новой парадигме социального мышления) // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 7. С.57–65; Миросистемный подход сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 11. С.51–68; Экономическая теория на пути к новой парадигме // Вопросы экономики. 1992. № 10. С.100–112; Чешков М. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. В поисках глобального и теоретического синтеза. М., 1994; Он же. Проблемы мироцелостности – “передний край” современного исторического познания // Вопросы истории. 1994. № 6. с. 51–55; Алтухов В. О смене порядков в мировом общественном развитии // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4 С. 5–21.

этих идей¹, очевидно то, что данные исследования находятся на начальной фазе, на этапе формулировки и обоснования базовых принципов и положений, и говорить о новой (третьей) парадигме исторического процесса можно пока еще только гипотетически. Но очевидно также и то, что именно это направление научного поиска, движения к новому синтезу (начало ему положил Бродель) является наиболее перспективным и адекватным в изучении и осмыслении общественных, в том числе и переходных процессов.

§ 4. Историческая обусловленность парадигм общественного процесса и современное содержание понятия “переходность”

Анализ философской и социально-политической мысли XVIII-XX вв. свидетельствует о существовании двух фундаментальных представлений социального времени – линейного и циклического. Именно эти две модели (в “чистом” виде или как теоретический синтез) и легли в основу всех основных парадигм исторического процесса, концепций мировой истории.

Появление и господствующее положение тех или иных парадигм исторически обусловлены конкретными условиями и обстоятельствами, хотя сама эта связка теоретической модели времени и концепции социума, истории имеет, по-видимому, более фундаментальную основу и обусловлена какими-то едиными законами природы и общества.

Но сначала о социально-исторических детерминациях двух основных парадигм времени и исторического процесса.

Представления о мировой истории как о восходящем прогрессе появляются в Европе в первой половине XVIII в. в условиях разложения феодально-аристократических режимов, когда деградация нравов и умона-

---

¹ См., научно-аналитический обзор ИНИОН РАН: Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И.Валлерстайна. М., 1992.

строений правящих кругов входила в вопиющее противоречие с проби- вающими себе дорогу модернизационными тенденциями в области науки, культуры, техники и промышленности. Становился все более очевидным неминуемый крах старых порядков и возникновение новых, в которых бу- дет господствовать разум и прогресс.

Циклические теории появляются в России в конце XIX века, а позже в Европе в достаточно схожих общественно-политических условиях – как тревожное предощущение надвигающихся социальных и национальных катастроф, в результате которых могут погибнуть не только устаревшие политические порядки, но и целые общественные системы (цивилизации). Эти предощущения и умонастроения не в последнюю очередь были вызва- ны крупными сдвигами в геополитическом взаимодействии основных по- литических сил на евро-азиатском субконтиненте, когда в самом начале 70- х гг. XIX в. после объединения Германии для многих русских мыслителей и политиков (не только для Данилевского и Леонтьева¹) стало очевидным неизбежное столкновение Германии и России, обусловленное более глубо- ким историческим противоборством германства и славянства.

В определенных исторических условиях формировались не только общие представления об обществе, об общественном развитии, но и свя- занные с ними модели переходности. Научное, и даже обыденное, массо- вое сознание, не может удовлетвориться лишь констатацией происходящих явлений и событий; оно всегда ставит перед собой вопросы о том, почему именно так, а не иначе развивается история и главное – как можно изме-

---

¹ См., например: *Ламанский В.И.* Три мира азийско-евразийского материка. Изд.2-е. Пг., 1916, а также: *Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций в русской исторической мысли // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

Нельзя не упомянуть о таком выдающемся явлении русской мысли конца XIX в. как философско- религиозная система Вл. Соловьева, итог которой так или иначе сводился к идее катастрофы. Е.Н. Тру- бецкой – автор двухтомного труда о творчестве Вл. Соловьева об этом пишет так: “Предчувствия навис- шей над человечеством катастрофы, всегда сильные у Соловьева, теперь сгустились и кристаллизовались в одно цельное и яркое впечатление. Перед ним во весь рост встал образ смерти, предстоящей в недале-

нить историю. Таким образом, можно говорить о социально-исторической детерминированности общих стереотипов и теоретических моделей способов (методов, форм) изменения действительности, переходов от одного общественного состояния к другому¹.

Для прогрессистской парадигмы исторического процесса больше всего соответствовало представление о переходности как о достаточно коротком и быстром периоде упорядочения беспорядка, преодоления хаоса, неизбежно возникающих при гибели старого режима, установления нового общественного порядка, который только и является нормальным состоянием общества. Причем просветители считали, что это можно осуществить как революционным, так и реформаторско-пропагандистским путем. Маркс внес в эти прогрессистские идеи важное уточнение – общество от одного порядка (формации) к другому может перейти только через мировую *революцию*, которая является не просто вынужденным и праведным насилием низших слоев общества по отношению к высшим (такое представление о революции было уже у просветителей), а способом (механизмом) разрешения объективно возникающего конфликта производительных сил и производственных отношений угасающей формации.

ком будущем всему человечеству. Земной путь последнего представляется философу уже окончательным” (*Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 2. М., 1995. С. 285– 286).

¹ Тезис о господствующей парадигме (как в целом исторического процесса, так и переходности), разумеется, не исключает того, что могут и должны сосуществовать различные и даже противоположные теории. Господствующая парадигма отражает магистральную линию и условия развития общественного процесса на данном историческом этапе. Но реальный социум всегда многообразен, противоречив и многовариантен. Поэтому не удивительно, что в 40-е гг. XX в. когда влияние марксовской формационной теории в мире, безусловно, не было господствующим, и умами постепенно стали овладевать идеи А.Дж. Тойнби, в западной науке появляется ставший быстро бестселером труд И.Шумпетера “Капитализм, социализм и демократия” (1942, русское издание: М., 1995) с явной апологетикой формационности, хотя и не ортодоксальной. В настоящее время, в период нарастающего влияния смежных и синтетических научных концепций, в том числе и теории миросистемности, как на Западе, так и в России всех взбудоражили идеи С. Хантингтона о предстоящем в недалеком будущем столкновении цивилизаций, который рассматривает развитие современного мира через призму “чистого” циклизма. См. перевод статьи С. Хантингтона из журнала *Полис* (1994. № 1), а также дискуссию вокруг этой статьи в зарубежной и российской научной периодике (см.: *Полис*. 1994. № 1 и 1995, № 1; *Мировая экономика и международные отношения*. 1994. № 11; *Общественные науки и современность*. 1995. № 4).

В циклических теориях понятие переходности интерпретируется через понятие “*социальная катастрофа*” локальных цивилизаций.

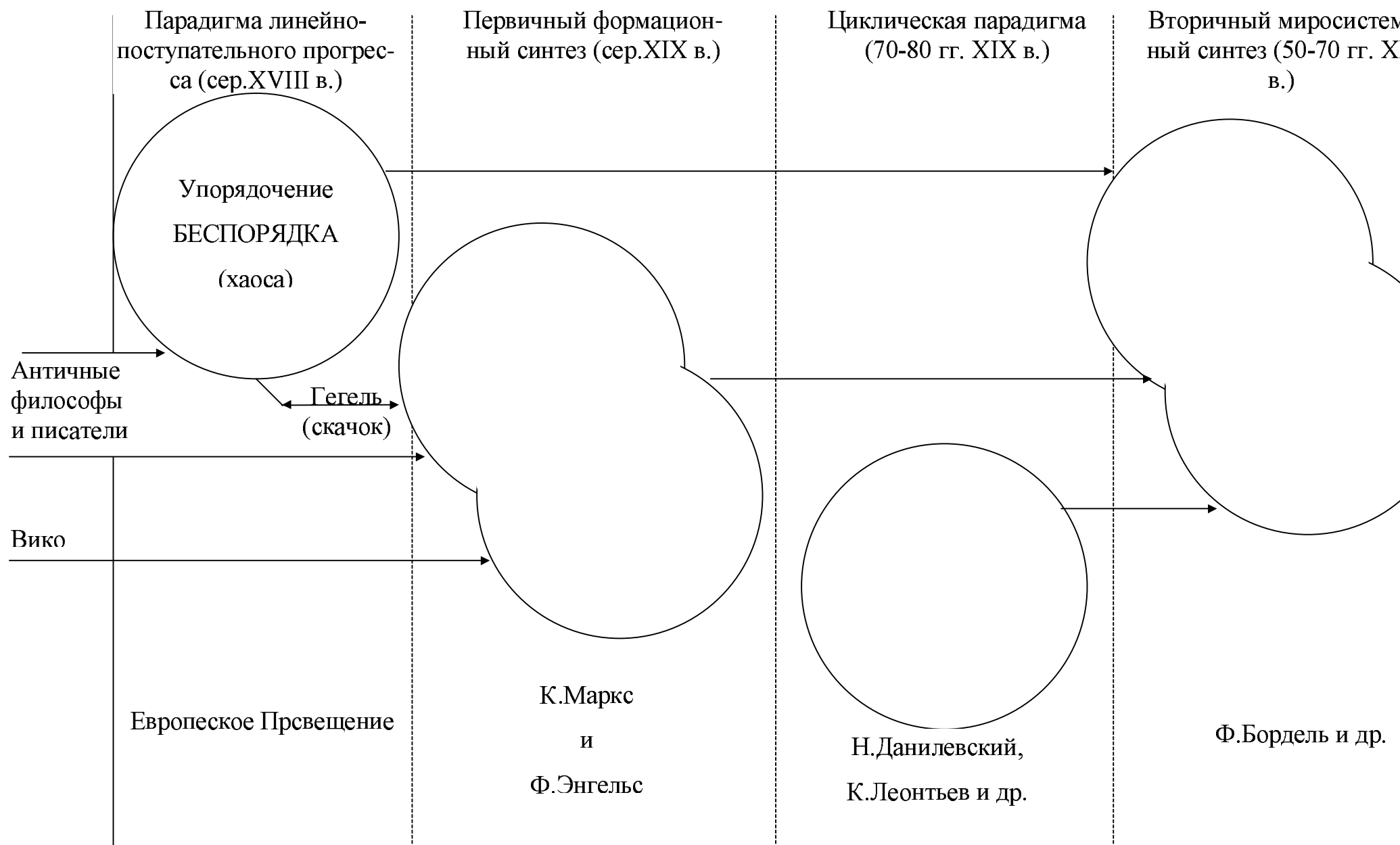
И наконец, в современных исследованиях и дискуссиях о миротрансформации переходность приобретает черты сложного и многоаспектного явления, в котором пересекаются различные временные ритмы, общественные тенденции, имеющие различные пространственные масштабы. Такая переходность подразумевает соединение в едином процессе неоднородных переходных форм – от катастрофических ломок до умеренных и постепенных реформ. И наиболее подходящим понятием, способным обобщенно отразить все это многообразие процессов и явлений является “глобальная трансформация”, в результате которой меняются не только общественные порядки в отдельных странах и регионах, но и общемировой порядок, система общемировых связей (см.схему на стр. 58).

Анализируя эволюцию интерпретаций и моделей переходности в XVIII- XX вв., мы обнаруживаем и вполне объяснимую эволюцию понятий, которыми описываются переходные процессы. Поэтому необходимо точно определить смысл и содержание этих понятий в современной социальной науке, учитывая их многозначное и широкое употребление в научном и публичном лексиконе.

Чаще всего для описания переходных процессов употребляется понятийный ряд, состоящий из трех опорных понятий: “революция – “реформа” – “трансформация”. В прогрессистской парадигме наиболее употребительным было понятие “революция”, что соответствовало и умонастроениям эпохи и реальному процессу кровавой революционной ломки, через которую проходят многие страны Европы в XVIII- XIX вв. . Хотя и у просветителей и у Маркса при анализе отдельных переходных периодов и ситуаций широко использовалась и понятие “реформа”.

В миросистемной парадигме на передний план выходит понятие “трансформация”, которое наиболее полно и адекватно отражает характер и содержание миросистемных изменений. Это понятие из выделенного выше понятийного ряда и включает в себя элементы как реформаторских, так и революционных процессов.

Интерпретация переходности в различных парадигмах исторического процесса XVIII–XX вв.

Можно сказать, что данные понятия, а также их употребление в различных концепциях как раз и отражают, с одной стороны, изменения реального исторического процесса, а с другой – эволюцию научной рефлексии этой реальности.

Если же в целом говорить об этих понятиях, то можно сделать вывод о том, что они в своем содержании отражают или выражают реальную форму, способ проявления, протекания переходных процессов.

Поэтому в разное время в эти понятия вкладывалось разное содержание. В современной науке (во всяком случае в данной работе) содержание основных понятий сводится к следующему.

“Революция” – это насильственная смена общественных порядков, инициированная и проводимая, как правило, усилиями низов общества.

“Реформа” – изменение общественных порядков в соответствии с определенной моделью, инициированное и проводимое, как правило, правящими кругами, но при обязательной поддержке широкими слоями общества.

“Трансформация” – сложный и комплексный процесс общественных изменений, включающий в себя и революционные и реформаторские элементы и способы.

Не входит в данный понятийный ряд понятие *“катастрофа”*, которое является главным в объяснении переходности у циклистов, так как этот термин связан не с формой, а с типом и даже сущностью переходного процесса.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в различных парадигмах исторического процесса и вытекающих из них моделях переходности существуют два основных представления о природе (сущности) переходных процессов. Первое связано с понятием *“катастрофа”* как с фаталь-

ной и сокрушительной ломкой существующих структур и связей, импульс и динамическая направленность которой находятся за пределами человеческой воли и не подлежат какому-либо влиянию со стороны общества. Именно такое понимание глобальных общественных отношений характерно для циклических теорий конца XIX - начала XX вв.

Второе представление о переходности связано с условным понятием “не-катастрофа”, когда слепая стихия общественных разрушений и катаклизмов в какой-то мере уравнивается сознательной деятельностью человека, организованных общественных сил. Импульс такому процессу дается не только из внеобщественных сфер, но и изнутри общества. И в этом процессе появляются элементы планомерности и управляемости.

Сопоставление двух категориальных рядов: *революция – реформа – трансформация* (описание формы переходного процесса) и *катастрофа – не-катастрофа* (описание сущности переходного процесса) выводит научное исследование на разные уровни. Если в первом случае мы можем найти ответ на вопрос: “как идет переходный процесс?”, то на во втором возможны ответы на такие вопросы, как: “почему происходят те или иные перемены?”, “что необходимо предпринять, чтобы эти перемены, переходы происходили наименее болезненно, некатастрофично?”

Раньше в советской социально-политической литературе господствовали упрощенные толкования переходных процессов, основанные на догматическом понимании формационной (коммунистической) теории. В соответствии с этими толкованиями проблема переходности сводилась главным образом к форме, комплексу практических мероприятий по преобразованию отдельных общественных сфер, что в пропагандистских материалах называлось “строительство социализма” или “строительство социалистического общества”.

В настоящей работе данный практический аспект не отбрасывается, но он является производным от более общих представлений о переходности. Суть этих представлений сводится к гипотезе о том, что *“переходный процесс” – “это критическая фаза, состояние локализованных общественных систем или мирового социума в целом, в которых происходят устойчивые и существенные изменения их пространственно-временных характеристик”*. Данное изменение всегда сопряжено с наложением, пересечением, столкновением различных временных ритмов и, прежде всего, линейного и циклического времени истории. В переходном состоянии дестабилизируется, разрушается системообразующее, доминирующее качество (или качественные характеристики) социального образования, которое ранее являлось основой для его устойчивого (непереходного) развития.

Сформулированные выше определения являются исходным рабочим тезисом дальнейшего исследования, предпринятого в настоящей диссертации. Логическая цепь построения материала этого исследования заключается в следующем: отталкиваясь от проблемы общеметодологической (парадигмальной) основы научных представлений о переходности как специфическом состоянии развития социальных систем, проводится анализ социальной динамики, реальных переходных ситуаций в развитии конкретной общественной системы – России. Затем уже на базе результатов и выводов, полученных в ходе этого анализа, автор диссертации возвращается к общим аспектам переходных процессов, к их интерпретации в различных теориях перехода в органических системах для того, чтобы осмыслить проблему соединения теории и практики в реальном преобразовательном процессе, проблему применимости, экстраполяции общих характеристик переходности к специфическим условиям России, особенно на современном этапе развития страны.

Автор исходит также из посылки, согласно которой вообще невозможно создать теорию переходного процесса без анализа реальной истории, в первую очередь истории сложных и долгоживущих общественных систем, которые в своем развитии проходят через многие узлы линейно-циклического времени, испытывают на своем общественном организме влияние различных временных ритмов.

Разумеется, к таким общественным системам всегда относилась Россия, которая пережила за три последние века значительно больше, чем какая-либо другая страна периодов общественных ломок, катаклизмов, болезненных переходов общества от одного общественного состояния к другому. Поэтому философско-политический анализ реальной отечественной истории, безусловно, может пролить свет на природу переходных процессов.

Глава 2

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ВРЕМЕННЫЕ РИТМЫ ИСТОРИИ

В название настоящей главы не случайно включено понятие “политический процесс”. Несмотря на то что его содержание и смысл могут показаться более узкими, чем, скажем, у понятий “общественный процесс” или “исторический процесс”, акцент на “политическое” позволит нам более глубоко и адекватно раскрыть природу российской истории и особенно ее переходных состояний, показать в ретроспективном плане целостность и в то же время многоплановость, противоречивость российского социума.

Вместе с тем выдвижение на первый план в настоящей работе понятий “политический процесс”, “переходные политические состояния” и т.п. не свидетельствует о том, что развитие российского общества сводится нами только к политике. Это понятие лежит в основе исследовательской установки, в соответствии с которой понять и объяснить развитие этой истории и этого общества можно только через политическую жизнь.

Данная исследовательская установка опирается на глубокую научную традицию изучения отечественной истории.

Во второй половине XIX в. в русской исторической и правовой науке сложилась так называемая государственная школа (С. Соловьев, Б. Чичерин и др.), центральной идеей которой было положение о доминанте государственных и правовых структур и отношений в развитии общества.

Материал и аргументацию для своих теорий государственники черпали главным образом из истории России.

И даже В.О. Ключевский, ученый, не являющийся сторонником государственной школы, а придерживающийся социологического (а в отдельных аспектах материалистического) метода, все же приходит к выводу о том, что предмет русской истории (а стало быть, в значительной степени и ее сущность) – это государство и народность¹.

Можно привести и другие примеры из истории русской философской и политической мысли. Суть одна: ученые дореволюционной школы, придерживающиеся различных научных и идеологических взглядов, в анализе истории российского общества приходили к одному и тому же выводу: доминантой общественного процесса в России является государство, сфера политических и правовых отношений. Такая роль государства в национальном развитии при этом рассматривалась не только как характерная, определяющая, но и как специфическая, отличительная черта России, как основание, которое отличает ее от многих других стран.

Данная проблема сущности и причин отличия России от остального мира и является исходной точкой нашего анализа.

§1. “Россия и Запад”: новый взгляд на старую проблему

В отечественных литературных источниках почти всех веков российской истории можно найти множество различных суждений о российской земле и ее народе, о том, чем они отличаются от других стран и народов. Можно даже сказать, что сравнение себя с другими, определение себя

---

¹ См.: Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 60.

на фоне других является постоянной темой, вечным вопросом, над которым бьется русская мысль.

К XIX в. сравнительный аспект в обществоведческих и литературных изысканиях становится центральным и выливается в специальную дискуссию под условным названием “Россия и Запад”, в которую в той или иной степени втягиваются основные интеллектуальные и политические силы страны.

Конечно, в основе данной формулы “Россия и Запад” было стремление познать прежде всего Россию, а не Запад, который в данном случае выполнял роль отражательного зеркала, некоего мерил прогресса. И тем самым искомую формулу можно свести к вопросу: “Что такое Россия (на фоне Запада)?”.

В ответе на данный вопрос уже в начале XIX в. столкнулись две позиции, две интерпретации. Первая: Россия – это страна, по ряду объективных причин отстающая от Запада, но имеющая все основания его догнать, пройдя ускоренными темпами путь Запада, реализовав его политический и социально-экономический опыт в российских условиях. Вторая: Россия – это общество, имеющее уникальную, самобытную природу, которая самоценна и самодостаточна для достижения высоких уровней общественного развития, но иными путями и способами, чем это сделал Запад.

Идеологом первой позиции в начале XIX в. выступил М. Сперанский, второй – Н. Карамзин. Обе позиции отталкивались от одной и той же основы – оценки реформ Петра I. В сопоставлении этих позиций сразу же проявилась несовместимость взглядов по таким вопросам, как “влияние Запада на Россию”, “необходимость заимствования западного опыта” и т.д.

М. Сперанский оценивал прозападнические тенденции в преобразованиях Петровской эпохи как наиболее верный путь, ведущий к спасению России¹. Н. Карамзин же, наоборот, считал этот путь началом ее неизбежной гибели².

Из этих оценок логически вытекали и две противоположные модели дальнейших преобразований в России. М. Сперанский, который исходил из того, что существует единый поток эволюции феодального общества (в него целиком, по его мнению включается и Россия), считал, что на определенном этапе в силу объективных причин необходим будет “новый вещей порядок”, когда на смену абсолютизму (или самодержавию) должен прийти другой, более демократический строй³. По мнению М. Сперанского, Россия уже подошла к этому рубежу, ибо, как он писал, “можно, кажется, с достоверностью заключить, что настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа (России. – *Авт.*) и что настало время переменить ее...”⁴.

Одновременно с М. Сперанским прямо противоположный вывод делал Н. Карамзин. “Самодержавие, – писал он, – есть палладиум (залог благополучия и процветания. – *Авт.*) России; целость ее необходима для ее счастья...”⁵.

Побеждает, как известно, в этом споре линия Н. Карамзина, что привело к опале М. Сперанского, занимающего в то время один из высших постов в империи, и к свертыванию намечавшихся государственных преобразований.

---

¹ См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. М., 1961. С. 57.

² См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

³ См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 155–160.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 105.

Таким образом, с самого начала проблема “Россия и Запад” из объекта историсофского спора превращается в проблему практической, государственной политики.

Вообще в раздвоении русской мысли и стратегии государственной политики на западничество и славянофильство скрыта одна из загадок нашего интеллектуального развития. Так, на теоретико-литературном уровне интерпретации проблемы “Россия и Запад” противопоставление позиций было во многом условным, так как в качестве общей, объединяющей идеи признавался постулат о самобытности России и уникальности ее исторической судьбы¹.

Возьмем для примера две фигуры, представляющие раннюю и зрелую стадии западничества, для которых, казалось бы, идея самобытности России была мало приемлема, – В. Белинского и К. Кавелина. В трудах первого мыслителя мы можем найти множество суждений западнического характера. Здесь и призыв к русскому народу “приобщиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода”², и мнение о том, что “нам суждено сделаться европейскими русскими и русскими европейцами”³, и т.д. Но одновременно с этим постоянно звучит и другая мысль, другой лейтмотив: “...настало для России время развиваться самобытно, из самой себя...”. Или: “...перенесенные на почву нашей жизни, эти (уже решенные в Европе. – *Авт.*) вопросы те же, да не те, и требуют другого решения”¹.

Выделенные мысли В. Белинского относятся к 30–40-м гг. XIX в. Несколько десятилетий спустя другой западник, К. Кавелин, высказывает аналогичные суждения, которые в современных условиях звучат не толь-

---

¹ Проблема самобытности России и по сей день остается одной из наиболее дискуссионных в научной и публицистической литературе. См.: *Ахиезер А.С.* Самобытность России как научная проблема // *Отечественная история*. 1994. № 4–5.

² *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 24.

³ *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 12.

ко злободневно, но и даже пророчески: “Образованный слой русского общества, за очень редкими исключениями, продолжает по-старому питаться чужими мыслями, действовать по чужим образцам. Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды – выводы из чужой жизни, и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших противоречий и разладицы... Уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоническое целое мысль и жизнь может отныне одно только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошедшем. Других путей нет и быть не может”².

Таким образом, историософский анализ искомой проблемы приводит в конечном итоге не к размежеванию, а к сближению различных концептуальных подходов, к симбиозу западничества и славянофильства. Такое явление наблюдается на уровне теоретических споров. Но как только эти идеи начинают экстраполироваться на практическую политику, так позиции становятся все более противоположными и даже антагонистичными. На передний план выходит подход “или - или”. Весь XIX в. консервативные реформации с прозападными ориентациями сменяются контрреформациями охранительно-славянофильского типа.

Постоянно возникает как бы патовая ситуация: с одной стороны, идея самобытности, особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историософского спора и трансформироваться в программу практических преобразований, и в этом смысле оказалась бесплодной для реальной жизни, а с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти “золотую середину”, модель общественного развития, опирающуюся на уникальные особенно-

---

¹ *Белинский В.Г.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 652, 666.

² *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 255.

сти российского общества и российского народа. Это противоречие и в теории, и на практике так и не было преодолено на протяжении всего XIX в.

В советский период проблема “Россия и Запад” как проблема противостояния или, наоборот, сближения двух социальных общностей принимает совершенно другие, чем в XIX в., формы. Она приобретает как бы два измерения. С одной стороны, делается упор на классовое противостояние социалистической России и капиталистического Запада, с другой – отстаивается идея пролетарской классовой солидарности во всем мире (включая и Запад). Разумеется, что в условиях диктатуры пролетариата эта позиция господствовала не только на практике, но и в теории. Новые концепции общественного развития России, появляющиеся в кругах российской эмиграции (например, идеи евразийцев), оказывали очень слабое влияние на положение дел в самой России.

Снова к теме “Россия и Запад” у нас в стране возвращаются в исторической и философско-политологической литературе в 70–80-е гг. На этом новом, современном этапе выделяются два направления в интерпретации искомой проблемы.

Первое развивалось в основном в рамках исторической науки и было связано с применением новых подходов к анализу российской истории и достижению на этой основе лучшего и более глубокого понимания тенденций, закономерностей и особенностей возникновения и эволюции российского общества. Появляется новая для отечественной, особенно для советской, исторической науки идея альтернативности общественного процесса и “развилки” российской истории.

А. Зимин, например, находил такую “развилку” на российском историческом пути в XV в. Россия, по его мнению, имела тогда выбор между военно-этактистской и торгово-промышленной или ранне-буржуазной моде-

лями, перспективами развития. В силу ряда исторических причин и обстоятельств страна пошла по первому пути¹. О подобной “развилке”, правда, уже в XVI и последующие века говорил и Н. Эйдельман: “Несколько раз, начиная с XVI века, в русской истории возникали альтернативы “европейского” и “азиатского” пути. Иногда товарность и самоуправление брали верх, порою возникали сложные смешанные ситуации, но часто, увы, торжествовали барщина и деспотизм”². Нетрудно догадаться, что в качестве “развилки” или альтернатив Н. Эйдельман рассматривает периоды “реформа–контрреформа”.

Несмотря на привлекательность и нетрадиционное звучание альтернативного подхода к рассмотрению русской истории, основа его в том же старом противопоставлении западнической и славянофильской идеи. В конечном итоге и этот подход основывался на простой мысли о том, что Россия могла стать Западом и только в силу специфических и в каком-то смысле случайных обстоятельств пошла по своему, худшему пути. Таким образом, здесь вопрос сводился к событиям российской истории, к объективным обстоятельствам общественного развития России.

Другое направление современного осмысления проблемы “Россия и Запад” связано не столько с исследованием событийных пластов российской истории, сколько с выявлением механизмов и детерминаций отечественного исторического процесса в контексте мирового развития. В данном случае предпринимаются попытки не просто обновить инструментарий или даже методы научного исследования истории, а переосмыслить саму парадигму исторического анализа.

В рамках данного направления в современной научной литературе существует целый ряд подходов. Один из них связан с преодолением од-

---

¹ См.: Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991. С. 191-211.

² Эйдельман Н.Я. “Революция сверху” в России. М., 1989. С. 171.

носторонности формационной (Маркс) и цивилизационной (Тойнби) теорий и достижения некоего синтеза факторов, определяющих развитие как западной, так и российской общественной системы. Такую концепцию развивает, например, А.М. Ковалев, называя ее “социальной алгеброй”, которая в снятом виде содержит в себе более фундаментальные уровни социального сознания. Это позволяет, по мнению А.М. Ковалева, “во-первых, обеспечить синтез цивилизационного и формационного подходов к общественному развитию; во-вторых, представить человека в органическом единстве с природными и социальными условиями бытия; в-третьих, объединить западную и восточную общественную мысль, устранив тем самым присущую каждой из них ограниченность”¹. Центральной в концепции А.М. Ковалева является идея о способе производства общественной жизни как совокупности человеческого потенциала, социальных условий и природной среды. Эта идея позволяет понять ограниченность интерпретации общества только как развития “по вертикали” (поступательно-восходящая смена общественно-экономических формаций) и понять суть общественного развития “по горизонтали”, объяснив при этом появление на основе примерно одних способов производства различных политических и социально-экономических порядков. Как считает А.М. Ковалев, специфика развития России заключена “в особенностях не одного компонента, а всех компонентов способа производства общественной жизни, т. е. ее населения, или, точнее, человеческого потенциала, способа материального производства, а также географической среды”². На этой основе на евразийском субконтиненте сформировалось специфическое противоречие между природой и обществом, которое и предопределило для России (и для мно-

---

¹ Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 98.

² Ковалев А.М. Азиатский способ производства и особенности развития России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 48. Подробнее см.: Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.

гих других стран Востока) путь экстенсивного, военно-этатистского развития, тогда как в других экономико-географических условиях на Западе стал более приемлемым интенсивный путь общественного развития.

Концепция А.М. Ковалева является примером современного синтеза существовавших до этого различных и даже противоположных подходов, в основе каждого из которых находился постулат о доминанте какого-то определенного фактора общественного развития¹.

По мнению А. Ковалева, в этом проявляется одна из фундаментальных закономерностей социального развития, согласно которой разные способы общественного производства – суть “различные формы адаптации природно-социального организма к разным условиям окружающей среды. В одном случае такая адаптация осуществляется прежде всего путем своеобразного наращивания естественной природы искусственной средой, созданной самим человеком, т.е. интенсивным путем; в другом – природно-социальный организм адаптируется к среде преимущественно своей численностью и организацией без сколько-нибудь заметного преобразования природы или, иначе говоря, экстенсивно”².

Вместе с тем представляется целесообразным на современном этапе развития научного знания дополнить идею синтеза факторов идеей о необходимости переосмысления природы социального времени, являющегося более фундаментальной реальностью мироздания, чем любые объективные условия и факторы исторического процесса на Земле³.

---

¹ См.: Ковалев А.М. Азиатский способ производства и особенности развития России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 48-52.

² Ковалев А.М. Многомерность общественного процесса и политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические исследования. 1996. № 1. С. 52.

³ Один из современных отечественных исследователей В.Н. Костюк считает, например, время и пространство исходными атрибутами материи, истолкованной в рамках материалистического мировоззрения: “Абстрактные свойства пространства и времени определяются пониманием материи как объективной реальности безотносительно к каким-либо происходящим в ней процессам... Наличие этих свойств является условием самосогласованности материализма как философского направления” (Костюк В.Н. Системное пространство–время // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989–1990. М., 1991. С. 238).

Это чрезвычайно важно для понимания механизма социальной динамики, природы и характеристик переходных процессов в обществе. Широко известный сегодня на Западе исследователь П. Штомпка делает точное и справедливое, на наш взгляд, замечание: “Само переживание времени и идея времени вытекает из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение. И наоборот, идея изменения отдельно от времени просто непонятна”¹. Время представляется важнейшим свойством развивающейся материи и одновременно с этим в чувственно-субъективных представлениях человека становится измерителем объективной реальности, ее эволюции.

Проблема социального времени латентно содержится в самой формуле “Россия и Запад”. Отставание одной страны от другой при примерно одинаковых “стартовых” условиях. Преодоление одной страной тех или иных социальных барьеров быстрее или медленнее других стран. Стремление пройти ускоренными темпами путь, который ранее уже прошли другие страны. Все эти фиксации исторических реальностей содержат в себе не только действие объективных географических, социально-экономических, социокультурных или каких-то других факторов, но и проявление феномена “разного социального времени” или разных типов времени, которые преобладают в жизни разных социальных систем.

Парадоксально, но факт: даже на уровне обыденной жизни человек, как правило, оперирует, хотя чаще всего и не отдавая себе в этом отчета, разными типами времени, не только, например, линейным, но и циклическим временем, так как он живет не только в измерениях постоянно увеличивающейся временной протяженности (например, неуклонное увеличение количества лет жизни каждого человека), но и в постоянно повторяющихся

---

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996. С. 67.

временных циклах суток, времен года и т.д.¹ В научном же познании природы и общества неизменно доминирует линейная парадигма.

Наиболее остро и точно эту проблемную ситуацию в современной науке выразил И. Пригожин. Его мысль формулируется в следующей задаче: “Необходимо переоткрытие времени”². И. Пригожин рассматривает данную проблему в контексте физических наук, хотя ясно, что он считает проблему времени камнем преткновения для всего научного, в том числе и гуманитарного, знания. Не случайно он ссылается на французского историка Марка Блока, на его вывод о том, что история – это “наука, переживающая детство...”, что “как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода”³. И Пригожин показывает парадоксальность ситуации, сложившейся в современной науке: представление о времени всегда являлось фундаментальным принципом, базисом научного знания, но новейшие исследования в различных областях науки как раз показывают зыбкость и несовершенство нашего понимания времени. “Мы можем говорить о времени нашего рождения, о времени падения Трои, о времени исчезновения динозавров и даже о времени рождения Вселенной, – пишет И. Пригожин, – но вопрос “как или почему началось время” (а значит и вопрос: “что такое время”. – *Авт.*) ускользает от физики, так же как он, без сомнения, ускользает от возможности нашего языка и нашего воображения”⁴.

Уже эти рассуждения И. Пригожина свидетельствуют о том, что “переоткрытие времени” – это задача более сложная, чем просто синтез

---

¹ Ученые-этнографы уже давно заметили, что у некоторых народов (например, индонезийцев) вообще отсутствуют представления о линейном времени (Вопросы философии. 1989. № 10. С. 42).

² Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3. Концептуальные подходы к проблеме времени как сложного феномена социального бытия появляются в конце XIX – начале XX в. в работах Дюркгейма, Дильтея, Трельча, Зиммеля, Сорокина, Гуревича. Подробнее см.: Современные социологические теории социального времени: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1993; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 67–83. В России в данный период над проблемами социального времени работал В.И. Вернадский (см.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 210–285, 419–421).

³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 12.

⁴ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 18.

линейности и цикличности. Так, например, французские историки школы “Анналов” считают время истории сложным феноменом, в котором перемешиваются различные гетерогенные потоки. М. Блок употребляет в этой связи понятие “плазма”, Ф. Бродель – понятие “сегментность”. Раскрывая его, Ф. Бродель представляет природу социального (или исторического) времени как сосуществование, переплетающееся, накладывающееся развитие различных сегментов времени, или *временных ритмов*¹, в которых живут общественные системы. Понимание социального процесса как потока, имеющего не единые, а множественные временные характеристики и измерения, когда одно и то же пространство, различные его слои и части могут развиваться в разновременных режимах, неприемлемо для традиционных представлений о пространстве и времени, ибо ломает многие сложившиеся концептуальные конструкции и постулаты общественных наук.

На самом деле в отказе от одномерных и линейных моделей социального времени нет ничего противоестественного. Так, если представить общество как совокупность жизней отдельных индивидов, то окажется, что на данном уровне социальной реальности всегда использовалась идея гетерогенности времени. Ни для кого не является секретом, что для людей различных возрастов, социальных положений, привычек и т.д. одни и те же отрезки времени протекают с разной скоростью. Этот эффект зачастую объясняется субъективностью человеческого восприятия. Но если это воспроизводится с удивительным постоянством в разные эпохи и в разных поколениях, если даже для одного и того же человека часто в разных жизненных ситуациях время “бежит” по-разному, то это уже указывает не только

---

¹ Здесь понятие “ритм” употребляется в следующем значении – “чередование каких-либо элементов, происходящее с определенной последовательностью”. В этом значении указанное понятие существенно совпадает по своему содержанию с такими понятиями, как “цикл” и “волна”.

на особенности человеческих восприятий, но и на свойство самого времени.

Поэтому вполне правомерно приложить идею множественности временных ритмов к функционированию сложных общественных систем, в том числе и к изучению исторического развития России.

Некоторые современные авторы вообще считают, что многие концептуальные просчеты в программе прошлых и нынешних реформ в нашей стране связаны с использованием устаревших научных методов и подходов. А.С. Ахиезер, например, пишет: “Неспособность освоить... ритмы общества может на определенном уровне сложности повлечь за собой негативные последствия, аналогичные тем, которые могли бы иметь место, если бы люди не знали о природных ритмах, если бы, например, смена дня и ночи, времени года для них была бы столь же неожиданной, как землетрясения... Россия пока еще не нашла в себе сил относиться к этим циклам так, как, например, на Западе относятся к экономическим циклам, т.е. детально изучать их, моделировать, прогнозировать, готовиться к ним, смягчать их разрушающий ход и последствия, искать пути минимизации масштабных инверсий”¹.

Думается, однако, что задача значительно сложнее, чем просто научиться делать “так, как на Западе”. По-видимому, не только российские, но и зарубежные ученые стоят на пороге масштабных изменений и даже революций в представлениях о природе и характере времени, а значит и в представлениях о мире вообще².

А.С. Ахиезер прав в другом: в анализе политического процесса в России уже невозможно опираться только на традиционные методы и под-

---

¹ Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 15, 17.

² Образ “антимира”, а значит и “антивремени”, который долгие годы занимал поэтов и фантастов, а учеными считался химерой, похоже, становится объектом изучения точной науки. Во всяком случае в сен-

ходы, так как налицо явные признаки того, что они не работают в специфических условиях России и не могут стать научным фундаментом практической политики по преобразованиям российского общества.

Нельзя сказать, что в отечественной науке вообще не было попыток отойти от традиционной линейной парадигмы. Достаточно вспомнить об уже упоминавшихся К. Леонтьеве и Н. Данилевском. В XX же веке в России стали разрабатываться теории волновых процессов в социальных системах. Эти теории имеют чрезвычайно важное значение для понимания природы и механизмов развития российского общества. К рассмотрению этих теорий мы и переходим.

§2. Россия в потоке длинных волн мировой экономики (модель Кондратьева)

В 20-х гг. нашего века советский ученый-экономист Н.Д. Кондратьев разработал оригинальную концепцию, которую можно было использовать и для объяснения механизмов противоречивого и зигзагообразного развития российского общества. Важнейшей особенностью этой концепции было то, что она строилась не на метафизических и историсофских рассуждениях, а на базе строгих экономико-математических расчетов.

Н.Д. Кондратьев и сотрудники его института¹ провели скрупулезное сравнительное изучение статистических данных экономической динамики в наиболее развитых странах мира (Англия, Франция, США, Германия) в период с конца XVIII по 20-е гг. XX в. и на его основе сделали вывод о том, что мировой рынок (или мировая конъюнктура) имеет не просто поступа-

---

тябре 1995 г. в одной из ведущих европейских лабораторий удалось экспериментальным путем создать 9 атомов антиводорода (Известия. 1996. 10 января 1996. С. 5).

тельно-восходящую, но и волнообразно-циклическую траекторию своего развития.

В исследуемом периоде (т.е. на протяжении полутора веков) Кондратьев обнаруживает устойчивую повторяемость социально-экономических и политических явлений и процессов, которая выстраивается в три цикла или три длинные волны² продолжительностью 50–75 лет каждая. В рамках этих циклов (длинных волн) периоды оживления экономики, улучшения конъюнктуры рынка, общей либерализации хозяйственной жизни (повышательная волна) неизменно сменяются периодом замедления экономического роста и даже спада производства, применения этатистских методов управления хозяйством (понижательная волна)³.

При сравнительном анализе конкретных событий и явлений, происходящих в рамках экономических циклов, Кондратьев обнаруживает ряд закономерностей или, как он их называет, “эмпирических правильностей”, которые давали ключ к пониманию природы циклического движения общества. Для нашей темы имеет особенно важное значение вторая такая “эмпирическая правильность”, суть которой Кондратьев формулирует следующим образом: “Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн”¹. Данное наблюдение Кондратьева подводило к очень важному эвристическому выводу о том, что в длинной волне скрыты не

---

¹ Институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурный институт). Основан Кондратьевым в октябре 1920 г.

² Чтобы избежать путаницы в терминах, необходимо уточнить, что в рамках теории Кондратьева понятие “цикл” (или “большой цикл”) тождественно понятию “длинная волна”, а каждый цикл или длинная волна состоят из так называемых “повышательной” и “понижательной” волн.

³ Кондратьев определяет временные рамки трех длинных волн: первая – с конца 80-х – начала 90-х гг. XVIII в. до 1810 – 1817 гг. (повышательная волна) и с 1810–1817 до 1844–1855 гг. (понижательная волна); вторая – соответственно с 1844–1855 до 1870–1875 и с 1870–1875 до 1890–1896 гг.; третья – с 1890–1896 до 1914–1920 гг. Понижательная волна этого цикла Кондратьевым не определялась (см.: *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 197). “Верхушки” длинных волн (1810–1817, 1870–1875 и 1914–1920 гг.) позднее последователи Кондратьева назвали “фаза Т”.

только динамика и противоречия экономических явлений, но и синтез экономики и не экономики, сложная взаимосвязь хозяйственно-экономической и социально-политической сфер общества. Тем самым открывались новые возможности для исторического и политического анализа, связанные с тем, что теперь развитие общественной жизни можно было объяснять не только при помощи философских моделей соотношения необходимости и случайности, объективных факторов и субъективной воли, но и привлекая методы и инструментарий таких наук, как экономика, математика, статистика и т.д.

Необходимо отметить, что сам Кондратьев очень осторожно относился к своим выводам. Он делал три очень важные оговорки. Во-первых, свою концепцию длинных волн конъюнктуры он считал не более чем гипотезой, во-вторых, действие длинных волн ограничивалось полутора столетиями, так как Кондратьевым использовался эмпирический и статистический материал только этого периода, и, в-третьих, данные и выводы Кондратьева распространялись им только на наиболее развитые страны мира.

Последователи Кондратьева существенно расширили концептуальные и пространственно-временные рамки действия длинных волн². Но вместе с тем среди множества направлений научных исследований, по которым особенно в 60–80-е гг. стали развиваться идеи Кондратьева, остается одно, на которое и в отечественной и в зарубежной научной литературе до сих пор обращается очень мало внимания. Это направление связано с проблемой применимости теории длинных волн к историческому процессу в России.

---

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 203.

² См.: Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов научной конференции. Ч. 1–2. М., 1991; Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и мировая политика // Вопросы экономики. 1992. № 10; Дубовский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // Общественные науки и современность. 1993. № 5; и др.

Выше уже говорилось о том, что сам Кондратьев ограничивает действие длинных волн зоной наиболее развитых стран, в число которых не включалась Россия. Правда, косвенное участие России в волновых процессах фигурирует в открытых им эмпирических закономерностях (или “правильностях”), и прежде всего во второй – возрастании социально-политической напряженности и конфликтности в период повышательной волны. В период первой повышательной волны (1780-е – 1814–1817 гг.) Кондратьев выделяет 18 событий мировой истории, подтверждающих указанную закономерность, в 9 из них активное и непосредственное участие принимает и Россия (например, войны с Наполеоном). В период второй волны (1840–1850-е – начало 1870-х гг.) данное соотношение выглядит как 18 : 1 (Крымская война 1853–1856 гг.), в период третьей волны (1891–1896 и 1914–1921 гг.) – 22 : 5¹.

В целом же проблема включенности России в зону действия длинных волн представлялась для Кондратьева и его последователей достаточно сложной и нерешенной. Прежде всего это было обусловлено специфическим и противоречивым статусом и положением России в системе мировых взаимосвязей. С одной стороны, было бы вполне правомерно допустить, что Россия должна испытывать на себе действие общих тенденций развития мирового сообщества, и прежде всего Западной Европы, уже в силу того, что, по крайней мере, со времени петровских реформ российская экономика была достаточно прочно интегрирована в мировой рынок, а значит и испытывала на себе его динамику. Кроме этого нельзя забывать, что на протяжении всего XIX в. Россия как мощная военно-политическая держава выступает непосредственным и очень важным субъектом международных отношений, участником всех крупных событий политической истории.

---

¹ См.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 203-204.

Но, с другой стороны, общий уровень и технологические возможности российской экономики существенно уступали показателям развития передовых европейских стран, что в структуре мирового сообщества относило Россию если и не к самой отсталой периферии, то по крайней мере к полупериферии.

Видимо, на стыке этих двух противоречивых особенностей положения России в мире и нужно искать ответ на вопрос о характере и степени действия циклической динамики развитого мира в российском социуме.

Рассмотрим для этого два взаимосвязанных тезиса.

Первый тезис. Общественное развитие России, безусловно, подвержено воздействию длинных волн мировой экономики и в целом подчиняется законам и тенденциям ее динамики. Одно из наиболее важных подтверждений этого вывода содержится в сделанном уже современными исследователями наблюдении об очевидной и устойчивой синхронности длинных волн конъюнктуры и циклов “реформа–контрреформа” в России¹.

Так, все три повышательные волны кондратьевских циклов совпадали с периодами реформ в России, а понижательные волны, – наоборот, с периодами контрреформ:

Повышательные волны:

Первая (1780-е – 1814–1817 гг.) – проекты и частичные преобразования М. Сперанского в первое десятилетие XIX в., конституция Польши и Уставная грамота Российской империи (1815–1819 гг.).

Вторая (1840–1850-е – начало 1870-х гг.) – реформы 60–70-х гг. XIX в.

Третья – реформы Витте–Столыпина в 1905–1911 гг.

---

¹ См.: Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4; Рязанов В.Т. К вопросу о “длинных волнах” экономических реформ в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12.

Понижательные волны:

Первая (1814–1817 гг.) – периоды николаевского “застоя” после восстания декабристов.

Вторая (начало 1870-х – 1890 –1896 гг.) – контрреформы 80–90-х гг., начавшиеся после убийства Александра II.

Синхронность таких масштабных процессов (мировой экономики и реформационно-контрреформационных мероприятий в России) на протяжении полутора веков, конечно, не может быть случайной и отражает действие единых, общемировых факторов развития общественных систем, находящихся в системе взаимосвязей.

Второй тезис. Более внимательное и скрупулезное сравнение временных параметров длинных волн мировой конъюнктуры и событий российской истории приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидность детерминационных влияний этих волн на Россию (первый тезис), их действие является не прямым и непосредственным, а получает заметную корректировку. Это проявляется прежде всего во временном несоответствии пиковых моментов длинных волн и российского политического процесса, что легко обнаруживается при их простом наложении друг на друга (см. схему на с. 83).

Это наложение показывает, что траектория циклической динамики российских реформ и контрреформ отстает во времени от волн мировой конъюнктуры примерно на 5–10 лет. Так, например, период реформ в начале XIX в. заканчивается не в 1814–1817 гг., а немного позже, так как в 1818–1819 гг. Александр I все еще вынашивает планы политических преобразований, свидетельство чему – Конституция Польши и Уставная грамота Российской империи. Начало же другого периода реформ во второй половине XIX в. приходится на самое начало 60-х гг., а не на 1840–1850-е гг. Такая же картина наблюдается и в третьей кондратьевской волне: она

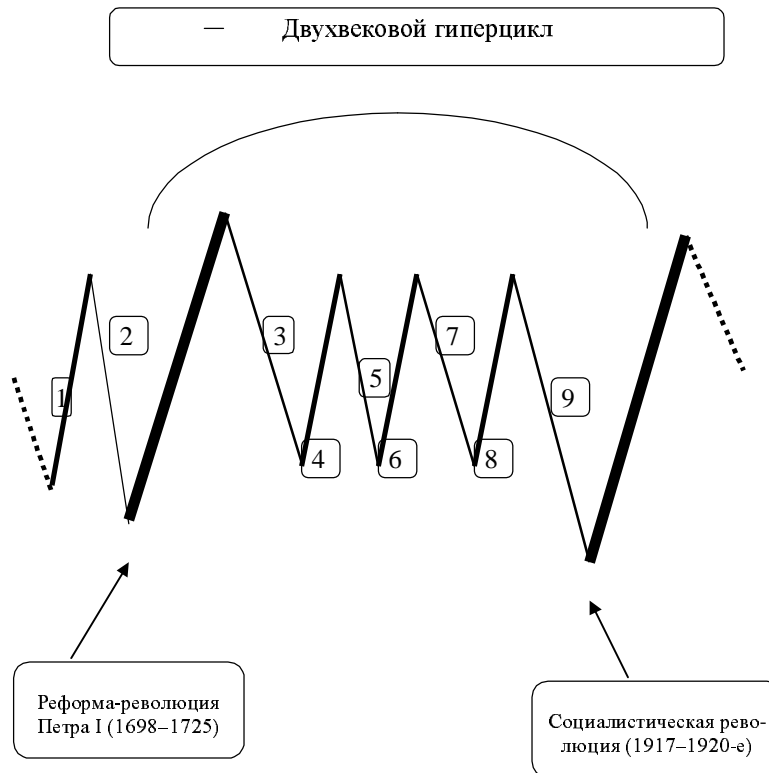
опережает и в низшей и в высший своей точке реформы в России на 5–10 лет.

Таким образом, первое эмпирическое наблюдение, которое можно сделать из сопоставления длинных волн и периодов реформ-

СХЕМА

динамики российского политического процесса

Примечания:

А) Номинальные даты и названия периодов:

1. Церковная реформа Никона – Алексея Михайловича (“Раскол”) (1654–1667).
2. Кризисный период 1676–1689 гг.
3. Послепетровские царствования (1725–1801).
4. Преобразования (и проекты реформ) периода Александра I (1803–1820).
5. Контрреформа (застой) при Николае I (1824–1855).
6. Великие реформы 1861–1875 гг.
7. Контрреформы Александра II (1881–1895).
8. Реформы Витте-Столыпина (1905–1911).
9. Общенациональный кризис (1914–1917).

Б) Ломаная линия данной схемы в целом символизирует колебательный характер российского политического процесса, но строго графически, в масштабе не отражает падение или повышение каких-либо реальных показателей развития общества.

контрреформ в России, заключается в том, что процессы в России заметно отстают от динамики мировой развитой экономики. Длинная волна приходит в Россию как бы с некоторым опозданием.

Но дело не только в этом. Эффект более позднего действия длинной волны в России вполне объясним самим взаимоотношением центра системы и ее периферии. В центре связи более непосредственные и жесткие, изменения в одной части этого центра тут же соответствующим образом отзываются во всех его других частях. Связи же центра и периферии менее прочные, поэтому передача “сигнала” тех или иных изменений уже не настолько быстра и непосредственна.

Кроме же несовпадения временных параметров длинных волн и циклов российских реформ-контрреформ в их синхронизации обнаруживаются и более серьезные рассогласования. Кондратьев, например, не отрицает того, что социальные потрясения могут происходить не только в период повышательной волны (закономерность возрастания аномальных социальных явлений), но и в период понижательных волн, только в данном случае таких событий значительно меньше. Но этот вывод не совсем соответствует реалиям российской истории.

Достаточно сказать, что именно на середину двух первых понижательных волн (т.е. в период относительной социальной стабильности, по Кондратьеву) приходятся два крупнейших социальных катаклизма в российской истории XIX в., оказавших сильное влияние на дальнейший ход общественного развития в России и ставших переломами в политическом процессе от реформ к контрреформам. Речь идет о восстании декабристов в 1825 г. (понижательная волна кондратьевского цикла: 1814–1817 – 1840–1850 гг.) и убийство Александра II в 1881 г. (начало 1870-х – 1891–1896 гг.). В. Рязанов, принимающий также общий вывод о правомерности гипотезы симметричности периодов экономических реформ в России повы-

шательным фазам развития мировой экономики, вместе с тем также указывает на одно из серьезных отклонений от этой закономерности. Этим отклонением уже в постмонархической России является, по его мнению, нэп – стремительный подъем экономики Советской России, тогда как в это время мировая конъюнктура входит в свою понижательную фазу¹.

Некоторые коррелятивные расхождения обнаруживаются при сравнении волн мировой конъюнктуры, с одной стороны, и масштабности, интенсивности политических и социально-экономических изменений в России – с другой.

Кондратьев считал, что, несмотря на общее восходящее (трендовое) развитие мировой экономики, условные колебания основных экономических показателей внутри каждого цикла примерно одинаковы. Но такое соответствие не наблюдается в российской истории. Сравним, например, “фазы Т” двух циклов – первого (1814–1817 гг.) и третьего (1914–1921 гг.). Если перемены, произошедшие в указанные периоды, по характеру и масштабам международных процессов еще можно сопоставлять: наполеоновские войны и первая мировая война, то соответствующие характеристики внутренних перемен в России (преобразования Александра I и крушение монархии, неудачи постсамодержавной демократии, социалистическое переустройство страны) различаются настолько, что не позволяют отнести историю длинных волн Кондратьева к анализу российского исторического процесса приводят нас к двоякому выводу.

С одной стороны, российская экономика и российское общество испытывают на себе совершенно определенное, хотя и не однозначное воздействие циклической динамики экономики наиболее развитых стран мира.

---

¹ См.: Рязанов В.Т. К вопросу о “длинных волнах” экономических реформ в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12. С. 39–40.

Эти динамические процессы берут начало, формируются в недрах сложной сети социально-экономических и политических связей в определенной зоне мира¹, что создает мощный детерминационный импульс для развития всего мирового сообщества. Это в свою очередь создает устойчивый временной ритм, который определяет и обеспечивает темп глобальной социальной динамики.

С другой стороны, анализ реальных исторических перемен в России показывает, что внешним детерминационным импульсом и созданным им временным ритмом невозможно адекватно объяснить отечественные политические процессы. Их развитие имеет серьезные отклонения от волн мировой конъюнктуры. А это заставляет искать не только внешние, но и внутренние, национальные источники или *матрицы*, которые создают локальные временные ритмы и тенденции развития российского общества.

Обратимся в этом поиске к ряду концепций циклического развития России, в которых политические перемены рассматриваются прежде всего как результат действия внутренних законов и механизмов.

§3. Социально-политическое развитие российского общества как циклический процесс

Циклические теории развития российского общества никогда не имели широкого распространения в отечественной науке. Наоборот, в ней всегда доминировала стадийно-линейная парадигма, интерпретирующая ми-

---

¹ Сам Кондратьев считал, что “материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего являются большие волны конъюнктуры” (Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 217–218). Другие исследователи указывают на более фундаментальные основы детерминаций волнообразно-циклических процессов. Таких моделей в настоящее время в мировой науке существует очень много: от эмпирической теории космических (солнечных) влияний на исторический процесс (А. Чижевский) до синергетической теории самоорганизации социальных систем (И. Пригожин). Но, может быть, это лишь уровни пока еще неизвестной науке глобальной системы детерминационных связей Вселенной?

ровую, в том числе и российскую, историю как процесс поступательного прогресса. В XIX в. это было обусловлено чрезвычайно сильным влиянием на русские умы просвещенческо-либеральных идей, которые приходили в Россию с Запада; в XX в. одна из распространенных на Западе теорий – марксизм становится в нашей стране официальной доктриной, определяющей не только идеологическую, но и научную жизнь.

Но в этом, как и во всяком другом, правиле, разумеется, были исключения. Как уже отмечалось выше, впервые в России о цикличности общественного развития заговорили не историки, а философы – К. Леонтьев и Н. Данилевский. Но особенность их подхода к данному вопросу заключалась в том, что они рассматривали эту проблему в общефилософском виде. Поэтому в их работах мы сталкиваемся с рассуждениями о сущности развития локальных цивилизаций как важнейшей формы развития человечества и ложности в связи с этим идеи всемирной истории; о цикличности социума как частном случае циклического развития всего органического мира; об основных этапах общественного цикла и т.д. Леонтьева и Данилевского мало увлекала конкретная история (хотя в их работах, особенно у Леонтьева, мы встречаем и исторические исследования). Главной задачей для них было обоснование новой нестандартной идеи. Разумеется, в системе циклического развития различных обществ подразумевалась и Россия, но в работах указанных мыслителей мы не найдем конкретных рассуждений о циклах российской истории.

В скрытом виде идея цикличности (как идея повторяемости общественных явлений) появляется в трудах В.О. Ключевского и тем самым проникает и в историческую науку. Так, Ключевский, твердо придерживающийся убеждения в том, что развитие российского государства основано на объективных тенденциях расселения и колонизации народов на Восточно-Европейской равнине и в сопредельных регионах, как бы неожиданно для

себя обнаруживает, что в этом могучем процессе периодически возникала необходимость “новой перестройки... порядка”. Причем каждый раз стремление к этому порядку, по выводу Ключевского, “не было новостью, не испытанной в прежние времена; необходимость подобной перестройки теперь (речь идет о XVI в. – *Авт.*) не впервые (выделено мною. – *Авт.*) почувствовалось в московском обществе”¹.

Симтоматично, что у такого основательного исследователя российской истории наблюдение о повторяющихся ситуациях связано с перестройками, т.е. с преобразовательными периодами. В данном случае закономерно возникают параллели между выводом Ключевского и проблемой синхронизации длинных волн Кондратьева и циклами российских реформ-контрреформ.

Ученик Ключевского П.Н. Милюков, предваряя свои “Очерки по истории русской культуры” общими рассуждениями о природе исторического процесса, формулирует ряд тезисов, которые в совокупности, по мнению автора, раскрывают метод научной социологии, способный вскрыть действительные причины и тенденции развития человечества, в том числе и русского общества. Обратим внимание только на один, наиболее важный для нашего анализа аспект этих тезисов. Он, по выводу Милюкова, состоит в том, что научная социология развивает “представление об однообразном ходе национальных историй”, “... изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты, сходные с эволюцией других организмов”², “... вскрывает сходные черты, закономерно повторяющиеся в их эволюции”³.

Милюков не употребляет в своих “Очерках” понятие “цикл”. Но сама идея о закономерно повторяющемся развитии отдельных (локальных) об-

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 242.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. I. М., 1993. С. 47.

³ Там же. С. 52.

ществленных организмов говорит о том, что у Милюкова, по крайней мере применительно к российской истории, над прогрессистом-западником верх берет самобытный мыслитель, глубоко сознающий уникальность национальной действительности. Не случайно он с явным предпочтением странно цитирует и анализирует Вико и Данилевского, одновременно критикуя О. Конта¹. При этом он записывает в своих “Очерках” такое примечательное положение: “Главной ошибкой Огюста Конта, при всех огромных заслугах этого творца социологии, было именно то, что он построил свое учение о стадиях человеческого прогресса по всемирно-историческому принципу”².

Более конкретные модели циклического развития российского общества появляются в отечественных исследованиях уже в 70 – 80-е гг. XX в.³, хотя и сегодня нельзя сказать, что они являются распространенными и тем более общепринятыми.

Перед тем как анализировать современные циклические модели необходимо отметить их основную отличительную особенность от линейных теорий. Для циклистов главным является не сам исторический процесс как таковой, а *механизм* общественных изменений, который и определяет не только временной (циклический) ритм, но и пружины, источники или матрицы социальной динамики.

Возьмем, например, концепцию русской истории А.С. Ахиезера. Для этого автора циклы истории – это “более или менее ярко выраженные по-

---

¹ Там же. С. 42, 45–48.

² Там же. С. 46.

³ Необходимо отметить, что попытки объяснить историю крупных общественных систем (не России) на основе теории цикла предпринимаются и в западной науке. См., например: *Шлезингер Артур М.* Циклы американской истории. М., 1992. Особенно интересна гл. 2. “Циклы политической жизни Америки” (с. 41–77). Автор этой книги, обосновывая свой подход, ссылается на идеи многих историков и философов, и в частности на слова такого авторитета, как Р.Дж.Коллингвуд: “Исторический цикл - это перманентная черта всей исторической мысли...” (там же. С. 52). П.Штомпка же анализирует историческую эволюцию социальных теорий и приходит к выводу: “Похоже, что циклический образ процессов сформировался в общественном сознании раньше, чем более сложный образ роста. Очевидно, такое представление имело

вторения в истории, колебания, пульсация тех или иных важных характеристик массовых обществ”¹. А каков механизм действия этих циклов? У А.С. Ахиезера ответ на этот вопрос таков: “Существеннейший механизм циклов истории – колебания инверсионного типа²... включая колебания массового сознания от одной крайности к другой, от господства одного нравственного идеала к противоположному и обратно. Важнейший элемент этого колебания – возникновение в массовом сознании при приближении к критической точке, к порогу дискомфортного состояния. Оно вызывает активное противодействие дальнейшему продвижению в этом направлении, стремление, впрочем не всегда адекватное, вернуться к комфортному состоянию”³.

Действие именно этого механизма лежит, по мнению Ахиезера, в основе циклического развития и российского общества. Этот автор считает, что за много веков своей истории наше общество прошло два больших цикла и стоит на пороге третьего. Временные рамки этих циклов следующие : первый – от возникновения Руси (от князя Олега) до 1917 г. и второй – от 1917 г. до перестройки второй половины 80-х гг. Каждый из этих двух циклов имеет по 7 периодов, которые выделяются по господствующему на определенном историческом этапе *идеалу*. И несмотря на то что аналогичные этапы первого и второго циклов разделены почти десятью веками российской истории, по Ахиезеру, можно констатировать четкую повторяемость социокультурной и идеологической ситуации.

Так, например, на первом этапе как первого (от князя Олега до удельной Руси), так и второго (от 1917 до середины 1918 г.) циклов господствует ранний соборный нравственный идеал, на втором этапе (от Ива-

---

место в человеческом восприятии мира задолго до того, как появились систематические теории” (*Штомпка П.* Социология социальных изменений. С. 188).

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 436.

² Инверсия (у Ахиезера) – элементарная логическая клеточка мышления, смыслообразования, деятельности, социальных изменений (см.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. С. 116).

³ Там же. С. 436.

на Калиты до Великой смуты – первый цикл и военный коммунизм – второй) – ранний умеренный авторитарный идеал и т.д.¹

Другая не менее оригинальная концепция циклического развития российской истории разработана А.Л. Яновым. По его мнению, движущий механизм русской истории имеет политическую природу и сводится к взаимодействию следующих друг за другом политических режимов. Суть этого взаимодействия состоит во взаимном антагонизме этих режимов. “Каждый из русских режимов, – пишет Янов, – имеет свою функцию не только противоположную функции предшествующего режима, но и более или менее независимую от сознательных намерений его лидера”². Именно это создает, по Янову, поразительную живучесть русской политической автократии, которая в момент кризиса и даже коллапса способна на системные метаморфозы, во время которых автократия воспроизводит себя в новых подсистемах. Всего в российской истории Яновым выделяются три такие подсистемы автократии – Московская (1564–1700 гг.), Петербургская (1700–февраль 1917 г.), Советская (октябрь 1917 – ?)³.

Воспроизводство политических подсистем в русской истории имеет, по Янову, циклический характер. Структура каждого такого исторического цикла (подробно Янов составляет схему двух циклов: цикл 1881 – 1917 гг. и цикл 1929 – ? гг.) состоит из ряда повторяющихся этапов: реформа (или попытка реформ) – контрреформистская диктатура – латентная реформа – переход к стагнации и политическая стагнация, затем опять реформа, вновь сменяющаяся контрреформаторской диктатурой¹. По аналогии с этой структурой соответствующие циклы можно выявить и для более ранних

---

¹ См. в сжатом виде: *Ахиезер А.С.* Социокультурная динамика России // *Полис.* 1991. № 5. С. 59. Более подробно: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I–II. М., 1991. Данная концепция вызвала дискуссии и неоднозначные отклики среди российских ученых (См.: *Общественные науки и современность.* 1992. № 5 и 6; *Вопросы философии.* 1993. № 5). В частности, многие критикуют несовместимость по масштабам и социальным сдвигам тех двух циклов, которые выделяет Ахиезер.

² *Янов А.* Русская идея и 2000-й год. New York., 1988. С. 30.

³ Там же. С. 29–30.

(чем 1881 г.) этапов русской истории. Материал для этого содержится в других таблицах Янова².

Важно отметить, что в основе циклической схематизации у Янова лежат периоды реформ и контрреформ. Он дает в соответствии с этим и определение “русских исторических циклов” как “периодов, отделяющих одну контрреформу от другой”³.

Идеи циклического развития русского общества можно найти и в работах историка и писателя Н.Я. Эйдельмана. Не употребляя понятия “цикл”, этот автор тем не менее в качестве узловых для российского исторического процесса начиная с XV–XVI в., выделяет повторяющиеся периоды реформ, которые неизменно сменяются контрреформами. При этом он в качестве общей характеристики российской истории выделяет не только повторяемость и возвратно-поступательный характер модернизации, но и то, что “большая доля перемен как революционного, так и контрреволюционного характера идет сверху, от государства, или от сравнительно небольшой группы, стремящейся взять власть, “стать государством”⁴. Обе характерные особенности общественного развития России (смена реформ контрреформами и перемены как “революции сверху”) обусловлены, по мнению Эйдельмана, глубинными традициями отечественной истории.

Для описания хода этой истории Эйдельман употребляет понятие “спираль”. Он пишет: “Давным-давно мудрыми философами (среди которых Гегель и Маркс) было замечено и неоднократно повторено, что человеческая история движется как бы по спирали; каждый следующий виток, несомненно, отличается от прежних и в то же время чем-то похож...”⁵. Правда, представление об этой спирали у Эйдельмана принципиально иное,

---

¹ Там же. С. 398, а также: *Yanov A. The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible. Berkeley etc., 1981.*

² См.: *Янов А. Русская идея и 2000-й год. 1988. С. 396–397.*

³ Там же. С. 29.

⁴ *Эйдельман Н.Я. “Революция сверху” в России. С. 169.*

⁵ Там же. С. 23–24.

чем у Маркса и Гегеля, хотя бы уже потому, что в качестве витков он выделяет не формации и эпохи, а достаточно непродолжительные (несколько десятилетий) отрезки российской истории.

В самое последнее время свои версии циклического развития России все чаще начинают предлагать представители негуманитарных наук. Их подходы отличаются не только насыщенностью математического и графического материала, но и нестандартностью и даже неожиданностью методики анализа социальных и исторических проблем, не говоря уже о выводах¹.

Так, например, молодой исследователь В.М. Пашинский строит свою концепцию на критике других циклических теорий (Ахиезер, Янов), считая, что они не выявляют подлинных циклических ритмов российской истории, а лишь фиксируют ее эмпирическое постоянство. Это, по его мнению, приводит к выделению в качестве циклов таких эпох российской истории, которые не сопоставимы друг с другом ни по временной протяженности, ни по масштабам социально-экономических перемен². По мнению этого автора, “более обобщенный анализ исторического циклизма *как такового*, проникновение в его сущность, требует и более абстрактного восприятия процессов функционирования человеческого общества, например восприятия сообщества в виде некоей среды и исследование его, таким образом, с *теоретических позиций социальной экологии*”³.

Что же дает данный социально-экологический подход?

---

¹ См., например, работы математика А.Т.Фоменко: *Фоменко А.Т.* Исследование по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология. М., 1993; *Он же.* Критика традиционной хронологии античности и средневековья. (Какой сейчас век?). Реферат. М., 1993.

² См.: *Пашинский В.М.* Цикличность в истории России. (Взгляд с позиций социальной экологии) // *Полис.* 1994. № 4. С. 111–112. Строго говоря, это правильная мысль, ибо цикл, кроме всего прочего, является сам единицей социального времени; при помощи цикла мы не только выявляем механизмы исторического процесса, но и измеряем этот процесс. В линейной парадигме для этого используются специальные единицы времени: “сутки”, “год”, “столетие” и т.д.

³ Там же. С. 112.

Анализируя многовековой ход российской истории, Пашинский выявляет в нем чередование 32-летних периодов, связанных с естественной и определенной по времени сменой поколений. Существо следующих друг за другом 32-летних периодов попеременно меняется. Сначала для этого периода характерна “десоциализация старого и административное структурирование нового”, следующему за ним периоду свойственно уже “рассредоточение властных полномочий, осуществляемых из центра, передача их в составляющие евразийское пространство части и локализованная адаптация новых ценностей”¹. Эти два периода называются полуциклами I и II типов. Их совокупность составляет основной 65-летний цикл. На такие циклы, по мнению Пашинского, и разбивается русская история².

Автор данной концепции не отрицает существования циклов различной длительности (в том числе и длинных волн Кондратьева), но он считает, что эти циклы либо поглощаются 65-летними, либо являются некорректными, так как не вписываются в схему удвоения величины цикла (32 – 65 – 130 и т.д.) в силу отсутствия “механизма согласования ритма смены поколений с “хаосом” конкретных событий”³.

Но обнаруживаются некоторые погрешности и в самой концепции Пашинского. Во всяком случае, когда стройная математическая схема 65-летних циклов начинает накладываться на реальную историю, то обнаруживаются отклонения. Пашинский составляет таблицу так называемых “номинальных дат начала полуциклов I и II типов”, где в качестве временных вех циклического процесса берутся периоды реформ и контрреформ в России. И эти “номинальные даты” заметно не совпадают с 65-летним циклом. Например, в XIX в. выделяются два первых полуцикла (реформа) – 1801–1825 (24 года) и 1855–1881 гг. (26 лет) и два вторых полуцикла

---

¹ Там же. С. 115.

² Там же.

³ Там же. С. 119.

(контрреформа) – 1825–1855 (30 лет) и 1881–1917 гг. (36 лет). Получаем два цикла – 50 и 66 лет¹. Наверное, сказывается непонятное с научной точки зрения действие “хаоса конкретных событий”.

Проанализированные выше концепции циклического развития России продолжают быть нетрадиционными для современных отечественных политологических и исторических исследований². Автор настоящей работы так же однозначно не относит себя к сторонникам этих теорий. Но в любом случае взгляд на российский политический процесс именно под этим углом зрения высвечивает целый ряд специфических особенностей развития России. И главная из этих особенностей состоит в том, что ритм волнообразно-циклического развития российского исторического процесса представляет собой чередование периодов реформ и контрреформ, и поэтому именно в этих социально-политических изменениях следует искать механизмы и матрицы национального развития.

Вместе с тем обращает на себя внимание и то, что в циклических теориях (как, впрочем, и в ряде других научных исследований, посвященных истории России³), в которых повторяющиеся периоды реформ и контрреформ являются единицами циклического ритма, практически отсутствует анализ самих этих сложных процессов, отсутствует сравнительный анализ реальных перемен, которые происходили в России на различ-

---

¹ См.: там же. С. 120.

² В последнее время появились и космологические модели истории России, которые исходят из идеи цикла (см., например: Александров И.А. Космология России: история, современность и судьба. М., 1996).

³ Несмотря на то что в течение 10 лет мы живем в условиях реформ, в современной научной литературе практически отсутствуют крупные обобщающие исследования по российским реформам. Можно назвать исследования по истории отдельных периодов реформ: *Миرونенко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Великие реформы в России. 1856–1874.* М., 1992; *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформа и революция. Спб., 1991; *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; и др. Выпущен также ряд сборников, в которых под одну обложку собраны не связанные друг с другом очерки по отдельным реформам или реформаторам: *Реформаторы России.* М., 1992; *Судьбы реформ и реформаторов в России.* М., 1995; *Российские реформаторы (XIX – начало XX в.).* М., 1995. Исключением является небольшая книга (сборник статей): *Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки/Под ред. А.А. Кара-Мурзы.* М., 1991, а также небольшое количество статей в научных журналах.

ных этапах ее истории. Понятия “реформа” и “контрреформа” носят чаще всего обобщенно – собирательный характер, и сами исторические циклы в развитии российского общества становятся как бы условными, метафорическими.

Поэтому, прежде чем анализировать феномен повторяемости в российской истории, необходимо рассмотреть в сравнительном аспекте сами повторяющиеся явления, т.е. периоды реформ и контрреформ. Чаще всего с конца XVII в. по 20-е гг. XX в. в истории России выделяется пять периодов реформ:

- 1) последние годы XVII в. – 1725 г. – период петровских реформ;
- 2) первые два десятилетия XIX в. – преобразования Александра I;
- 3) 1861–1873 гг. – “Великие реформы” Александра II;
- 4) 1905–1911 гг. – реформы Витте–Столыпина;
- 5) 1917 – 1920-е гг. – период социалистического переустройства (“социалистическая революция”).

В отечественной истории происходили и другие реформы, которые не вошли в данный перечень. Вообще можно отметить, что понятие “реформа” очень широко применяется историками для характеристики различных процессов и событий в истории России. Но анализ их содержания и последствий приводит к выводу, что этим понятием определяются периоды и процессы, качественно отличные друг от друга, и поэтому их целесообразно разделить на две группы.

К первым необходимо отнести преобразования, осуществляемые либо в отдельных общественных сферах (например, реформа местного управления Екатерины II или реформа Киселева), либо одновременно в нескольких сферах (например, реформы 60–70-х гг. XIX в.). Но и в том и в другом случае эти реформы являлись переменами в рамках существующей системы. В лучшем случае они обновляли ее, придавали ей новые импуль-

сы развития, но не покушались на ее целостность и идентичность. Конечно, особо выделяются реформы комплексного характера, которые занимают целый период исторического процесса. В XIX – начале XX в. таких периодов было три: преобразования Александра I, реформы 60–70-х гг., реформы Витте – Столыпина. В рамках этих периодов официальными реформаторами предпринимались наиболее серьезные, хотя в конечном итоге и малоуспешные попытки модернизации режима самодержавной монархии.

Наряду с этими реформами в истории России происходили и преобразования другого типа. В литературе их также иногда называют реформами, хотя часто в этом случае употребляется и термин “революция”. Эти реформы-революции не только изменяли различные сферы общества, но и радикально преобразовывали саму общественную систему, придавали ей новый облик, создавали новые политические, правовые и хозяйственные структуры и отношения. К таким реформам–революциям, безусловно, необходимо отнести преобразования Петра I и социалистическое переустройство России.

Отличия между двумя выделенными типами общественных преобразований в России (реформы и реформы-революции) существуют не только в содержании результатов перемен, но и в ходе, характере преобразовательного процесса. Первый тип (реформа) – это эволюция, постепенные внутрисистемные перемены, которые направлены на обновление, оптимизацию общественных структур и отношений. Второй (реформа-революция или просто революция) – это бифуркация, взрыв, катастрофический разлом и разрушение системных связей¹. В этом случае осуществляется про-

---

¹ Понятие “катастрофа” применительно к радикальным преобразованиям в России получило широкое распространение в отечественных исследованиях последних лет. См., например: *Идзинский В.П.* Тайна российских катастроф // *Полис.* 1992. № 4; *Лесков Л.* Катаклизмы в России в свете теории катастроф // *Общественные науки и современность.* 1994. № 1; *Артамонов В.* Катастрофы в истории российской государственности // *Общественные науки и современность.* 1994. № 3; и др. Нужно только отметить, что зачастую понятие “катастрофа” имеет по преимуществу метафорически-эмоциональное, а не научное значение, тогда как “катастрофа” как специфический и вполне определенный сдвиг в общественном раз-

рыв к новому, иному государственному и социально-экономическому порядку.

Рассмотрим сначала преобразовательные процессы этого второго типа. Выше мы выделили два революционных сдвига в российском обществе в период с конца XVII в. по первые два десятилетия XX в. (преобразования Петра I и социалистическое переустройство). По времени их разделяют два века, и поэтому они, конечно, относятся к различным эпохам отечественной истории. Но сравним преобразования, которые происходили в эти эпохи, и мы обнаружим поразительное сходство и повторяемость явлений и процессов, позволяющие нам, во-первых, отнести их к одному типу общественных изменений, а во-вторых, показать их качественное отличие от всех других преобразований, которые происходили в России в XIX в.

Какие же сходные черты реформ-революций в России мы можем выделить?

Во-первых, в ходе этих революций не только радикальным преобразованиям были подвергнуты социально-экономические структуры и отношения, но и революционным способом, методом революционной ломки изменилась политическая система. Революционно-разрушительный характер политических преобразований обуславливался прежде всего тем, что объективно они не могли иметь полностью легитимный характер, так как всякий раз были связаны с перераспределением власти между различными политическими группировками, с фактической сменой правящих политических элит, либо с радикальным перерождением и изменением статуса прежних элит. В этот период упразднялись органы власти, имевшие ключевое положение в старой общественной системе, и возникали новые властные институты, т.е. менялась государственная система. Такие преобразо-

---

вители, качественно отличный от других типов социальных изменений, уже давно является предметом специальных теорий. См.: *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М., 1980; *Гилмор Р.* Прикладная теория катастроф. М., 1984; *Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., 1990; и др.

вания, как правило, сопровождалось ужесточением политического режима, установлением авторитарных или диктаторских форм правления, обеспечивающих адекватные условия для проведения экономических преобразований.

Так, в начале XVIII в. Петром I вместо сословно-представительской монархии был установлен режим абсолютной монархической власти, а после октября 1917 г. в России появляется диктатура пролетариата – леворадикальная диктаторская власть большевиков – режим значительно более жесткий по сравнению не только с послефевральской демократией, но с и поздним периодом самодержавной монархии.

Почему в период реформ-революций происходит ужесточение режима власти? При ответе на данный вопрос мы сталкиваемся со *второй* общей особенностью преобразований данного типа. Она состоит в следующем: эти преобразования являются неизбежным и необходимым ответом на вызовы времени, причем ответом уже запаздывающим, требующимся как спасение общества от неминуемого краха. В этом смысле российские реформы-революции обусловлены предшествующим историческим развитием, которое на определенной стадии и приводит к необратимому ухудшению, деформациям и развалу устаревших структур. Именно такое положение дел стало отправной точкой петровской революции, когда порядки боярской, сословно-представительской монархии превратились в XVII в. в реальную преграду для жизненно необходимых для России мероприятий по формированию хорошо оснащенных и управляемых армии и флота, введения элементов государственного регулирования экономики и торговли, без чего в свою очередь невозможен был выход к незамерзающим морским портам, а значит и дальнейшее развитие российской экономики. К аналогичной ситуации пришло российское общество и в начале XX в., когда самодержавный режим, полностью исчерпавший свой потенциал двигателя и

охранителя национальной общественной жизни, в течение целого десятилетия так и не смог найти в себе силы для передачи хотя бы части власти другим политическим элитам, способным вывести Россию на новый уровень развития.

Являясь вынужденным и неотложным ответом на вызовы времени, а также в силу радикальности своих целей, эти реформы-революции представляют собой широкомасштабные социальные импровизации: у них нет заранее продуманной определенной концепции, нет даже предварительного плана или программы преобразований. Реформаторы действуют в этом случае методом “проб и ошибок”, а сам преобразовательный процесс плохо управляем, зигзагообразен и непредсказуем.

О подобной особенности петровских преобразований писал в прошлом веке П.Н. Милюков: “Самый характер всей этой изложенной реформы показывает, что она не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные нужды времени, и для их удовлетворения ограничился тем, что попало под руку”¹.

Такой же импровизацией было и большинство социально-экономических мероприятий большевиков. В огромном теоретическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса практически не было разработано приемлемых для России программ экономических мероприятий в переходный период (на теоретические трудности в этом вопросе прямо указывал Энгельс). Поэтому переход от “военного коммунизма” к нэпу вряд ли стоит рассматривать лишь как естественный переход от экономической политики военного времени к “мирной экономике”. Такая трактовка данного перехода, свойственная некоторым исследованиям по истории КПСС, противоречит, как это ни странно, оценкам В.И. Ленина, который считал

---

¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. Спб., 1892. С. 715. В современной литературе этот вопрос подробно анализирует Н.И.Павленко (см.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 297, 453–455 и др).

“военный коммунизм” ошибкой. Он писал: “Мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране”¹. Позднее Ленин даже делал вывод, что большевики “вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения... на социализм”².

Необходимо отметить, что в 1920–1921 гг. (а именно к этому периоду относятся публично высказанные сомнения Ленина в безусловной правильности политики “военного коммунизма”) в большевистском руководстве существовала и другая, более радикальная позиция по проблемам переходного периода от капитализма к социализму. Один из теоретиков партии Н.И. Бухарин в предисловии к книге “Экономика переходного периода” (1920 г.) формулирует следующее принципиальное положение: “Старое и в его государственной, и в его производственной формулировке раскалывается, *распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин*. Никогда еще не было такой грандиозной ломки. Но без этого не могла бы быть революция пролетариата, который из распавшихся элементов в новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам строит фундамент будущего общества”³.

Разница в подходах Ленина и Бухарина очевидна. Первый трезво оценивает реалии мелкобуржуазного российского общества и пытается на этой основе строить перспективы переходного процесса, второй целиком исходит из доктрины пролетарской революционной ломки, которую буквально и без всяких колебаний нужно осуществить в России.

Но как показала последующая история Советской России, радикалистская позиция Бухарина оказалась ближе к реальной действительности,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

² Там же. Т. 45. С. 376.

³ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 94.

ибо социалистическое переустройство (как и петровские преобразования) оказалось отрицанием не только предшествующей эпохи, но всей прежней истории России. В этом заключается следующая, *третья* особенность этого типа преобразований.

Петровские реформы, которые мы приняли за исходный пункт анализа исторического процесса, стали безусловным отрицанием всей предшествующей “московской” истории России. “Строительство социализма в СССР” явилось реальным отрицанием не только петровской России, но и всей ее православно-монархической истории. Это отрицание было связано с основными императивами нового государственного порядка, но оно, конечно, не могло быть и не было абсолютным. Напротив, в этом отрицании отразилась противоречивость, “свет и тень” переходного, переломного времени.

Наиболее рельефно данная особенность реформ-революций проявилась в главных деятелях этого времени – Петре I и Ленине.

Недавно вышла в свет аналитическая антология, в которой собраны не только взвешенные научные суждения о деятельности Петра I и о его личности, но и “полюса” русской мысли и обыденных мнений по этому вопросу¹. Читая даже некоторые заголовки разделов этой антологии (“Петр – языческое божество, титан”, “Петр – спаситель России”, “Петр – учитель” и противоположные: “Петр – лидер наемников и предателей”, “Петр – псевдотворец”, “Петр – Антихрист” и т.д.²), невольно вспоминаешь аналогичные оценки (и ярлыки), которые в избытке появились в печати в период гласности по поводу личности и деятельности Ленина. Разброс и острота суждений о Петре и Ленине обусловлены тем, что они являются

---

¹ См.: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново, 1994.

² Там же. С. 5–11.

персонифицированным олицетворением, отражением национального разлома, созидания нового порядка через радикальное отрицание старого.

И наконец, *четвертой* важной чертой, содержащей много элементов общего в российских реформах-революциях, является трагическая цена, которую приходилось платить широким слоям населения в преобразовательном процессе. Эта цена была обусловлена прежде всего непосредственными столкновениями между различными слоями общества в связи с перераспределением собственности и власти. Мирным путем такие вопросы не решаются. Вряд ли без насилия возможно было формирование помещичьей системы дворянского землевладения вместо боярской удельной власти, рекрутской регулярной армии вместо стрелецкого войска во время Петра. Оценивая в целом результаты петровских реформ, П. Милуков пришел к поразительному и даже на первый взгляд парадоксальному выводу: “Ценой разорения страны Россия была возведена в ранг европейских держав”¹. И тем более без насилия и крови невозможно было установление “власти рабочих и крестьян” во времена Ленина и Сталина, ибо в этом случае была поставлена (и в достаточно короткие сроки реализована) задача уничтожения нескольких сословий старого русского общества. В несколько завуалированном виде данная задача была закреплена в первой Советской Конституции (ст. 9): “Основная задача... заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком...”².

Таким образом, анализ русского исторического процесса приводит к выводу, что на протяжении последних трех веков мы сталкиваемся по

---

¹ Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. С. 735. До этой фразы Милуков приводит данные, в соответствии с которыми в период петровских реформ Россия потеряла около 20% населения, а налоговое бремя увеличилось втрое.

² Образование и развитие СССР как союзного государства: Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 16–17.

меньшей мере с двумя специфическими реформами-революциями (или системными революциями), которые имеют четыре повторяющиеся, сходные характеристики: ужесточение политического режима; переход к новому обществу как социальная импровизация; созидание нового через радикальное отрицание старого, а сам переход – противоречие между старым и новым; высокая социальная цена. Эти черты или характеристики свидетельствуют больше о внешнем, поверхностном слое переходных процессов, но они отражают в себе и наличие внутренней, сущностной основы, которая объединяет социальные изменения этого типа, обеспечивает механизм повторяемости переходных явлений и создает в реальной истории России двухвековой гиперцикл от петровских преобразований до революционной ломки 1917–1920-х гг.

Проблема повторяемости революционных катаклизмов в истории России как предмет научного анализа был поставлен в работах ряда русских мыслителей-эмигрантов.

П.Б. Струве, например, предостерегал от упрощенных оценок и выводов о революционных событиях 1917 г. В 1921 г. он писал: “Русская революция есть великая историческая проблема, я бы сказал, почти – загадка...”¹. “Чем объясняется эта историческая загадка, которую многие предвидели, или вернее предчувствовали?” – ставит далее вопрос Струве и сам на него отвечает: “Этот сложный вопрос может быть разъяснен только обращением к истории: подобная катастрофа не может не корениться глубоко в историческом развитии всего русского народа и его власти”².

Размышляя над этими сложными вопросами, Струве пытается найти объяснение причин революционного катаклизма 1917 г. в повторяемости русской истории. Он, в частности, находит очень много общих черт в собы-

---

¹ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 19.

² Там же. С. 20.

тиях начала XX в. и в Смуте XVII в.¹ Из этого наблюдения он делает вывод о том, что в 1917 г. “история *вернула* (выделено мною. – *Авт.*) нас в новой форме к задачам, которые, казалось, были разрешены навсегда нашими предками”².

Мысли Струве перекликаются с выводами, которые делает в своем фундаментальном труде по истории революции 1917 г. П.Н. Милюков. В нем он определяет свою задачу прежде всего в необходимости подробного анализа политического процесса в России в 1917 г., в рассмотрении многочисленных эпизодов этого небольшого, но чрезвычайно богатого на крупные события периода отечественной истории. Вместе с тем как крупный русский историк Милюков не мог не заглянуть за ширму повседневной политической борьбы и задуматься над “корнями второй русской революции”. Поэтому в предисловии к своей “Истории”, оговариваясь о том, что данный предмет не является задачей его исследования, он дает совет будущему “философу русской революции”. По мнению Милюкова, этот философ “должен будет, конечно, искать ее корней глубоко в прошлом, в истории русской культуры. Ибо, при всем ультра-модерном содержании выставленных в этой революции программ, этикеток и лозунгов действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым... Русская революция обнажила перед нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений”³. Таким образом, два крупнейших деятеля российской интеллектуальной эмиграции – П.Б. Струве и П.Н. Милюков, подходя к анализу 1917 г. в России с разных позиций, сошлись в главном выводе: причины этого революционного разлома нужно искать в глубинах российской истории.

---

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 17.

³ Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 11.

Фактически в своих философских рассуждениях о причинах революции 1917 г. указанные русские мыслители как бы подсказали будущим исследователям правильную дорогу в познании сложной и противоречивой эволюции российского общества. К сожалению, данная подсказка в свое время так и не была никем услышана.

Только через много лет, в 1993 г. один из иностранных участников дискуссии по проблемам 1917 г., Л. Хаймсон, (разумеется, без ссылок на Струве и Милюкова) предложил рассмотреть политический процесс в России первых двух десятилетий XX в. на основе идеи Ф. Броделя о сегментации социального времени. По мнению Хаймсона, в каждой – и тем более переломной – исторической ситуации необходимо видеть наложение, сочетание краткосрочных процессов и событий и долгосрочных, идущих из глубин истории факторов и тенденций ¹.

Представляется, что именно этот подход может стать наиболее плодотворным не только для лучшего понимания прошлого, но и для осмысления природы современных процессов в России. Главная методологическая и эвристическая идея, которую подсказывает и обосновывает указанный подход, заключается в том, что в радикальных переменах в России как в прошлом, так и в настоящем необходимо, несмотря на всю их противоречивость и импульсивность, видеть не только стихию политической и социальной борьбы, но и действие определенного фундаментального закона, “вековой тенденции” (термин Броделя) развития российского общества. Эта идея с необходимостью приводит к важному выводу о том, что сама природа переломных, переходных процессов и периодов включает в себе взаимосвязь настоящего и прошлого, что при переходе от одного состояния общества к другому не только происходит разрыв с прошлым, но и

---

¹ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Спб., 1994. С. 20–22.

обеспечивается специфическая преемственная связь нового настоящего и старого прошлого.

Анализ данной преемственной связи в исторической эволюции русского общества показывает, что внутри двухвекового гиперцикла русской истории, начавшегося петровскими преобразованиями, а завершившегося революционными событиями 1917–1920-х гг., выделяются три периода менее радикальных перемен в функционировании общественной системы – преобразования Александра I, реформы 60–70-х гг. и реформы Витте–Столыпина.

В преобразованиях этого типа мы также можем найти сходные, повторяющиеся черты и характеристики. *Во-первых*, изменения в различных общественных сферах в период таких реформ не импульсивны и не случайны, а проводились по определенному, заранее разработанному плану. Инициатива этих изменений находилась целиком в руках действующей правительственной власти, и на роль реформаторов выдвигались официальные представители высшей царской администрации. Во время царствования Александра I реформационные проекты были предварительно разработаны, а затем частично претворены в жизнь высшими царскими чиновниками – М.М. Сперанским и Н.Н. Новосильцевым. В 1855–1861 гг. “пакет” реформ был тщательно разработан в находящихся под полным контролем царского правительства специальных комитетах. В начале XX в. на роль теоретика и идеолога предстоящих преобразований выдвигается ставший позднее премьер-министром С.Ю. Витте, а затем его сменил и на государственном посту, и в роли реформатора П.А. Столыпин.

Во-вторых, эти реформы были нацелены прежде всего на социально-экономическую область и очень слабо затрагивали сферу государственного управления. Во всяком случае в их задачу изначально не входило изменение государственного порядка, по сути дела того типа монархической

власти, который в начале XVIII в. был установлен Петром. При Александре I по инициативе Сперанского был учрежден Государственный Совет как высший административный орган империи с законосовещательными функциями. Предложения же того же Сперанского о созыве выборной Думы и проекты Новосильцева о конституционных изменениях в стране так и не были востребованы. Во время реформ 60–70-х гг. очень умеренные проекты об образовании выборных органов с сугубо совещательными полномочиями, которые предлагали П.А. Валуев и М.Т. Лорис-Меликов (оба – министры внутренних дел в разные годы), так и не были реализованы. И наконец, в начале XX в. все-таки учрежденный в России выборный орган представительной власти – Государственная дума в результате законодательных манипуляций царя так и оставалась до 1917г. бесправным учреждением в системе самодержавной монархии.

И *в-третьих*, проведение реформ сопровождалось резким обострением борьбы между различными политическими и социальными силами. В первый период реформ это было связано с деятельностью тайных обществ декабристов, закончившейся восстанием на Сенатской площади. Во второй – с нарастающей волной народовольческого террора и убийством Александра II. В третий – с революцией 1905–1907 гг. и последующей после нее беспощадной террористической деятельностью против правительства со стороны социалистов (в основном эсеров). В начале XX века политическая борьба в российском обществе, усугубленная мировой войной, вылилась в революции 1917 г. В предшествующие же два периода реформ ход этой борьбы переламывался властью, после чего начинался период контрреформ, во время которых реформаторские процессы замедлялись, потом вообще останавливались, а затем принимались меры, возвращающие общество на дореформаторские позиции.

Общая картина социальной динамики российского общества в период с конца XVII в. по 20-е гг. XX в. такова: две системные революции с интервалом в двести лет, между ними – три внутрисистемные реформы, из которых две первые заканчиваются периодами контрреформ, а третья, последняя, выливается во внутрисистемную революцию. (Схематическое изображение данной динамики см. на с. 110).

Важнейшим для интерпретации этой динамики является вопрос о ее детерминациях. Разумеется, этот вопрос всегда был в центре внимания исследователей российской истории. Но наиболее распространенным способом решения данного вопроса было подведение России под общую логику мирового развития с ориентацией на наиболее развитые страны. Причем этот способ одинаково работал как в либерально-прогрессистской, так и в формационной парадигме. При этом логика рассуждений была очень проста: конечно, в общественном развитии России есть очень много уникальных, специфических особенностей, в том числе и явлений замедления социальных процессов, архаизации некоторых общественных отношений и т.д., но в целом Россия находится в потоке общемирового прогресса, подчиняется его законам и на определенном этапе достигнет высших ступеней социального развития.

Такая трактовка детерминированности развития российского общества не дает и даже не пытается дать ответы на конкретные и специфические вопросы, которые ставит перед любым исследователем российская история. Такие ответы, на наш взгляд, могут быть найдены только на стыке историософии и конкретных научных методов, оперирующих моделями социального времени.

Выше уже говорилось, что в достаточной степени можно считать доказанным влияние (хотя и не прямолинейное и однозначное) длинных волн (а значит и соответствующих временных ритмов) западной эконо-

мики на Россию. Причем автор концепции длинных волн Кондратьев, как известно, вовсе не отрицал, а, наоборот, принимал как необходимую посылку существование общей тенденции (тренда) восходяще-поступательного развития мирового сообщества. Он писал: “Принимая существование больших циклов, разумеется, нельзя думать, что экономическая динамика представляет собой процесс простых колебаний около какого-то одного уровня. Она представляет собой, несомненно, процесс развития...”¹. Поэтому если усложнить картину детерминационных влияний мировой экономики на Россию, то получится, что она будет состоять не просто из длинной волны, а из фундаментального тренда общемирового развития, вокруг которого (или по оси которого) как по линии равновесия происходят колебательно-волновые (циклические) процессы (длинные волны) развития социально-экономических явлений и отношений².

Вместе с этим конкретно-исторический анализ социальной динамики России за последние века ее истории показывает, что одних моделей внешних детерминаций недостаточно, чтобы объяснить специфические колебания российского социума. Недостаточна и просто ссылка на уникальность исторического пути России и т.д. Так же как и в анализе длинных волн, когда кроме внешних параметров нас, безусловно, заинтересовал вопрос о причине (а значит и матрице) возникновения этих волн, о механизме их действия, и в интерпретации “специфики России” необходим аналогичный подход.

---

¹ Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 69.

² Для большинства ученых, придерживающихся данной модели, вопрос о том, что первично в соотношении двух динамических типов социального развития “тренд–цикл”, является дискуссионным. Хотя встречаются и однозначные суждения. Например, такой авторитет в области циклических процессов, как Й.Шумпетер, в 1939 г. писал: “Эволюция есть по своей сути процесс, который движется циклами, а тренд есть лишь результат данного циклического процесса или его свойство... Реален только цикл сам по себе” (Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов конференции. Ч. 2. М., 1991. С. 156). Автор настоящей работы считает, что абсолютизация цикла также упрощает и огрубляет реальную социальную динамику, как и сведение ее только к поступательному росту.

В связи с этим целесообразно выдвинуть следующую рабочую гипотезу: *Россия как сложная и долгоживущая общественная система имеет собственную и относительно независимую от внешнего мира матрицу развития, которая обуславливает национальный временной ритм социальной динамики.*

Идея целостности и самодостаточности российского общества (хотя может быть в данной гипотезе она и выражается в нетрадиционной форме) является не новой. Так, например, такой ученый как П. Миллюков, которого вряд ли можно отнести безоговорочно к сторонникам нетрадиционной исторической науки, тем не менее, изучая особенности и эволюцию русских культурных традиций, обращается к идеям Спенсера. Отталкиваясь от эволюционно-организмической концепции Спенсера, П. Миллюков считает, что для наиболее адекватного понимания сущности русской культуры и русского общества необходимо представить его как “отдельный (национальный) организм”, который существует наряду с другими такими же организмами. Это понятие должно, по мнению Миллюкова, лечь в основу нового подхода к анализу общественных явлений – “новой социологии”, которая придет на смену исторической науке, целиком построенной на идее всемирной истории, и которая свое видение исторического процесса будет развивать, “проводя аналогию между животным и социальным организмом”¹.

Думается, что сама идея о сходстве механизмов развития общества и природного мира слишком опрометчиво забыта и признана устаревшей в социальных науках. Во всяком случае к мнению Миллюкова необходимо прислушаться хотя бы потому, что он делает выводы не из изначально по-

---

¹ См.: Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. С. 43–47.

строенных абстрактных конструкций, а из анализа реалий исторического развития России¹.

Данная идея, несмотря на гигантское расширение границ научного познания в XX в., в других формах возникает и в настоящее время. Целый ряд ученых приходит к выводу о том, что общество и история развиваются не по каким-то собственным, специфическим, а по единым, глобальным законам Природы. Н.Н. Моисеев пишет, например, об этом так: “Мне казалось, что представить возможные тенденции и альтернативы развития человечества... можно, лишь выйдя за традиционные рамки и изучая человечество как элемент некой единой системы, которую естественно называть “Вселенная”. Пришло время, когда возросшее могущество человеческого общества уже не позволяет рассматривать его в качестве независимой социальной системы, вся история которой развивается на некоем фоне, называемом ныне окружающей средой. Сегодня мы уже стали понимать, что все взаимосвязанно, взаимозависимо, и любые локальные рассмотрения совершенно недостаточны для представления о характере развития системы “Человек – Природа”². В другом месте Моисеев вводит в употребление понятие “биосоциальные законы”¹.

Данный способ интерпретации социальных явлений и процессов развивается в настоящее время не только на основе научных открытий, необозримо раздвигающих наши представления об окружающем мире, о Вселенной, но и на новых, освобожденных от мистических или, наоборот, натуралистических представлениях о природе человека. Эти новые представле-

---

¹ В конце XIX – начале XX в. в России таких представлений о природе общества придерживался не только Миллюков, но и целый ряд других ученых. Б.Н. Чичерин, например, рассуждая об этом предмете, ссылается на то, что многие российские теоретики считают общество “организмом”. И хотя сам он не безоговорочно принимает эту идею, он тем не менее употребляет в своих трудах такое понятие, как “политический организм” (см.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. II. Социология. М., 1896. С. 4–5, 41–42).

² *Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм. (Позиция и следствие) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 28.

ния, разумеется, опираются прежде всего на данные современной науки и активнее используют накапливающиеся многие века повседневные наблюдения за поведением людей, их индивидуальной жизнью. Эти наблюдения достаточно достоверно свидетельствуют о том, что человек, человеческая личность, подчиняясь общим законам природы и общества, имеет собственные, уникальные, обусловленные генетическими, семейными и другими сугубо конкретными обстоятельствами рождения и созревания данного индивида особенности, или по-другому – матрицу своего развития, не говоря уже об индивидуальном духовном мире и т.д. Именно эти специфические, а не общие условия, доминанты и определяют развитие данного человека, его жизнь, его судьбу.

Абсолютно нет никаких препятствий для переноса этого эмпирического наблюдения из жизни конкретных людей (во всяком случае в гипотетическом плане) на социальный процесс в целом и на развитие отдельных общественных систем в частности. При этом для исследователя открывается необозримое, хотя и невспаханное, поле научного поиска, в котором он должен будет наряду с переосмыслением общих законов мироздания вторгнуться в достаточно неведомую область специфических законов внутреннего, автономного развития, обновления, саморелаксации локальных общественных организмов. На этом пути предстоит также – и это самое трудное, хотя и самое важное – определение доминантных основ этого автономного развития, *матриц* национальной жизни.

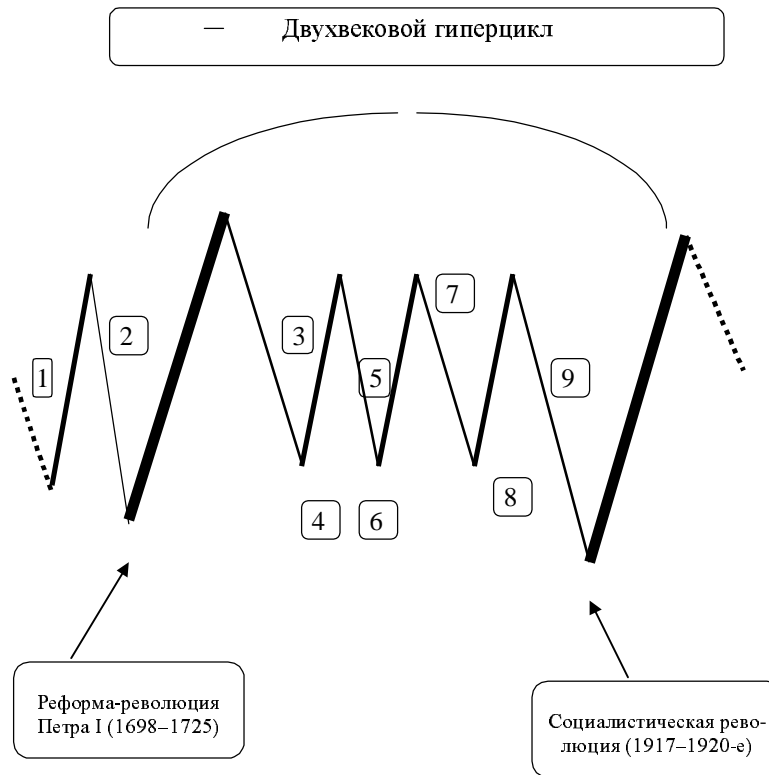
---

¹ Мусеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 9–12.

СХЕМА

динамики российского политического процесса

Примечания:

А) Номинальные даты и названия периодов:

1. Церковная реформа Никона – Алексея Михайловича (“Раскол”) (1654–1667).
2. Кризисный период 1676–1689 гг.
3. Послепетровские царствования (1725–1801).
4. Преобразования (и проекты реформ) периода Александра I (1803–1820).
5. Контрреформа (застой) при Николае I (1824–1855).
6. Великие реформы 1861–1875 гг.
7. Контрреформы Александра II (1881–1895).
8. Реформы Витте-Столыпина (1905–1911).
9. Общенациональный кризис (1914–1917).

Б) Ломаная линия данной схемы в целом символизирует колебательный характер российского политического процесса, но строго графически, в масштабе не отражает падение или повышение каких-либо реальных показателей развития общества.

К выводу о существовании матриц развития крупных общественных систем подводит и идея о единстве и нераздельности пространства и времени, которую в отечественной науке выдвинул и развивал В.И. Вернадский, определяя данное явление одним понятием “пространство-время”¹. Эта идея логически подводит к выводу о том, что наряду со “всеобщим” социальным временем человечества существует некое “локальное” время, в котором живут “локальные” пространства, общественные системы, имеющие долгосрочные и самодостаточные характеристики своего развития. “Очевидно, – считает В.И.Вернадский, – раз пространство и время являются частями, проявлениями и разными сторонами одного и того же неделимого целого, то нельзя делать научные выводы о времени, не обращая внимания на пространство. И наоборот: все, что отражается в пространстве, отражается так или иначе во времени”².

Фундирующей основой развития локального “пространства-времени” и является национальная матрица, формирующаяся в исторических глубинах эволюционирующего социума, в специфическом переплетении связей и противоречий национальной жизни.

Выявление этих матриц, которое, безусловно, поможет понять природу и механизмы социальной динамики России, возможно только в ходе анализа реального исторического процесса.

§ 4. Дихотомия “власть – собственность” и матрица временного ритма России

---

¹ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 238.

² Там же. С. 240.

Определение внутренних пружин развития российского общества, механизмов его динамики всегда было для отечественной науки одной из труднейших задач. Некоторые считали, что это вообще невозможно. Достаточно вспомнить тютчевское “умом Россию не понять”. Другие же мыслители относились к этому предмету менее пессимистически. К.С. Аксаков, признавая существующие трудности в познании России, ее исторического пути, прямо указывал на их причины: “Русская история совершенно отличается от Западной Европейской и от всякой другой истории. Ее не понимали до настоящего времени, потому что подходили к ней с готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотели ее туда насильно втискать, потому что хотели ее учить, а не у нее учиться...”¹.

Постараемся следовать совету К. Аксакова и без всяких рамок и клише подойти к анализу российской истории, и прежде всего ее переломных, переходных периодов, в которых обострялись и обнажались многие противоречия политических и социально-экономических интересов, происходило наиболее острое и решительное их столкновение.

В качестве исходного пункта такого анализа сформулируем следующей тезис: *Ключ к открытию механизма российской социальной динамики, матрицы национального развития необходимо искать в отношениях власти и собственности² в России.*

Национальная специфика и направленность изменений в этом фундаментальном общественном отношении (или в соотношении этих двух общественных доминант) особенно полно и непосредственно проявляется в переходные эпохи российской истории. Поэтому мы прежде всего просле-

---

¹ Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические. М., 1861. С. 2.

² Формула “власть – собственность”, как и данные термины в отдельности, зачастую даже в научной литературе имеют условно-публицистический характер. Поэтому, чтобы не было путаницы, уточним, что в настоящей работе понятие “власть” употребляется в значении “центральное (верховное, общегосударственное) управление”, а “собственность” – это “владение материальными благами”, в качестве которых в российском государстве XVIII – XIX вв. выступала прежде всего земля.

дим, почему и как изменения в этих отношениях (или в соотношениях) происходили в периоды двух системных революций, через которые прошла Россия в начале XVIII и в начале XX в.

Наш анализ мы последовательно проделаем по трем аспектам: по политическому и социально-экономическому, социокультурному и геополитическому.

4.1. Политический и социально-экономический аспекты проблемы

Как бы мы ни оценивали смысл и значение петровской революции, ясно одно – ее корни нужно искать в предшествующих периодах российской истории. Масштабы и глубина общественного сдвига, который произошел в России в начале XVIII в., свидетельствовали о том, что накопление преобразовательной энергии происходило в течение многих десятилетий и было обусловлено реальными общественными условиями, сложившимися в России к концу XVII в. “Реформа, – пишет В.О. Ключевский, – сама вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером...”¹.

Два века, предшествующие Петру, можно назвать эпохой формирования и упрочения огромного централизованного государства, вырвавшегося из оков татаро-монгольского владычества на самостоятельный путь национального развития. Анализ этого периода русской истории в научной литературе всегда вызывал множество дискуссий и споров хотя бы потому, что он, как никакая другая эпоха, был насыщен войнами, восстаниями, переворотами и другими общественными катаклизмами. В этот период про-

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 202.

исходит также и такое эпохальное событие для любого монархического государства, как смена правящей династии.

Но в чем же заключалось главное противоречие этого периода, основное “яблоко раздора” для различных общественных сил, которое постоянно сталкивало их друг с другом? Если принять за точку отсчета XVI в., то можно с уверенностью сказать, что это противоречие, или это “яблоко раздора”, необходимо искать на стыке существовавшей в то время монархической *власти* и господствующей *системы землевладения*.

С одной стороны, в процессе централизации и увеличения могущества Российского государства происходило естественное и неизбежное усиление и расширение политической власти монарха (великого князя или царя), но с другой – в качестве господствующей действовала децентрализованная, по сути удельная¹, система владения земельной собственностью. По мнению Ключевского, такая система сложилась по преимуществу на Верхневолжской Руси в XIII – XIV вв. в силу объективных условий освоения этого региона. В этом процессе сомкнулись два направления – географическое и политическое.

Удельное дробление земельной собственности возникло в силу особенностей колонизации, когда происходило не сплошное освоение территории, а обустройство локализованных, оторванных друг от друга условиями рельефа мелких речных районов (округов). При этом нужно учитывать и тот факт, что князь (владелец) приходил в этот уединенный район не на готовое, а как бы в пустыню, которую нужно было еще осваивать, делать пригодной для нормальной и производительной жизни². Поэтому, заключает Ключевский, “...понятие о князе как о личном собственнике удела было юридическим следствием значения князя как заселителя и устроителя сво-

---

¹ По Ключевскому, уделы (или вотчины) - это отдельные частные владения (землей или недвижимостью), постоянные или наследственные (см.: *Ключевский В. О. Сочинения*: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 338).

² Там же. С. 348–349.

его удела”¹. Сами объективные условия становления российской государственности делали удельную власть и удельную собственность наиболее закономерной и целесообразной как с экономико-географической, так и с политической точки зрения.

Начиная с XV в. удельная система в ходе жизненно необходимого для дальнейшего существования Российского государства объединения земель начинает деформироваться. Удельная земельная собственность (а значит и местная власть) и централизованная общероссийская монархическая власть вступают в вопиющее противоречие и даже в смертельную борьбу друг с другом. В этой борьбе в конечном итоге, как известно, побеждает монархический центр, в результате чего удельная система трансформируется в систему поместного землевладения². Но не нужно упрощать смысл этой борьбы объективистскими, прогрессистскими подходами и мерками. Не нужно слишком сужать и исторические рамки этой борьбы. И то и другое могут скрыть от нас истинные пружины этой борьбы, а вместе с ними более долговременные механизмы и тенденции российского политического процесса.

Трансформация удельной системы в поместную происходила медленно и очень болезненно для русского общества. Для России смена систем землевладения означала смену фундаментальных основ общества, и поэтому изменение социально-экономических условий функционирования общества не могло произойти без перестройки всего общественного здания. Конечно, к такой всеобщей, комплексной перестройке русское общество было еще не готово ни в XVI, ни в XVII вв. Поэтому, говоря о процессе смены удельной системы на поместную в период XVI–XVII в., мы не

---

¹ Там же. С. 349.

² Главным отличием поместья от удела является то, что поместьем наделялся служилый человек государством (монархом) первоначально условно и временно (на время службы). В XVIII в. поместья становятся полноценной частной собственностью владельца, но и в этом случае многие аспекты деятельности поместья, а также акт купли-продажи находились под контролем государства.

должны забывать об инерционном действии “удельных порядков”, которые все еще фундировали старые условия жизни, замедляли преобразования в различных общественных сферах. Ключевский об этом писал так: “Не думайте, что с исчезновением великих и удельных княжеств тотчас без следа исчезал и удельный порядок, существовавший в Северной Руси. Нет, этот порядок долго еще действовал и под самодержавной рукой московского государя. Политическое объединение Северной Руси на первых порах выражалось только в единстве московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой местного управления, где еще довольно устойчиво хранились остатки удельного порядка”¹.

Советский историк М.Н. Тихомиров, специально изучавший общественную жизнь в отдельных регионах (княжествах) Российского государства в XVI в., отмечал, что несмотря на то, что уделы в этот период имели как бы вторичный характер и сила удельных князей заметно поубавилась по сравнению с прежними временами, удельные порядки тем не менее продолжали существовать. И вообще говорить о централизованном Российском государстве в XVI в. нужно осторожно, с оговорками, так как могущество великого князя нельзя смешивать с понятием централизации². В политическом смысле великий князь в XVI в. был действительно всемогущ, но в экономическом отношении Российское государство в то время еще было децентрализовано, поскольку внутренняя жизнь уделов продолжала оставаться автономной, и таможенные границы удельных княжеств и царских земель, например, соблюдались строго³.

Почему же удельная система не могла быть быстро сменена новой, поместной системой? Потому что при взаимодействии с первой системой (удельной) у монархической власти имелся хотя и несовершенный, уже не

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 133.

² См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34–42.

³ См.: там же. С. 40.

отвечающий новым потребностям времени, но все же действующий механизм решения крупных государственных проблем, тогда как при второй системе (поместной) создавался лишь новый юридический статус отдельных единиц земельной собственности, но отсутствовал еще по объективным причинам новый экономический механизм функционирования общероссийского хозяйственного организма как единого целого.

Задумаемся над таким, казалось бы, парадоксальным обстоятельством: именно во времена Ивана Грозного – одного из наиболее жестоких и авторитарных правителей монархической России – по инициативе царя начинают созываться Земские соборы – сословные представительные органы. Разгадка проста: царь имел огромную политическую власть, но при этом был сильно ограничен в экономических возможностях, не располагая достаточно мощными централизованными источниками пополнения своей казны. Основная собственность оставалась у крупных землевладельцев, которые по удельным традициям имели еще широкие возможности для ее использования. Поэтому для любого общегосударственного мероприятия, требующего крупных материальных средств (например, Ливонская война), необходимы были согласие и готовность “земель” (и в первую очередь крупных землевладельцев) выделить эти средства на общие нужды.

В последние годы в литературе (особенно публицистической) была сильно преувеличена демократическая сущность Земских соборов и тем самым искажена их роль в Русском государстве того времени. Забыли о том, что эти представительные сословные учреждения возникли не как результат естественного прогрессивного политического развития России (так, как это происходило на Западе)¹, а как наиболее адекватная форма

---

¹ У Ключевского есть два похожих друг на друга высказывания по этому вопросу. Первое: “Наш собор родился не из политической борьбы, как народное представительство на Западе, а из административной нужды” (*Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 366*). Второе: “Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западноевропейского представительства” (там же. Т. III. М., 1988. С. 198).

связи государства и общества в период наиболее сильного обострения противоречий и столкновений различных социально-политических интересов, в условиях, когда централизованная государственная власть по объективным причинам еще не располагала всеми рычагами управления страной. Земские соборы были в России того времени своеобразной общественной камерой, где гасились противоречия и столкновения интересов, где вырабатывались консолидированные общенациональные решения.

Упрощенные толкования сути социально-политической ситуации в Русском государстве в XVI–XVII вв. возникают чаще всего из-за стремления некоторых исследователей с позиций формационной теории представить этот период как процесс становления классического феодализма. Ключевский же, например, считал, что удельную систему в России вообще нельзя отождествлять с феодальными порядками, которые существовали в Западной Европе. Сходство, по его мнению, было только внешним, юридическим, оно состояло в соединении в лице удельного князя государя и верховного собственника земли. Но в российских удельных отношениях отсутствовали два важнейших для западноевропейского феодализма момента: соединение служебных отношений с поземельными и наследственность тех и других. Поэтому для удельного князя “его бояре и слуги вольные совсем не вассалы”¹.

Это и создавало особую систему социально-политических отношений в формирующемся Российском государстве: наряду с централизованной властью общероссийского монарха существовали удельные собственники огромных земельных наделов, в обществе имела большую силу и влияние идеология боярской вольности и вседозволенности, мощная социально-политическая оппозиция царской власти.

---

¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 359.

Поэтому, по мнению Ключевского, “удельно-вотчинное” и “государственное” – это не просто два противоборствующих начала в процессе централизации Российского государства, а ключевое социально-политическое противоречие этого периода, которое пронизывало оба этих начала, в том числе и личность царя, в котором, как пишет Ключевский, боролись “вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти”. И именно это “колебание между двумя началами или порядками” и привело в конечном итоге “династию собирателей к гибели”¹.

Конечно, эти противоречивые реалии социально-политической истории России XVI–XVII вв. не могли не вызвать острых научных дискуссий. В отечественной исторической литературе эти дискуссии чаще всего уходят от фундаментального вопроса о взаимодействии власти и собственности и сводятся к достаточно конкретным проблемам характера и мотивов отношений царской власти и боярства, с одной стороны, боярства и дворянства – с другой. В трактовке этих вопросов можно выделить две противоположные позиции²: одна исходит из постулата о непримиримой борьбе между боярством и царской властью, другая сводится к тому, что эту борьбу не нужно преувеличивать, ибо интересы боярства и царской власти в период централизации Российского государства в целом совпадали.

Первая позиция восходит к идеям С. Соловьева и Ключевского, она была свойственна так же и ряду других отечественных историков дореволюционной школы (С.Ф. Платонов, Н.И. Павлов-Сильванский). Некоторые ученые придерживаются этой позиции и сейчас (например, Р.Г. Скрынников). Вторая позиция формируется в исторической науке уже в советское время (С.Б. Веселовский, Л.В. Черепнин) и находит много сторонни-

---

¹ См.: там же. Т. II. М., 1988. С. 121.

² Подробный анализ данной дискуссии как в дореволюционный, так и в советский периоды см.: *Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.)*. М., 1985. С. 6–11.

ков и по сей день (например, В.Б. Кобрин). Но все-таки многие исследователи пытаются избегать в этом сложном и противоречивом вопросе категорических выводов.

Наиболее ясно и отчетливо концептуальная противоположность позиций в анализируемой нами теме проявилась в полемике В.Б. Кобрина и Р.Г. Скрынникова. В своей книге “Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.)” В.Б. Кобрин пришел к выводу о том, что необходимо “пересмотреть традиционное представление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса. Но только на это противопоставление, по сути дела, опирается ставшее общим мнение о разных политических позициях помещиков и вотчинников, о “борьбе” боярства и дворянства, под которым часто понимают владельцев вотчин и поместий. Изучение поместья склоняет автора к скептическому отношению к этой концепции извечной “борьбы” боярства и дворянства”¹. Далее эту борьбу Кобрин вообще называет “мифом”². Р.Г. Скрынников, цитируя данное положение Кобрина в своей книге “Россия в начале XVII в.” “Смута”, высказывает прямо противоположное мнение: “Взявшись за опровержение “общего мнения”, В.Б. Кобрин не заметил того, что ключевым пунктом современной концепции политического развития Российского государства XV–XVI вв. является не пресловутый тезис об изначальной борьбе боярства и дворянства, а положение о фундаментальной перестройке феодального сословия, связанной с развитием поместной системы и трансформацией старого боярства периода феодальной раздробленности в служилое дворянское сословие XVI в.”³.

Думается, что позиция Р.Г. Скрынникова более адекватно отражает реалии того периода русской истории. Необходимо только при этом сде-

---

¹ Там же. С. 134–135.

² Там же. С. 218.

³ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. “Смута”. М., 1988. С. 6.

лать две оговорки. Во-первых, вряд ли стоит понимать эту “трансформацию” как спокойный, мирный процесс, и во-вторых, также представляется маловероятным, что эта “трансформация” уже достигла своей конечной цели в XVI в.

Во всяком случае безусловное отрицание борьбы царской власти (а значит и дворянства) и боярства как основной пружины российской истории XVI в. противоречит реалиям политического процесса. Если посмотреть на события XVI в., например, с высоты позиций XVIII в., то станет очевидным, что главной жертвой политической трансформации сословно-представительной монархии в России в абсолютную монархию становится боярство. Класс, имеющий на протяжении длительного времени ведущие политические и экономические позиции в государстве, к XVIII в. утрачивает эти позиции и фактически исчезает с социальной арены России. Суждение о том, что истребление боярских родов, например, в эпоху Ивана Грозного было лишь ответной реакцией царя на агрессивные устремления бояр является упрощенным и малоубедительным.

В 1825 г. против романовской династии восстали представители виднейших аристократических фамилий России, некоторые из этих представителей вынашивали идею физического уничтожения царской семьи. Но тем не менее пострадали только непосредственные участники заговора, а статус и привилегии дворянских родов, к которым они принадлежали, были абсолютно не затронуты.

Поэтому дело не в политической позиции боярства, не в его отношении к царской власти, а в том, что в руках этого класса сосредоточивалась огромная земельная собственность. Эта собственность, а точнее, доходы от нее были жизненно необходимы для развивающегося государства.

Отсюда и XVI в. – мучительный процесс изменения статуса и формы владения основным земельным фондом Российского государства в пря-

мой ущерб конкретным боярским вотчинникам и боярству в целом. Но собственность еще никто и никогда не отдавал без сопротивления. Именно этим естественным яростным сопротивлением земельных собственников, насильственно лишаемых их собственнических прав, только и можно объяснить социальные катаклизмы этого периода, фактически непрекращающуюся гражданскую войну с ее неиссякаемыми на протяжении многих десятилетий потоками русской крови.

Некоторые историки переводят данный спор в плоскость временных рубежей перехода от удельно-вотчинной системы к поместной. А.М. Сахаров, например, полностью солидаризируется с Черепниным в вопросе о том, что этот переход необходимо отнести уже к XIV–XV вв.¹ Такая постановка представляется весьма спорной. Мы уже приводили мысль Ключевского об инерции удельного мышления, живучести удельной идеологии, реальное влияние которых на политическую жизнь России выходило за рамки XVI и тем более XV в. Полный переход к поместной системе землевладения (т.е. к системе, находящейся под реальным централизованным контролем) в XVI в. был невозможен по чисто экономическим причинам, так как в это время в стране не только еще отсутствовал общенациональный рынок, но и вообще были слабо развиты товарно-денежные отношения².

Кровавый XVI в. сменяется (особенно после Смуты) относительно более спокойным XVII в., но это происходит не от того, что власть новой царской династии начинает абсолютно доминировать в государстве. Как раз наоборот. Именно в XVII в. отмечается активизация деятельности Земских соборов, повышается их статус в решении важнейших государственных

---

¹ См.: Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI – XVII вв. // Проблема развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 62–63. См. так же: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

² См. подробнее: Очерки русской культуры. XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 16–22.

ных проблем. Просто в этот период наступает некоторое равновесие между различными социальными слоями и интересами общества. Равновесие, которое еще нужно было перетянуть в необратимую фазу абсолютизации монархической власти.

Именно такой исторический шаг и предпринял Петр I. При этом Петру пришлось кардинальным образом изменить (или решительно завершить уже начатое до него) структуру, статус и систему отношений собственности, и прежде всего земельной, унифицировать и заметно изменить сословную иерархию российского общества, провести целый ряд преобразований в области промышленности и финансов, а также создать новые механизмы и принципы взаимодействия центра и регионов.

Вообще, на наш взгляд, формирование новой системы общественных связей по горизонтали (центр – регионы) было самым сложным и трудоемким делом петровской реформы. Именно здесь Петр, как бы наталкиваясь на самое большое препятствие, предпринимал половинчатые и даже ошибочные решения¹. Но дело только ли в том, что Петр не знал, что и как нужно делать? Видимо, нет. Преобразования Петра в этой сфере (в исторической литературе их называют губернской или областной реформой) сфокусировали в себе главные и наиболее острые противоречия и проблемы того социального сдвига, который тогда происходил в России. Эти преобразования являлись не просто совершенствованием системы местного управления; в их ходе реализовалась более глобальная задача – создание унитарного абсолютистского государства, в котором регионы (бывшие уделы – вотчины) и политически и экономически полностью были бы подчинены центру – монархической власти.

---

¹ См.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 297.

Разумеется, основные изменения в соотношении политических сил, в соотношении собственности и власти происходят и в допетровскую эпоху, но именно Петр доводит этот процесс до своего завершения.

В пользу данного вывода говорят и новейшие исторические исследования, проведенные с использованием методов сравнительного анализа. Наиболее серьезную попытку такого анализа российской истории и специально периода петровских реформ предпринял А.Н. Медушевский. Он подробно исследует реформационные мероприятия в сфере земельной собственности, которые предпринимались при Алексее Михайловиче и царе Федоре, но вместе с тем приходит к выводу, что наиболее важные и необратимые сдвиги в этой области происходят во время петровских реформ¹. Именно в этот период, по мнению Медушевского, “длительный процесс сближения ... двух форм земельной собственности (вотчин и поместий. – *Авт.*) был завершен и закреплён юридически”². При этом Медушевский анализирует деятельность Законодательных или Уложенных комиссий, результатом которой была не только кодификация законодательных актов, принятых после Уложения 1649 г., но и подготовка такого важнейшего социально-политического закона, как Указ о майорате 1714 г. В соответствии с этим указом устанавливалась наиболее выгодная государству система владения и распоряжения землей³. Только после этого власть окончательно соединяется с собственностью.

Правильно понять сущность данного феномена российской общественной жизни можно только в конкретно-историческом контексте, в непосредственной связи с уникальными условиями формирования и развития российской государственности. Данная оговорка необходима потому, что

---

¹ См.: Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 120–137.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 92.

сама формула “власть-собственность” в отечественном общественном знании с 60-х гг. нашего века (вспомним дискуссию об “азиатском” способе производства¹) рассматривалась как критерий, ключ к пониманию природы того или иного общественного строя.

Если власть и собственность в государстве разведены, находятся под контролем разных центров силы (хотя такую ситуацию в “чистом виде” невозможно себе представить применительно и к современному миру), то это признак демократической системы. Если же власть и собственность слиты, соединены, то это свидетельствует о наличии тоталитарных порядков, или “восточных деспотий”, основанных на так называемом азиатском способе производства².

Приложение данной формулы в указанной трактовке к анализу социальной динамики России может не прояснить, а наоборот – запутать суть дела.

Когда мы говорим о том, что в период петровских реформ власть соединяется с собственностью, это не означает, что с этого времени в России перестает существовать система частной собственности, что в стране устанавливается тоталитарный режим. В начале XVIII в. власть соединяется с собственностью не в том смысле, что ликвидируется сфера частного интереса и вся частная собственность становится целиком государственной, а в

---

¹ См., например: *Тер-Акопян Н.Б.* Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земельную общину // *Народы Азии и Африки.* 1965. № 2; *Пигулевская Н.В.* К вопросу об азиатском способе производства // *Вестник древней истории.* 1965. № 3; *Гарушняц Ю.М.* Об азиатском способе производства // *Вопросы истории.* 1966. № 2; *Васильев Л.С., Стучевская И.А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // *Вопросы истории.* 1966. №5; *Качановский Ю.В.* О понятиях “рабство” и “феодализм” // *Вопросы истории.* 1967. № 6; *Васильев Л.С.* Что такое азиатский способ производства? // *Народы Азии и Африки.* 1988. № 3; и др. Справедливости ради, необходимо отметить, что участники дискуссии выводы и суждения об “азиатском” способе производства крайне осторожно экстраполируют на историю России.

² Один из исследователей данной проблемы Л.С. Васильев пишет: “Суть феномена власть-собственность сводится к тому, что в условиях формирования надобщинных политических образований, протогосударств, владение и распоряжение ресурсами нерасчлененного коллектива становится функцией ставших над общинами субъектов власти, вождей и их окружения” (*Васильев Л.С.* Что такое “азиатский” способ производства? // *Народы Азии и Африки.* 1988. № 3. С. 70). См., также: *Он же.* Феномен власть-

том, что система частной собственности лишается существенных рычагов непосредственного влияния, давления на власть. Власть в государстве становится монополией определенного клана, опирающегося на узкую социальную прослойку. Частные же собственники превращаются при этом в обычных, хотя и в наиболее привилегированных, агентов государственной системы, лишаются даже теоретической возможности сраняться с властью и тем более встать над ней.

4.2. Социокультурный аспект проблемы

Процесс изменения соотношения власти и собственности в Российском государстве в XVI – начале XVIII в. наиболее отчетливо проявлялся в политической и социально-экономической сферах, где и происходило непосредственное столкновение социальных интересов. Но изменения эти осуществляются в тот период (может быть, более скрытно, неявно, на первый взгляд без связи с властью и собственностью) и в других сферах российского общества. Для того, чтобы показать эти латентные процессы, необходимо хотя бы коротко проанализировать сущность такого грандиозного явления, каким являлся раскол русской православной церкви в XVII в. Этот раскол в научной литературе уже давно не рассматривается как чисто религиозное или церковное событие. В ряде современных социокультурных теориях он вообще трактуется как водораздел русской истории, как начало раскола российской нации на два народа, на две культуры, на два национальных менталитета¹. В целом это правильная мысль, но необходи-

---

собственность. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

¹ См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I. М., 1991; *Он же.* Россия – расколото общество // Рубежи. 1995. № 5. С. 67–75; *Идзинский В.П.* Тайна российских катастроф // Полис. 1992. № 4.

мо ясно сознавать, что в расколе XVII в. является причиной, а что – следствием.

Действительно, что такое раскол? Почему вдруг российское православное общество расколосось на две части, на два враждебных лагеря? Конечно, дело не в никоновских попытках привести религиозные обряды в соответствие с византийскими канонами, не в церковно-канонических мероприятиях. За всем этим скрывалась более глубокая основа.

Ведь и сами отклонения русских религиозных текстов от канона происходили не только и не столько из-за оплошностей и ошибок переписчиков, а были обусловлены необходимостью адаптации родственной, но все-таки иной, отличной от русской, византийской культуры к особенностям русской национальной низовой жизни¹. Возврат к канону означал унификацию этой жизни, подведение ее под навязчивый и мелочный контроль государственных централизованных структур. Для части русского общества, которая по тем или иным причинам была наиболее тесно связана со старинными национальными корнями и которая интуитивно почувствовала эту опасность, никоновские реформы означали не просто надругательство над религиозными чувствами, но и разрушение самих основ жизни, потерю ее смысла. Не случайно в их рассуждениях преобладают апокалипсические мотивы. Например, у Аввакума: “Таже смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец...”².

В результате раскола происходит не просто внутрицерковная, а глобальная социальная перемена в российском обществе. До раскола православная церковь в России являлась органичной частью низовой общинной жизни, наиболее полно и ярко воплощала в себе автономность этой жизни, ее лишь относительную зависимость от власти, от государства. Реформы

---

¹ Ключевский, например, при анализе природы раскола делает акцент на его “народно-психологический” характер (см. *Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988.* С. 270.

² Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 247.

Никона, которые в конечном итоге привели к подчинению церкви государству, огосударствлению религиозного процесса путем его унификации, неизбежно привели к огосударствлению и унификации всех сторон общественной жизни, к разрушению народных основ русской жизни. На смену общинной православной церкви приходит церковь государственная.

Во время раскола государство, российский царь прямо и открыто встают на путь существенного ограничения политической и экономической самостоятельности русской церкви. О том, что эти намерения были очень серьезными, говорит твердая позиция, которую занял на церковном соборе (декабрь 1666 – январь 1667 г.) царь Алексей Михайлович, решительно отклонивший предложение восточных патриархов строить отношения между государством и церковью на основе “премудрой двоицы” (“царь главенствует в делах светских, а патриарх – в делах духовных”) и настоявший на решении о безусловной власти российского монарха во всех общественных сферах. Ликвидация института патриарха Петром I и законодательный акт Павла, провозглашающий императора главой русской православной церкви, – это уже логические и неизбежные следствия перемен, произошедших в период раскола.

Раскол был, действительно, не только религиозным¹, но и политическим и социокультурным сдвигом в русском обществе, знаменующим начало перехода удельной Руси к абсолютистскому государству.

Дониконовская уникальность русской религиозной обрядовой культуры, ее полифония, карнавальность имели своими истоками удельную ав-

---

¹ Истоки раскола вообще, по-видимому, нужно искать не в религиозной сфере. В широких слоях русского общества религия никогда не имела главенствующего значения для повседневной жизни, во всяком случае такого, чтобы стать причиной раскола в “низах” общества и базой для массового социального протеста. Уместно здесь вспомнить один фрагмент из письма Белинского Гоголю (1847 г.). Белинский, допуская, что религиозные чувства определенной части населения нельзя не учитывать, вопрошает: “Прокто русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья борода, брюхаты жеребцы? Попов... По-вашему русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А

тономность, самобытность и самостийность местной жизни, местного общества. Это был как бы низовой, народный уровень удельных порядков, их преломление в повседневной жизни низов общества. С расколом этой строй жизни начинает разрушаться, а значит, подрывается основа, базис всей системы. Раскол переводит в решающую фазу процесс противостояния власти и собственности, монарха и удельной вольности. После этого дело Петра уже было предопределено.

Таким образом, кардинальная трансформация российского общества от властно-собственнического дуализма к авторитарно-абсолютистской системе сначала в середине XVII в. преодолевает первый, социокультурный барьер (происходит переход от самобытной религиозной общинности к унифицированной религиозной системе, к государственной церкви). Затем уже в начале XVIII в. этот процесс находит свое окончательное завершение в политической и социально-экономической сферах (вместо царско-боярского государства и удельности устанавливается абсолютная власть монарха и подконтрольное государству помещное землевладение).

4.3. Геополитический аспект проблемы

Выше мы рассмотрели перераспределение власти и собственности в Российском государстве в XVI–XVIII вв. как процесс внутренних перемен. Но у этих перемен был и международный или геополитический аспект. С.М. Соловьев, оценивая петровские реформы, писал: “История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями как для внут-

---

русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где” (Белинский В.Г. Собрание сочинений: 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 710).

ренной жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории”¹.

Поэтому переход России от удельной системы к абсолютистскому государству имел как бы две плоскости. С одной стороны, создавалась другая, более прочная государственная система, а с другой – одновременно с этим сама эта государственная система получала более высокий статус в мире, в международной или геополитической расстановке сил на мировой арене, и прежде всего в европейском регионе, к которому примыкала Россия своими западными рубежами. Обе стороны процесса как бы дополняли друг друга: сильная власть и централизованное хозяйство создавали хорошие возможности для военных побед (и прежде всего в Северной войне за выход к Балтике), а эти военные победы давали для России неизмеримо более широкие возможности отстаивания своих интересов (особенно торгово-экономических) в сопредельных районах мира.

Петровские реформы включают Россию в систему международных связей, одновременно делая ее не только субъектом этих отношений, но и одним из силовых центров этой системы. С начала XVIII в. для России, по сути дела, пошел новый отсчет времени. Степень ее интеграции в мировую экономическую систему, в мировой рынок с этого момента становится все более достаточной для того, чтобы страна испытывала на себе динамические колебания мирового экономического развития. Но и Россия при этом становится такой частью мировой системы, которая не только подвергается внешним влияниям, но и создает собственный источник социальной динамики, действие которого с необходимостью распространяется и на другие регионы мира. Тем самым на одном из переломных этапов российской истории интересы внутреннего развития и геополитическая стратегия Российского государства сливаются в единое целое.

---

¹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 книгах. Книга IX. М., 1993. С. 525.

В трех основных аспектах (политическом и социально-экономическом, социокультурном, геополитическом) мы рассмотрели сложный и противоречивый процесс преодоления разрыва, расщепления власти и собственности на конкретном периоде российской истории XVI – начала XVIII в. У этого процесса было три стадии: длительный многодесятилетний период до петровских реформ, когда возникла и неуклонно крепла тенденция перераспределения власти и собственности, период острой (хотя иногда и скрытой) политической борьбы; конец XVII – первая четверть XVIII в. – кардинальный и необратимый сдвиг в политических и социально-экономических отношениях, произведенный Петром в период своего царствования, сдвиг, означавший создание абсолютистского режима, в котором верховная власть и собственность (или во всяком случае постоянный государственный контроль над собственностью) сосредоточиваются в одних руках – у российского монарха; и наконец, период послепетровских царствований – 30–50-е гг. XVIII в. – период стабилизации и адаптации нового политического режима, период относительного социально-политического равновесия в российском обществе, созданного Петром. В этом и состоит удивительная особенность данного периода, которую уже давно отметили историки: с одной стороны, слабые монархи, сменяющие друг друга на троне, бесконечные перевороты, заговоры, политические убийства и т.д., а с другой – Россия одерживает целый ряд военных побед, например над Пруссией (для того времени – явный признак благополучия государства). И в этом нет никакого парадокса: слабость и неустойчивость системы была только кажущейся, поверхностной, ибо у нее была

прочная основа, базис – собранные в одних руках, под эгидой монархической власти, основные рычаги управления властью и собственностью.

Мы специально рассмотрели скрытые тенденции и явления в политическом развитии России на одном конкретном отрезке истории – в период петровской системной революции. Этот период, в соответствии с нашими представлениями, является рубежным и во многих отношениях ключевым для понимания и последующего двухвекового гиперцикла и в целом всей социальной динамики России.

А историческая суть этой динамики заключается в том, что после нескольких десятилетий относительной стабилизации в послепетровский период уже в XIX в. начинают проявлять себя с нарастающей тенденцией серьезные разрушительные процессы в основах той системы, которую создал Петр. Связано это было с тем, что постепенно стали появляться помимо дворянской земельной аристократии как политической и социально-экономической опоры монархического режима иные субъекты имущественных отношений, новые владельцы земельной и другой недвижимой собственности, относительно независимые от существующей системы политической власти. Причем толчок для появления и развития таких собственников и такой собственности дают реформы XIX – начала XX в., т.е. мероприятия, проводящиеся по инициативе и под контролем верховных властей.

О каких мероприятиях идет речь? Если рассматривать период Александра I, то здесь мы сталкиваемся главным образом не с реальными акциями, а с проектами реформ, которые нужно рассматривать как реакцию на появляющиеся общественные противоречия. Но вместе с тем именно в преобразовательных проектах этого периода содержалась программа всех последующих реформ. Эта программа имела как бы две главные цели: освобождение крестьян, а значит и изменение всей системы землевладения и

землепользования в России (эта идея была заложена в “Указе о вольных хлебопашцах”) и учреждение всероссийского представительного органа различных сословий (в записках и проектах Сперанского – выборная Государственная дума).

Два периода реформ (1861–1870-е и 1905–1911 гг.) как раз и отмечаются усиленными попытками властей найти формы и способы для реализации этих целей. Но в том-то и заключалось главное противоречие этих реформаций, что существенные сдвиги в социально-экономической области (прежде всего в сфере отношений собственности) не сопровождались адекватными изменениями в сфере властных структур и отношений. А ведь на протяжении более полувека в России происходят процессы постепенного перераспределения собственности от дворянской аристократии в сторону других сословий, а вся полнота политической власти и рычаги управления отношениями собственности в государстве по-прежнему оставались в руках этой узкой и лишающейся своей экономической основы общественной прослойки.

Главной ценностью и опорой власти в России всегда была земля. Так вот в 1905 г. только 50,4 % земли в 50 губерниях Европейской России (395 млн дес.) принадлежали: государственной казне (138 млн дес.), двору (7,8 млн дес.), дворянам (53 млн дес.), а другая половина находилась в руках собственников из других сословий¹.

Аналогичные явления и пропорции складываются и в области финансов. По данным на 1 июля 1898 г., в обращении частных учреждений долгосрочного кредита находилось закладных листов и облигаций на сумму, более чем в 3 раза превышающую соответствующий оборот государственных учреждений. Только десятью акционерными земельными банками к 1 июля 1898 г. выдано ссуд больше, чем всеми государственными

---

¹ Подсчитано по: Малый энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1994. (Репринт. изд. Спб., 1907). С. 1757.

банками¹. Эти частные банки неизменно лидировали и в системе ипотечных учреждений по многим позициям, в том числе и по количеству заложенной земли².

Так, в конце XIX – начале XX в. в России возникает ситуация, когда естественный процесс изменения общественных связей приводит страну в новую критическую фазу, в которой власть и собственность опять начинают противостоять друг другу. Как и в XVI – XVII вв., постепенно создается новый дуализм власти и собственности, который в первое десятилетие XX в. приобретает напряженный, разрушительный характер, что и приводит в конце концов к новой системной революции. Этот новый период нарастания противоречий по аналогии с петровской революцией также можно было проанализировать в разных аспектах – политическом и социально-экономическом, социокультурном, геополитическом (см. таблицу на с. 140), но общий вывод в любом случае будет такой: суть революций 1917 г. (так же как и петровской революции – в этом и основа их схожих характеристик) – новое соединение власти и собственности, произошедшее на основе радикально-коммунистической модели, которую после октября 1917 г. стали в России реализовать большевики.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги.

Конкретно-исторический анализ преобразовательных процессов в истории России показывает, что динамику российского общества определяют не только колебания мировой экономики, но и те или иные фазы развития

---

¹ См.: Россия. Энциклопедический словарь. Лениздат, 1991 (Репринт. изд. Спб., 1898). С. 339–340.

² См.: *Проскуракова Н.А.* Ипотека в России в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 7.

дихотомии “власть – собственность”. Оказывается, что эти две субстанции, фундирующие любой общественный процесс, в России имеют особый, специфический тип взаимосвязи, взаиморазвития. Это позволяет сделать гипотетическое предположение, что именно в этой связке и нужно искать *матрицу* внутринациональной социальной динамики, создающую в свою очередь ее национальный временной ритм. Ряд исследователей склонны, правда, искать эту матрицу в особом статусе государства или государственности в России¹. Но это не совсем точно.

Во-первых, достаточно распространенное утверждение о доминировании государства в общественной системе России на разных этапах ее исторического развития иногда сводится к процессу централизации страны, противостоянию постоянной внешней угрозе, которые невозможно было обеспечить, не прибегая к авторитаризму и абсолютизму. Исторически достоверным является и то обстоятельство, что жесткая власть была более адекватна в России не только в экстремальных, но и в целом нормальных, спокойных условиях. Именно такая власть становилась опорой и основой национальной самодостаточности и идентичности и в политической, и в экономической, и в национально-государственной, и в духовной, и, во всех других общественных сферах. Она обеспечивала стабильность общества, наиболее оптимальное соотношение различных социальных интересов, власти и собственности. Российский авторитаризм был не просто одной из разновидностей существовавшей еще с античных времен формы политической организации, типа власти, а имел глубокие, собственные национальные исторические корни. На этот счет один из забытых русских мыслителей конца XIX в. Р.А. Фадеев сделал очень меткое замечание: “Не русский народ

---

¹ См., например: *Капустин Б.Г.* Россия и Запад на пути к миру миров. (Критика политической философии) // Кентавр. 1993. № 4. С. 41–42.

Сравнительные результаты системных революций

в России

(соотношение “власть – собственность”)

	Период Петра I	1917–1920-е гг.
Политический и социально-экономический аспекты	Установление абсолютистского самодержавного режима и подконтрольной государству хозяйственной системы, в том числе и в земельных отношениях (поземельная система)	Установление большевистской диктатуры и централизованной плановой экономики на основе государственной (“общенародной”) собственности
Социокультурный аспект	Унификация и огосударствление общинной (бытовой и религиозной) народной жизни как скрытая основа процесса подчинения церкви государству	Создание под полным государственным контролем и управлением монистической системы идеологии, культуры и науки; подавление сферы религиозной жизни
Геополитический аспект	Выход на мировую политическую и экономическую арену в качестве равноправного субъекта системы крупнейших мировых держав	Превращение страны в один из ведущих, определяющих субъектов мирового противостояния крупнейших держав (“супердержава”) с усиливающимся доминированием в сферах геополитического интереса

вырастил из себя свою верховную власть, как всегда происходило и происходит в свете, а, напротив, верховная власть создала русское государство и русский народ из распавшегося, уничтоженного и погибающего племени”¹. Если в Европе оптимизация общественных структур и связей достигалась в результате естественноисторического процесса, в результате развития базисных субстанций, то в России те же самые результаты достигались военно-этатистским путем.

Во-вторых, не государство, не верховная власть сами по себе, а их связка, соотношение власти и собственности являются доминантной субстанцией, матрицей российского социума. Постоянная пульсация этой связки между противоречивым дуализмом и равновесием, синтезом и создает для России национальный, внутренний временной ритм, который во многом определяет ход политического процесса.

Данная матрица является основой всех колебаний российского социума и в своем целостном виде обеспечивает и устойчивость российского общества, и его самодостаточность. Как только в экстремальной ситуации данная матрица начинает разрушаться, так сразу же серьезным деформациям начинает подвергаться общественная система России. С нарастающей силой проявляется безвластие и отрицание власти, разваливается экономика, кризисные явления появляются в духовной сфере, ослабляются международные позиции России. Не в последнюю очередь это результат ослабления, затухания национального временного ритма и более сильного в связи с этим воздействия на Россию временных ритмов (“длинных волн”), идущих с Запада, что становится разрушительным фактором для специфического российского социума. Развитие данной негативной тенденции останавливается только восстановлением равновесия и оптимальности искомой матрицы. Такое представление на первый взгляд не согла-

---

¹ *Фадеев Р.А.* Собрание сочинений. Т.3. Ч. 1. Спб., 1889. С. 156.

суется с общепринятым взглядом на мировую историю, на мировой социальный прогресс и противоречит им. Но не случайно Ключевский пришел к следующему заключению: “Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра два века и доселе неразрешенная”¹. Неразрешенной эта загадка остается и почти век спустя после этих слов Ключевского. Да и может ли она вообще быть разрешена?

Отсюда следует, что детерминация и механизм динамики российского политического процесса определяются по меньшей мере двумя основными потоками временных ритмов: *внешним*, формирующимся в недрах социально-экономических отношений Запада, и *внутренним*, исток которого в национальной дихотомии “власть – собственность”. Ритмы эти сосуществуют в едином пространственно-временном континууме, но в силу их колебательной природы (периоды спада с необходимостью чередуются с периодами подъема), а также из-за разных динамических характеристик (темп, амплитуда и т.д.) пересечение этих ритмов, особенно образование больших узлов, сгустков, происходит не равномерно, а только на определенных исторических интервалах.

Данная сложная картина временных ритмов в самом общем виде (как гипотетическая модель) объясняет динамику российских революций и периодов реформ и контрреформ. Более конкретные пояснения эта модель получает при анализе специфики переходных ситуаций в России.

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 203.

§ 5. Временная ритмика и специфика переходных политических процессов в России

Российский политический процесс – это сплошная цепь реформ и контрреформ, а значит и постоянных общественных переходов от старого состояния к новому, а потом опять возвратное движение. После петровских реформ страна находится в состоянии постоянных изменений, сложных диффузий и т.д., хотя в некоторых популярных изданиях дореволюционная отечественная история часто подается в терминах архаичности, отсталости, застоя.

Однако, несмотря на перманентный характер переходных ситуаций в российской истории, они не стали еще в научных исследованиях объектом специального научного анализа, а, напротив, трактуются, как правило, в метафорически-публицистической манере.

Даже у наиболее крупных отечественных историков, рассматривающих русскую историю не в чисто описательном плане, а на основе определенной концепции исторического процесса, мы встречаем по преимуществу условные употребления понятия “переходность”.

Приведем два примера. Ключевский с “переходными временами” связывает отдельные века, и тем самым само явление (и понятие) переходности становится у него неопределенно растянутым на столетия, на эпохи. Задачу этих протяженных периодов Ключевский видит в следующем: “Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего”¹.

Другой крупнейший историк дореволюционной школы, Н.П. Павлов-Сильванский, в качестве переходных выделяет уже более кратковременные исторические периоды (“несколько десятилетий”), но к таковым

---

¹ Там же. С. 351.

относит не сами переломные события и процессы, а периоды накопления соответствующих предпосылок для этих процессов. Так, он фактически отказывает в “переходности” петровским реформам, высказывая при этом весьма спорную мысль о том, что “петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад”¹, зато переходным этот историк считает XVI в. и конкретно опричнину Ивана Грозного². Такие оценки приводят Павлова-Сильванского к выводу о том, что современная эпоха (конец XIX – начало XX в.) является переходной, а ключевым событием в ней становится освобождение крестьян в 1861 г., “разрушившее, – по его мнению, – устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма”, что скоро и неизбежно, по прогнозу Павлова-Сильванского, должно закончиться “образованием нового свободного гражданского порядка”³. На самом деле все закончилось, как известно, не этим, а установлением диктатуры пролетариата. Социальный прогноз российского ученого не удался прежде всего потому, что сама переходная эпоха была им определена умозрительно, методом выделения выдающихся событий, а не на основе выявления и анализа механизма социальной динамики, качественного различения длительных и не всегда определенных по времени периодов накопления предпосылок, условий для общественных сдвигов и периодов самих этих сдвигов.

В приведенных выше двух примерах из классики исторической науки отсутствуют научный критерий переходности, методика различения переходных и непереходных периодов и процессов в развитии общества, методика анализа самого исторического и общественного феномена перехода

---

¹ Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в России*. М., 1988. С. 147.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 149.

одного, старого социального порядка к новому, иному социальному порядку.

Размытость научных интерпретаций переходных процессов в России проявляется во многих исследованиях и в том, что преобразования Петра ставятся в один ряд с реформами XIX в. В качестве общего основания для этих общественных изменений выдвигается то, что все они были преобразованиями или революциями “сверху”. Но такое обобщение не верно ни по фактам, ни по существу происходящего. Преобразования Петра не столько были подчинены какому-то верховному замыслу и однозначно управлялись “сверху”, сколько подчинялись неведомому властям стихийному потоку, тогда как реформы XIX в., например 60–70-х г., наоборот, были фактически лишены какой-либо импровизации и случайности. Да и вообще исходить из того, что все общественные изменения возможны только как действие “сверху”, что государственная власть в России или каком-либо другом государстве настолько всесильна, что способна на любые социальные и политические изменения, по меньшей мере, наивно.

Думается, что многие перемены, происходящие в России в последние века, если внешне и похожи (в любом случае это период нововведений), то по существу различны. У них разная детерминационная база.

Если системные революции вызываются одновременными кардинальными сдвигами в общественных связях как в ядре мирового сообщества, так и в самой России, что приводит к совмещению различных по своей детерминации и природе временных ритмов, образованию мощных ритмических узлов, то периоды реформ совпадают с обычным, неплотным пересечением этих ритмов, интенсивность которых недостаточна для резких социальных сдвигов. В период революций происходит синтез различных потоков социального времени, и в эти уникальные отрезки истории как бы возникают *иное время* и *иная социальная реальность*, гораздо более

сложные по своей природе, чем просто сложение линейного и циклического времени. Так, например, многие очевидцы и исследователи революционных событий не раз отмечали, что в период революционных потрясений время как бы ускоряет свой бег, за считанные месяцы происходит столько событий, переворотов и кардинальных перемен, сколько их не случается и за десятилетия спокойного, мирного развития.

Подтверждением того, что в период российских системных революций происходило некое совмещение различных временных ритмов, берущих свое начало как вне России, так и внутри нее, являются конкретные исторические факты и наблюдения.

Кондратьев и его последователи отмечали, что наиболее серьезные изменения в базовых отношениях мировой экономики приходятся на рубеж столетий, именно в эти периоды зарождается мощная повышательная волна мировой конъюнктуры и сильный временной импульс. Сравним же два таких переломных периода в мировой истории. На рубеже XVIII–XIX вв. на Западе, и прежде всего в Англии, происходит промышленная революция, а в ходе ее – кардинальные изменения в общественных отношениях. С изобретением парового двигателя и внедрением его в производство качественно изменяется структура промышленности и вся мировая экономика. Рубеж XIX–XX вв. – это время новой промышленной революции, связанной уже с заменой парового двигателя на электрический и развитием на этой базе автомобилестроения, станкостроения и других принципиально новых отраслей промышленности. Все это также приводит к глобальным переменам в социальных отношениях.

Два сопоставимых по своей глубине и масштабам социально-экономических сдвига в мировой экономике вызвали тем не менее не сопоставимые друг с другом перемены в России. Если во втором случае (рубеж XIX–XX вв.) в России происходит революционная смена обществен-

ной системы, то в первом (рубеж XVIII–XIX вв.) в основном возникают идеи и проекты преобразований, реальные же перемены очень незначительны. Причина таких отличий в одном - динамические изменения, их активная фаза в мировой экономике не сопровождалась в конце XVIII – начале XIX вв. соответствующим всплеском национального временного ритма, поскольку созданная Петром модель соотношения власти и собственности была в то время еще достаточно стабильна и жизнеспособна.

Что же касается рубежа XVII–XVIII вв. – кануна и эпохи петровских преобразований, то идентификация длинной волны мировой конъюнктуры представляет определенные сложности. Этот период находится за рамками кондратьевской модели, так как в ней длинные волны строятся только с конца XVIII в. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в XVI–XVII вв. базисные (матричные) связи промышленного капитализма еще только формируются, их действия не имеют еще достаточной силы и устойчивого циклического ритма.

Вместе с тем в целом циклическо-волнообразный характер экономических и политических процессов проявляется и до XVIII в.¹ Вторая половина XVII в. – период переломный для развития передовых стран. В результате великих географических открытий и включения в сферу досягаемости морскими державами Европы сырьевой периферии мира экономика развитых стран переходит от аграрной в торговую фазу. Фактически в этот период и происходит формирование основных связей мирового рынка, а значит и базисных отношений конъюнктурных процессов. Одновременно с этим фундаментальные открытия в различных областях науки (в их числе законы Ньютона) приводят к коренному перевороту во взглядах на картину мира, на развитие природы и общества.

---

¹ См.: Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993. С. 63–88.

Влияние циклических процессов, которые происходят в то время в наиболее развитой зоне мира, на Россию было прямо пропорциональным ее включенности в мировую экономическую и политическую систему. Эта включенность существенно усилилась в ходе петровских преобразований по мере расширения торговых отношений России с Западом, внедрения в российскую промышленность технологических и технических достижений Запада. Образно говоря, через “окно в Европу”, которое Петр настойчиво прорубал в начале XVIII в., в Россию и хлынул поток длинных волн мировой экономики, столкнувшийся с мощным всплеском национального русского временного ритма. Позднее, в XVIII–XIX вв., система взаимодействия экономических и политических процессов на Западе и в России принимает свою оптимальную форму. Влияние динамических процессов Запада и России становится уже двухсторонним. Так, например, системные революции в России являются достоверным показателем того, что кардинальные сдвиги происходят или уже произошли в мировой экономике, в зоне наиболее развитых стран. Россия в этом смысле является как бы индикатором общемировых изменений. С другой стороны, всплеск национального временного ритма, возникающий в России в период критической фазы развития дихотомии “власть – собственность”, распространяется далеко за ее пределами. Особенно сильное влияние этот временной ритм оказывает на небольшие государства, непосредственно примыкающие к России и входящие тем самым в зону ее важнейших геополитических интересов. В этом случае перемены в России неизбежно вызывают перемены и в этих странах¹.

---

¹ См. подробнее: *Мощелков Е.Н.* Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 134–140.

Характерные особенности переходных процессов в России, специфика ее социальной динамики находят свое развитие и в эпоху современных преобразований.

Глава 3

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС

Подлинное значение тех или иных политических событий для дальнейшего развития мировой истории обычно становится понятным по прошествии определенного времени. Но это не означает, что многие непосредственные участники и наблюдатели этих событий не предпринимают попыток вскрыть суть происходящего сразу же, по “горячим следам”. Не стали исключением и переходные процессы в СССР и странах Восточной Европы (в мировой социалистической системе) на рубеже 80–90-х гг. Более того, эти перемены вызвали беспрецедентный интерес в различных политических и интеллектуальных кругах во всем мире. В настоящее время перемены в данном регионе постоянно обсуждаются на международных форумах, дискутируются на научных симпозиумах и конференциях, не сходят со страниц научных журналов во многих странах. Не в последнюю очередь этот интерес обусловлен и тем, что реальный исторический процесс, общественная практика превзошли самые смелые прогнозы ученых и политиков, самые радикальные планы оппозиции, самые мрачные предчувствия и предположения властвующей элиты. В реальности государства бывшего СССР и Восточной Европы столкнулись с такими проблемами, о которых заранее никто не мог и предположить.

Перемены в бывших социалистических странах стали суровым испытанием для гуманитарных наук, специализирующихся на интерпретации и

прогнозировании общественных процессов в современном мире, заставили радикально пересматривать понятийный аппарат и методологию научного исследования. Этот сложный и болезненный процесс продолжается и по сей день.

В отечественном обществознании этот процесс научного поиска выразился в появлении нескольких существенно отличных друг от друга концептуальных и методологических подходов в интерпретации современных общественных преобразований.

§1. Концептуальные модели интерпретации современных перемен в России (отечественные дискуссии)

Существует несколько моделей интерпретации современных перемен в России. Конечно, выделение этих моделей может быть только условным, поскольку в реальных научных и тем более политических дискуссиях происходит смешение понятий и концептуальных положений. Вместе с тем важен анализ сущности принципиально отличных друг от друга теоретических подходов, не только позволяющий увидеть идейный спектр отечественной политической мысли, но и помогающий лучше понять истоки, тенденции и цели современных преобразовательных процессов.

Первый подход исходит из марксовской формационной системы антиномичных понятий “капитализм” – “социализм”. Оставаясь в рамках этой системы, сторонники различных, иногда даже противоположных, идеологических ориентаций сходятся в едином мнении: в восточноевропейских странах, а также в ряде республик бывшего СССР (особенно в России) осуществляется переход от социализма к капитализму. Ключевыми поня-

тиями в этом подходе являются понятия “постсоциализм” или “посткоммунизм”.

Казалось бы, данный вывод отражает суть происходящего: в указанных странах действительно к настоящему времени произошел демонтаж политических и социально-экономических структур, которые традиционно признавались социалистическими – политическая и идеологическая монополия компартии, плановая директивная экономика, и на их месте сформировались новые общественные структуры, считающиеся капиталистическими, буржуазными – парламентская многопартийная демократия, рыночное хозяйство. Но более внимательный анализ обнаруживает в этом выводе и достаточно слабые места. Основные трудности возникают с определением реального общества, которое существовало на протяжении нескольких десятилетий в бывшем СССР и странах Восточной Европы, с одной стороны, и в развитых западных странах – с другой. Ни то ни другое однозначно не подходит под классические определения “капитализм” и “социализм”. Да и само длительное противостояние “социалистической” и “капиталистической” систем в XX в. противоречит марксову представлению о коммунизме (социализме) как посткапитализме, т.е. как о такой мировой общественной системе, которая естественноисторическим путем должна была сформироваться на базе (и вместо) мировой капиталистической системы, мирового капиталистического рынка.

В результате такого произвольного применения опорных понятий формационной теории Маркса (созданной на основе анализа социальных процессов второй половины XIX в.) к интерпретации социальной действительности конца XX в. исследователи попадали в “формационную ловушку”, которая не только не позволяла прояснить суть вещей, а, наоборот, затрудняла этот поиск.

Попытки как-то преодолеть эту “ловушку” предпринимались в ходе развернувшейся в 1987 г. в научных и публицистических журналах дискуссии под обобщенным названием “Теория Маркса и практика реального социализма”.

Первоначально, в конце 1987 – начале 1988 г., в научной публицистике стала формироваться достаточно определенная позиция, в соответствии с которой общество, построенное в СССР, считалось не соответствующим научным предсказаниям и представлениям основоположников марксизма, поскольку в ходе социалистического строительства в результате политики Сталина произошло отступление от принципов истинного социализма, что привело к общественным деформациям и кризисам.

Всякий, кто знаком с советской политической историей 80-х гг., заметит, что данная позиция достаточно четко коррелировала с официальной политической линией того периода, которая обновление социализма, формирование нового облика социализма связывала прежде всего с возвратом к классическим представлениям Маркса и Ленина о социалистическом обществе, с теоретическим и практическим восстановлением ленинской концепции социалистического строительства¹.

В научно-публицистическом варианте данный вывод имел в то время как бы две взаимосвязанные линии трактовки.

Первая обосновывала этот вывод как бы опосредованно, через идею альтернативности, вариантности исторического процесса. На основе исторических материалов 20–30-х гг. (в том числе забытых или до этого изъятых из широкого обращения) показывалось, что у Советской России в тот период существовала возможность другого, альтернативного сталинскому, гуманного и демократического пути социалистического строительства.

---

¹ См.: Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 31; Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 86.

Данная идея с различных сторон анализировалась и обосновывалась в работах Л. Гордона и Э. Клопова, А. Бутенко, В. Селюнина, О. Лациса¹, а также в появившихся впервые в советских изданиях статьях американского исследователя биографии и научного наследия Н. Бухарина С. Коэна².

Опосредованность данного подхода состояла в том, что “иной путь” социалистического развития России не связывался прямо с классическим теоретическим наследием, а соотносился прежде всего с деятельностью группы Бухарина, с практикой нэпа и т.п.³

Вторая линия начавшейся дискуссии, которая сначала разворачивалась в рамках единой позиции противопоставления истинной марксистской теории социализма и негативной сталинской практики социалистического строительства, была связана с обоснованием искомого тезиса уже прямо, непосредственно.

Весной 1988 г. в одной из своих статей философ М. Капустин открыто сформулировал вопросы, которые в скрытой форме содержались в целом ряде литературных и исторических публикаций: “Теперь мы подошли, – пишет он, – пожалуй, к главному, политически принципиальному вопросу: имеет ли сталинизм истинное, действительное отношение к марксизму и социализму? Можно ли признать сталинский режим социалистическим, и если да, то что это за социализм?”⁴ По мнению М. Капустина, непосредственный анализ этих вопросов актуален прежде всего потому, что “вокруг

---

¹ См.: Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые-сороковые // Знание – сила. 1988. № 2–5; Бутенко А. Как подойти к научному пониманию истории советского общества // Наука и жизнь. 1988. № 4; Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5; Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6.

² См.: Коэн С. Нэповская альтернатива // Наука и жизнь. 1988. № 10; Он же. Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. 1989. № 1.

³ Необходимо отметить, что была и другая точка зрения, в соответствии с которой сталинский вариант социалистического строительства признавался исторически “предопределенным” и неизбежным. См.: Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11; Он же. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10.

⁴ Капустин М.П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4. С. 188.

этой проблематики сохраняется заговор молчания”, “все еще не прошел тотальный страх”¹.

Отталкиваясь от этой посылки, М. Капустин анализирует различные повороты советской истории и в конечном итоге приходит к выводу, что социализм, построенный в СССР, есть не что иное, как грубо-уравнительный, казарменный коммунизм, который не только не соответствует марксовым представлениям о будущем обществе, а, наоборот, подвергается со стороны К. Маркса резкой критике в “Экономическо-философских рукописях”, а также в работах, посвященных борьбе с бакунизмом.

Выход М. Капустина на принципиальные вопросы не был, конечно, случайным или неожиданным результатом частного научного поиска. Напротив. Именно к этому времени в советской научной периодике все чаще стали предприниматься попытки осознания сущности социализма, его социально-экономической природы через соотнесение реальных структур советского общества с концептуальными представлениями о социализме основоположников марксизма-ленинизма².

Разумеется, все эти научные изыскания были обращены не столько в прошлое, где они черпали фактологический материал, сколько в будущее, ибо именно в это время на передний план общественной жизни выходил вопрос о необходимости проведения радикальной экономической реформы, в результате которой удалось бы совместить современные рыночные регуляторы экономики и социалистические принципы общественного устройства.

---

¹ Там же.

² См., например, доклад Ф.М. Бурлацкого “Проблемы разработки концепции современного социализма” и его обсуждение на специальном семинаре в апреле 1987 г. (А.П. Бутенко, Е.А. Амбарцумов, А.С. Ципко, В.Т. Логинов, Л.А. Гордон, Н.А. Симония и др.) (Вопросы философии. 1988. № 11).

В качестве своеобразного концептуального аргумента для обоснования возможности такого совмещения (рынка и социализма) был использован тезис о “двух концепциях социализма” В.И. Ленина. Суть этого тезиса впервые изложил В. Киселев¹. По его мнению, конкретная ситуация в Советской России, и в частности политика “военного коммунизма”, в которой он усматривает не только результат гражданской войны, но и попытку большевиков реализовать в России классическую теорию Маркса, “заставила Ленина отойти от классической концепции социализма Маркса и Энгельса ... введя в модель социализма закон стоимости и государство” и таким образом возводя “товарно-денежные отношения в ранг общественного элемента концепции социализма”². Тем самым в неявной форме проводилась мысль не только об объективной нереализуемости в условиях Советской России 20-х гг. классических представлений Маркса о социализме, но и о выработке Лениным в последние годы жизни новых концептуальных положений о социализме.

Но, несмотря на заманчивую перспективу при помощи данной концепции подвести под современную реформу советской экономики серьезный фундамент в виде ленинского теоретического наследия, для многих исследователей показалась неубедительной как сама трактовка взглядов Ленина, так и эволюция представлений о социализме от Маркса к Ленину³.

Итак, поставленный М. Капустиным главный вопрос – отношение реальной практики социалистического строительства к марксовской теории социализма и коммунизма – не только не снимался, а, наоборот, обострялся, становился более злободневным.

---

¹ См.: *Киселев В.* Возвращаясь к ленинским принципам // *Московская правда.* 1988. 9 февраля. Развернутый вариант данной статьи позднее был опубликован в сборнике “Иного не дано” (М., 1988. С. 354–369).

² Там же.

³ См.: *Мелентьев А.* Тезис о “двух Лениных”: в чем смысл? // *Экономические науки.* 1989. № 1.

Именно это обстоятельство и обусловило появление в конце 1988 г. одновременно в двух журналах статей Г. Лисичкина и А. Ципко¹, которые не только предприняли попытку дать развернутый и аргументированный ответ на искомый вопрос, но и сделали это с диаметрально противоположных позиций.

Г. Лисичкин:

Вопросы: “Может ли Маркс, марксизм нести ответственность за деятельность Сталина? Или... насколько вообще правомерно Сталина называть марксистом?”²

Ответы: “Если мерить сталинский социализм метром научного социализма, то... не представляет особого труда рассмотреть, что эти два понятия не только не совпадают, но и диаметрально противоположны... Только теперь мы всерьез заговорили об изменении нашего видения социализма, о возвращении к тому пути, указанному Марксом, Энгельсом, Лениным, с которого давно сбились”³.

А. Ципко:

Вопросы: “Каковы доктринальные причины наших неудач в социалистическом строительстве” или “доктринальные причины деформаций социализма?” “...Возможно ли построить неказарменный, демократический социализм на нетоварном, безрыночном фундаменте?”, т.е. исходя из теории Маркса и Энгельса¹.

Ответы: “Представления Сталина о социализме, о его первоочередных задачах не могли существенно отличаться от того, что мыслили и думали об этом другие марксисты его эпохи, ибо в основе этих представле-

---

¹ Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11; Ципко А. Истоки сталинизма. Очерк 1. О зонах, закрытых для мысли // Наука и жизнь. 1988. № 11.

² Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 164.

³ Там же. С. 187.

ний лежали одни и те же социальные и философские идеи”². Из дальнейшего изложения однозначно вытекает, что под этими идеями Ципко подразумевает прежде всего коммунистическую модель Маркса, в основе которой лежал прямой продуктообмен и абсолютное директивное планирование сверху³.

Впоследствии тезис А. Ципко о марксизме как доктринальном источнике и причине сталинизма получил дальнейшее обоснование и еще большую радикализацию. Это выразилось прежде всего в двух моментах: во-первых, А. Ципко приходит к выводу о наличии в марксистском учении кардинального противоречия между материалистическим пониманием общественного развития как естественно-исторического процесса и идеалистическим, на его взгляд, тезисом Маркса о необходимости коммунистической революции как волюнтаристском, насильственном действии, творящем новые общественные условия⁴. И во-вторых, А. Ципко признает устаревшими, не выдержавшими испытание временем “исходные философские основы мировоззрения Маркса, его представления о прогрессе”, делает вывод, что “учение Маркса и Энгельса нельзя назвать даже научной гипотезой”, ибо в ее основе лежат ложные посылки⁵.

И таким образом, к весне 1990 г. взгляды А. Ципко оформляются уже в достаточно определенную концепцию абсолютного отрицания как научной ценности марксистской теории, прежде всего в силу ложности и противоречивости ее исходных посылок, так и гуманности этой теории в силу того, что ее реализация неизбежно приводит, по мнению А. Ципко, к общественным деформациям и массовому насилию.

---

¹ Ципко А. Истоки сталинизма. Очерк 1. О зонах, закрытых для мысли // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 46, 48, 49.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 53.

⁴ Ципко А. Противоречия учения Карла Маркса // Вестн. Моск. уни-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1990. № 2. С. 77–79.

⁵ Ципко А. Нужен ли еще один эксперимент? // Родина. 1990. № 2. С. 20; № 3. С. 62.

Поэтому не случайно позиция А.Ципко объективно стала осевой линией дискуссии, развернувшейся в 1989–1990 гг. Полемике с этой позицией были посвящены не только отдельные выступления, но и специальные “круглые столы” и обсуждения¹. Тем самым было положено начало дискуссии, в рамках которой в последующие годы появился целый ряд нестандартных, глубоких интерпретаций теоретического наследия Маркса и Энгельса, разнообразных точек зрения по проблемам марксизма и социализма².

Несмотря на существенное, иногда принципиальное расхождение мнений и выводов, которые высказывали участники этой дискуссии, их объединяло то, что они не выходили за рамки формационной логики и строили свои суждения на необходимой смысловой связке марксизма (марксовой теории социализма) и реального социалистического (или псевдосоциалистического) общества, существующего в СССР и ряде других стран. Из этой связки делалось только два противоположных вывода. В соответствии с одним “реальный социализм” оказался “пло-хим”, не социализмом, псевдосоциализмом, потому что не правильно реализовали на практике в целом “правильную” теорию Маркса³. Поэтому, в соответствии с этой позицией, переходные процессы связывались, прежде всего, с обновлением социализма, проведением практической политики на основе аутентичного марксизма.

---

¹ См.: Осмысливая уроки прошлого (теоретический семинар на философском факультете МГУ) // Вестн. Моск. уни-а. Серия 12. Теория научного коммунизма. 1989. № 6.

² См. подробно: *Мощелков Е.Н.* Современные дискуссии о коммунистической теории К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1991.

³ Некоторые авторы стали вообще избегать употребления термина “социализм”, применительно к общественным порядкам в СССР и отдавали предпочтение нейтральным, на их взгляд, терминам “командно-административная система” или просто “административная система”. Но при более подробном анализе становилось ясно, что тем не менее речь идет о “плохом”, “извращенном” в силу тех или иных обстоятельств социализме. См.: *Королев С.А.* Административно-командная система: генезис и эволюция// Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 106–132; *Понов Г.Х.* Блеск и нищета административной системы. М., 1990. С. 182–204; и др.

Другой вывод заключался в следующем: “плохой” социализм – это неизбежный и закономерный результат реализации “неправильной” теории Маркса. В ней изначально были заложены такие постулаты и общественные ориентиры, воплощение которых на практике в любом случае привело бы к негативным результатам. Поэтому необходим возврат на правильную дорогу, с которой Россия, в частности, сбилась, сошла из-за реализации этой “плохой” теории.

Наряду с “формационной” в дискуссиях отечественных ученых выкристаллизовывалась и *другая (вторая) концептуальная модель* интерпретации сложных и противоречивых процессов, которые разворачивались в СССР на рубеже 80–90-х гг.

Исходной для данной модели была идея о том, что сущностью существовавшего в СССР так называемого “реального социализма”– общества, с любых точек зрения не соответствующего теоретическим представлениям основоположников социалистической доктрины, является тоталитаризм; и значит, в современных условиях осуществляется не что иное, как переход от тоталитарного общества к посттоталитарному, демократическому обществу, т.е. происходит *посттоталитарный переход*.

Дискуссия на эту тему развернулась в нашей стране в 1989 г.¹ В ней, в отличие от первой, рассмотренной нами выше, – назовем ее условно “дискуссия о постсоциализме” – просматривалась попытка рассмотреть социально-политическую историю России (СССР) после октября 1917 г. в контексте мирового развития в XX в., понять причины появления и природу антидемократических порядков в нашей стране, их влияние на социальную структуру общества, на менталитет, психологию населения и т.д.

---

¹ Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна (сборник статей). М., 1989; Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

Разумеется, данная дискуссия не могла не учитывать огромную литературу о тоталитаризме, которая ранее выходила на Западе и всегда вызывала (особенно после опубликования в 1944 г. работы Ф. Хайека “Дорога к рабству”¹) горячие споры в зарубежных научных и политических кругах. А. Кара-Мурза в предисловии к сборнику “Тота-литаризм как исторический феномен” выразил даже опасение в том, что в связи со многими (существовавшими еще тогда) идеологическими, языковыми и др. барьерами между отечественными и зарубежными исследованиями, в частности, по проблемам тоталитаризма существует “постоянный риск переоткрытия и переформулирования вещей, ставших в контексте накопленного в мировой литературе опыта обыденными, если не тривиальными”². Конечно, такие опасения имели основания, но, как у всякого явления, у этого также были слабые и сильные стороны. “Переоткрытие” тоталитаризма оказалось на практике не только повторением уже известного на Западе, но и стимулировало появление целого ряда оригинальных идей. В немалой степени этому способствовало то, что советские ученые оказались в то время (1989 г.) в иной, чем их западные коллеги, системе социально-политических координат. Если, например, Х. Аренд, З. Бжезинский, К. Фридрих³ и ряд других теоретиков тоталитаризма выступали в основном в роли научных интерпретаторов уже произошедших посттоталитарных переходов (например, в Германии) или разрабатывали прогностические модели развития советского тоталитаризма, но в любом случае находились в стороне от реальных процессов и мало влияли на их ход, то отечественные ученые на рубеже 80–90-х гг. почувствовали себя непосредственными участниками развора-

---

¹ См. первый русский перевод (Вопросы философии. 1990. № 10–12).

² Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 6.

³ *Arend H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1966* (первое издание – в 1951 г.); *Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, 1956.*

чивающихся преобразований, поверили в то, что их голос будет весомым для разработки практических программ.

Разумеется, важнейшим как с теоретической, так и с практической точки зрения вопросом в рамках дискуссии о посттоталитаризме был следующий: *как, какими путями и способами* можно преобразовать, трансформировать тоталитарное общество, которое уже несколько десятилетий существовало в СССР, в демократическое общество, как осуществить переход от тоталитаризма к демократии?

Наиболее оригинальная модель такого перехода была предложена А.М. Миграняном. По его мнению, данный переход должен быть осуществлен при сохранении авторитарной власти, “при которой на этом этапе допускалась бы ограниченная или управляемая демократия”¹ “...Авторитарная власть должна заниматься в этот период созданием демократического политического механизма, вовлекая в него представителей различных институтов гражданского общества, постепенно предоставляя им права и полномочия, но сохраняя за собой роль арбитра и корректора”².

Данная модель, как разъясняет сам А. Мигранян, основывается на следующих постулатах: 1) в СССР существовал так называемый “идеально”-тоталитарный режим”, отличающийся большей жестокостью общественной централизации, чем некоторые тоталитарно-авторитарные (по терминологии Миграняна) режимы (например, в фашистской Германии); 2) историческая практика не знает ни одного примера “мирного врасставания тоталитарной политической системы в демократическую, перехода к демократии от тоталитаризма путем “революции сверху”, тогда как, наоборот, есть исторический опыт перехода от авторитаризма к демократии (Ис-

---

¹ Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна (Сборник статей). С. 13.

² Там же. С. 14. Необходимо отметить, что данная идея А. Миграняна сразу же стала не только предметом научных споров среди специалистов, но и темой массовых периодических изданий (Литературная газета. 1989. № 33, 42, 52; Новое время. 1989. № 38, 47).

пания, Греция, Португалия); 3) есть все основания использовать этот исторический опыт в нашей стране, осуществив сначала переход от тоталитаризма к авторитаризму, а уже потом от авторитаризма к демократии ¹.

Не трудно заметить, что все эти постулаты сходятся в одном исходном пункте – допущении принципиальной сопоставимости, аналогичности природы советской системы и тех недемократических общественных режимов, которые существовали в ряде стран Европы в XX в.

Критика данной модели переходного посттоталитарного процесса выявила не только ее собственные слабые места, но и существенные и даже концептуальные недостатки посттоталитарного подхода как такового.

Во-первых, принципиальная разница обнаруживалась в исторических условиях и истоках появления недемократических режимов в различных странах, а значит и в их идентификации в контексте национальных историй. Если в Европе (например, в Германии) тоталитарный (национал-социалистский) режим являлся относительно непродолжительным по времени (12 лет) перерывом в процессе предшествующего демократического развития страны, то в России диктатура пролетариата, появившаяся в 1917 г., фактически сразу же (не считая восьмимесячного “демократического” хаоса) сменила авторитарно-монархический режим с многовековой историей.

О.Ю. Ярцева, например, считает, что если понятие “тоталитаризм” как отклонение от нормы, “болезнь общества” последовательно применять к анализу русской истории, то точка “перелома” российского общества от “нормы” к “болезни” “будет постепенно отодвигаться в глубины русской

---

¹ Социализм и демократия. С. 13–14. Этим, по-видимому, объясняется и появление позднее ряда специальных материалов по анализу соответствующего исторического опыта Германии. См., например: *Арнольд Ф.* Предпосылки одного преобразования. “Экономическое чудо Людвиг Эрхарда” // Диалог. 1991. № 8. С. 59–71, а также перевод на русский трудов самого Л. Эрхарда: *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. М., 1991.

истории”, и в конце концов всю эту историю надо будет признать “патологией”¹.

Во-вторых, если признать общественный строй в СССР однозначно тоталитарным и даже “идеально”-тоталитарным, то не понятно, как будет осуществляться в реальных условиях перестройка, “ослабление” тоталитаризма и постепенная его трансформация в авторитаризм. “Какие реальные связи и отношения, – задает, например, прямой вопрос А.Ф. Елыманов, – выступают в качестве живой социальной “субстанции” этого процесса, несущего в себе новое по сравнению с тоталитаризмом измерение политической жизни?”². Другой же оппонент Миграняна, А.В.Фадин, вообще считает, что реализация проекта “либерально-авторитарной трансформации” может завести в “историческую ловушку”, так как свободное развитие низовых социальных слоев (“внеаппаратный союзник”) неизбежно ведет к эрозии монополии власти, без чего не может существовать этакратия³. М.А. Чешков же из собственного анализа социально-политической ситуации в СССР делает следующий вывод: “Возникновение элементов авторитаризма есть переходность внутри структуры сталинского тоталитаризма”⁴.

Таким образом, искомая формула “от тоталитаризма к демократии через авторитаризм”, принятая Миграняном в качестве модели практического развития страны, повисла в воздухе: ее основные, опорные понятия и постулаты не находили “почвы” в реальных условиях советского общества. В рамках посттоталитарной логики существовало и еще одно положение, которое наиболее рельефно показывало умозрительность ее конструкции. И.М. Клямкин, обобщая многие критические высказывания по поводу идеи переходного авторитаризма, делает интересное заключение о том, что эта

---

¹ Тоталитаризм как исторический феномен. С. 54.

² Социализм и демократия. С. 93.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 90.

критика имеет не научную, а морально-психологическую основу. “Эта идея, – по его мнению, – смущает, так как она выглядит противоречащей демократическим убеждениям тех, кто дорожит их чистотой и опасается запятнать их сомнительными компромиссами”¹. Резко отмежевываясь от социализма и псевдомарксистского догматизма, оппозиционная интеллигенция периода советской перестройки тем не менее оставалась в плену догматического мышления, что и проявлялось в безоговорочной приверженности идее безальтернативности и самоценности демократии как конечной цели всякого общественного развития².

При этом необходимо иметь в виду, что рассмотренные выше два постулата посттоталитарного подхода в советских исследованиях (применимость западного опыта переходных периодов и самоценность демократии как цели переходных процессов) являются важнейшими исходными установками многочисленных моделей трансформации плановой экономики в рыночную, однопартийной системы в плюралистическую, которые уже давно разрабатываются в исследовательских центрах Запада. Они являются и основными идеологемами, определяющими восприятие обычными людьми (не только учеными) на Западе процессов, происходящих в бывших социалистических странах¹, но остается только удивляться, как быстро и поразительно легко эти идеологемы овладели умами либеральной интеллигенции в нашей стране и даже в значительной степени стали идеологическим фундаментом для радикальной реформы в России после декабря 1991 г.

Выше мы рассмотрели сущность двух концептуальных подходов к интерпретации переходных процессов в СССР в конце 80-х – начале 90-х

---

¹ Там же. С. 240.

² Самый яркий пример этого “догматизма наоборот” манифест оппозиционной советской интеллигенции, названный “Иного не дано” (1988 г.).

гг.: “посткоммунистическая” и “посттоталитарная” модели. Позже накал дискуссии в рамках этих подходов заметно ослабевает, хотя, разумеется, научное обсуждение проблемы с использованием данного категориального аппарата продолжается (и не без рациональных результатов) и по сей день¹. Основная причина заключается в том, что в научный спор вмешался реальный политический процесс. Начиная с 1991 г. страна вступает в полосу острого противоборства различных политических сил, бурных и даже трагических социальных катаклизмов. Реальные события сводят на нет многие научные споры, выводы, концепции. Россия опять не уместается в прокрустово ложе “классической” науки, мирового опыта и т.д.

Но существовал и еще один (*третий*) подход, который сумел пережить данные катаклизмы, впитать в себя некоторые ценные идеи “постсоциалистических” и “посттоталитарных” концепций, одновременно выдвинув целый ряд оригинальных проектов преобразования России.

Один из таких проектов, предложенный в 1992 г. группой авторов, в своей основе имел идею модернизации как наиболее распространенного типа прогрессирующих социальных изменений.

Модернизационная модель включает в себя следующие концептуальные положения:

1. Мировое историческое развитие рассматривается как процесс последовательной смены трех макроформаций – первичной, или архаической, вторичной, или экономической, и третичной, или постэкономической. Первичную формацию авторы данной модели относят к древней истории человечества, вторичную связывают с существованием классовых обществ, начиная с античного и до капиталистического, третич-

---

¹ Данный вывод строится автором как на основе изучения целого ряда обобщающих западных исследований по рассматриваемой проблеме, так и на основе личного опыта многочисленных встреч и дискуссий с сотрудниками и преподавателями Тюбингенского университета (Германия) в 1993–1996 гг.

ную – с будущим человечества, к которому наиболее развитые страны уже начали свой переход².

2. Дается такое определение “модернизации”: “это социальная, культурная, экономическая, технологическая (а в некоторых случаях и политическая) революция, затрагивающая основы повседневной жизни людей и изменяющая их образ жизни, социальную ткань общества, хотя она может быть растянута по времени и осуществляется путем последовательных реформ”³. Такая расширительная трактовка модернизации фактически сливается, отождествляется с самыми различными обновительными процессами, происходящими в истории, и должна была, видимо, по замыслу авторов модели, позволить применить данную дефиницию для анализа и обобщения различных типов общественных перемен. Но, с другой стороны, как отмечает один из критиков модернизационной модели, такое определение модернизации, в которую “включены любые переходные общественные состояния”, “препятствует выяснению качественной стороны этого процесса”⁴. Определенные ограничения этого термина есть и у самих авторов модели, так как для них собственно модернизационные изменения происходят в рамках вторичной макроформации, а точнее, при переходе к индустриальному, капиталистическому обществу (“модернизация – спутник капиталистического развития”)⁵, а также к постиндустриальным про-

---

¹ См., например: *Бутенко А.П.* Тоталитаризм в России и пути его преодоления // Социально-политический журнал. 1994. № 9–10, 11–12. *Он же.* От тоталитаризма к демократии: общее и специфическое // Там же. 1995. № 6; 1996. № 1, 2.

² См.: *Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В.* Шанс на обновление России. (Зарубежный опыт модернизации и российский перспективы) // Мир России. 1993. № 1. С.103. В первоначальном сокращенном варианте данная статья появилась в журнале “Кентавр” (1992. Май–июнь). Необходимо отметить, что идея деления человеческой истории на первичную (архаичную), вторичную и третичную формации встречается у Маркса, но авторы рассматриваемой выше модели на него не ссылаются (см.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 402, 413, 419).

³ *Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В.* Шанс на обновление России. (Зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. 1993. № 1. С. 106.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 106.

цессам¹. Таким образом, центральное положение модернизационной модели состоит в том, что наиболее прогрессивные общественные изменения последней эпохи человеческой истории – это “постархаика” или “индустриализм” с последующим переходом к “постиндустриализму”.

3. Декларируется “комплексный формационно-цивилизационный подход к развитию общества”, допуская при этом то, что линейно-поступательный прогресс человечества должен сочетаться со специфическим развитием отдельных формаций². Но ни механизм этого сочетания, ни степень синтеза линейных и циклических факторов в развитии человечества и конкретных обществ никак не раскрываются.

4. Проводится классификация всех модернизаций в истории на две категории – “органические” и “неорганические”. К первой категории относят общественные изменения, которые происходили и происходят в развитых странах, где, как считается, импульс к обновлению и переходу на новую ступень развития приходит изнутри этих обществ. Перемены происходят и в периферийных, слабо развитых странах (модернизация – это всеобщий процесс), но здесь изменения происходят под непосредственным влиянием со стороны развитых стран. Здесь модернизация – это повторение отстающими странами уже пройденного пути и под воздействием вырвавшихся вперед в социальном прогрессе стран³.

Россия авторами модели однозначно относится ко второй категории. Под этим углом зрения рассматриваются не только современные процессы, но и история России предыдущих веков. И фактически вся история российских нововведений (особенно со времени петровских реформ) трактуется как череда, перманентный процесс неорганических модернизаций, попыт-

---

¹ Там же.

² Там же. С.105.

³ Там же. С.106–108.

ка ускоренными темпами повторить путь, пройденный Западом, и тем самым догнать Запад¹.

Таковы основные положения модернизационной модели. Мы специально подробно остановились на одном из ее вариантов, поскольку именно он наиболее полно и явно отражает его специфику и отличие от других моделей или подходов к интерпретации современных перемен в России.

В последние годы попытки российских ученых использовать теорию модернизации для объяснения перемен, происходящих в России, не только не ослабевают, а, наоборот, усиливаются². Правда, внимательный анализ материалов дискуссий показывает, что ряд ученых употребляет этот термин в метафорическом смысле, а не как ключевое понятие специфической концептуальной модели социальных изменений, хотя в целом просматривается сознательное и целенаправленное употребление искомого термина.

Возьмем для примера одну из дискуссий, проходивших в редакции журнала “Вопросы философии”. В выступлениях ее участников мы встречаем следующие формулировки: “Модернизация – это своего рода великая революция, возможно, главная из тех, что пережило человечество. В любом случае это глобальный феномен мировой истории” (Л.С. Васильев)³. “Идея модернизации подразумевает ... единство человечества и единство исторического процесса. “Прорывы” отдельных стран, становящихся в результате них “передовыми”, и усвоение их достижений остальными “отсталыми” странами – форма, в которой осуществляется этот единый

---

¹ Там же. С. 112–116.

² Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1993. № 7; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Там же; Социальная модернизация в России. Материалы обсуждения за “круглым столом” в Институте философии РАН // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 3; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Купряшин Г.Л. Политическое развитие // Кентавр. 1994. № 2; Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11; и др.

³ Российская модернизация: проблемы и перспективы. (Материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 7.

процесс развития...” (Д.Е. Фурман)¹ . “...Процессы модернизации России не могут быть поняты вне общемирового процесса” (В.А. Ядов)² и др. Стержневая концептуальная линия данной дискуссии была достаточно очевидной, что не могло не вызвать вопросы и возражения некоторых участников. Так, например, у А.А. Кара-Мурзы дискуссия вызвала такой ключевой методологический вопрос: ”...В какой системе координат – стадийно-формационной, цивилизационной или какой-либо иной – мы рассматриваем проблему “модернизации”³. Таким образом, суммарный вывод, итог данного подхода заключается в том, что развитие человечества происходит фактически в единственном русле технического, технологического, хозяйственно-экономического и даже социокультурного совершенствования, по которому в последние века идут западные страны. “Исторически модернизация, – пишет один из теоретиков модернизации, Ш.Н. Эйзенштадт, – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты”⁴.

В этом и заключается стержневая мысль модернизационной теории – распространение методов, концепций и способов улучшения, обновления общества с Запада на остальной мир, хотя и зачастую модернизационная идея в применении к периферийным странам и оговаривается спецификой, особенностями и т.п.

---

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 19.

⁴ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7.

Сторонники модернизационного подхода, может сами того и не создавая, дают одновременно трактовку проблемы детерминаций исторического развития, сводя их, по сути дела, к одному, хотя и неопределенному источнику (матрице) социальной эволюции, являющейся внешней по отношению к России. Наиболее отчетливо эта мысль выражена в следующем заключении об исходном пункте современных перемен: “СССР представлял собой индустриальное общество, возникшее в результате вторичной модернизации, которая обладает рядом особенностей. Она осуществляется главным образом под давлением внешних факторов и имеет слабо выраженные эндогенные стимулы и источники развития”¹.

Таким образом, в отечественных научных исследованиях и дискуссиях о современных процессах в России мы выделили три концептуальных подхода (условно их можно назвать так: “посткоммунистический”, “посттоталитарный” и “модернизационный”). При анализе этих подходов мы акцентируем внимание прежде всего на современной отечественной литературе² для того, чтобы отразить различные типы умонастроений российских ученых, различные варианты интеллектуального дискурса современных перемен в России, которые сформировались внутри российского общества.

Попробуем этим дискурсам дать обобщающие характеристики. Во-первых, вспомним рассмотренные нами выше парадигмы социального времени (исторического процесса), их эволюцию и сопоставим их с моделями интерпретации современных перемен в России. Очевидный вывод, который следует из этого сопоставления, заключается в том, что эти модели не выходят за рамки линейной парадигмы, хотя и включают (подчас декларативно) в себя некоторые элементы формационного

---

¹ Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994. С. 20.

² Разумеется, что по данным подходам существует огромная литература на Западе, отдельные ссылки на нее делаются ниже.

(“посткоммунизм” и “посттоталитаризм”) или цивилизационного (“постархаизм” – “постиндустриализм”) циклизма. По нашему же мнению, история России, механизмы и тенденции развития российского общества в прошлом и настоящем не могут быть адекватно истолкованы только с точки зрения логики линейно-поступательного прогресса.

Во-вторых, весьма спорной является сама идея одного “корня” общественных обновлений (Запад) и единого потока социального совершенствования, в который одновременно вступают отдельные страны. На основе этой идеи формулируется положение, в соответствии с которым Россия либо когда-то выпала из общемирового потока, либо никогда не находилась в этом потоке, но постоянно стремится войти в него, предпринимает попытки пройти путь Запада. Симптоматично в этом смысле название доклада Миграняна, вокруг которого развернулась дискуссия о посттоталитарных процессах в России – “Легко ли стать Европой?”. Вопрос же о том, а нужно ли России вообще становится Европой в рамках этой логики, не возникает, ибо ответ на него изначально известен.

Таким образом, получается, что основные концептуальные подходы к анализу современных перемен в России базируются на ложном, по нашему мнению, методологическом принципе: происходящее в России рассматривается через призму социально-исторических реалий западных стран и даже через интеллектуальное преломление этих реалий в западном сознании, в западной научной традиции.

Такой способ интерпретации современных перемен в России может дать лишь искаженную картину, так как адекватные модели должны быть прежде всего результатом анализа и теоретического осмысления реальных отечественных процессов, а не социального опыта других стран.

Проведем с этой целью сравнительный анализ аналогичных процессов, которые происходили в России в XX в.

§2. Противоречия и метаморфозы политической демократизации российского общества (опыт компаративного анализа двух периодов отечественной истории XX века)

Политологи уже давно применяют метод исторических сравнений для того, чтобы лучше понять сущность современных процессов. Особенно результативен этот метод при сопоставлении периодов и процессов, в которых выделяются бесспорные явления повторяемости, похожести. Вместе с тем удивительным и труднообъяснимым является то обстоятельство, что в попытках понять природу современных процессов и изменений в России многие исследователи обращаются к истории других стран (например, Германии и Испании), но совершенно забывают об отечественном опыте, забывают о том, что Россия в начале XX в. уже один раз пыталась выйти из авторитаризма и перейти на демократический путь развития. Стремление сравнить этот первый переходный процесс (1917–1920-е гг.) и второй, современный, кажется вполне естественным, но почему-то не нашедшим достойного места в научных исследованиях.

Метод исторической компаративистики пока еще нельзя отнести к широко распространенным приемам политической науки (хотя и у нас и за рубежом имеются специальные исследования в данной области¹). Поэтому уместно будет сделать два предварительных замечания: во-первых, при сопоставлении современных событий с прошлым у любого исследователя неизбежно возникает ощущение гетерогенности происходящих процессов, ибо прошлая, давно ушедшая эпоха воспринимается более спокойно, тогда

---

¹ См., например: *Голосов В.Г.* Сравнительная политология: Учебник. Новосибирск, 1994; *Шаран П.* Сравнительная политология / Пер. с англ. Ч. I–II. М., 1992; *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. М., 1994.

как восприятие настоящего всегда окрашено эмоциями непосредственного сопереживания событий. В этом случае объективность научного исследования прямо пропорциональна способности максимального преодоления эмоций. Во-вторых, нет и не может быть абсолютного совпадения разных исторических эпох. Но дело не только в самом феномене совпадения различных отстоящих друг от друга во времени общественных ситуаций, а в том, что уже изученное и осмысленное прошлое может стать зеркалом для настоящего. В этом зеркале оно (настоящее) узнает или не узнает себя, фиксирует или не фиксирует повторяемость процессов и явлений. В рамках такого анализа изучение прошлого уже не является просто познанием истории, а становится элементом, способом осмысления и интерпретации современных процессов¹.

С учетом этих замечаний проведем исторический сравнительный анализ политических процессов в России в период 1917–1920-х гг. и в период конца 80-х – 90-х гг. прежде всего по двум основным направлениям: 1) преобразование системы органов верховной государственной власти и 2) процессы в сфере национально-государственного устройства.

Самый общий вывод, который сразу же вытекает из этого анализа, заключается в том, что оба раза мы имеем дело с явлением, которое можно условно назвать “обратным ходом политического маятника”. Аналог этой ситуации можно встретить в элементарных физических опытах: отвес, специально занесенный дальше положенного в одну сторону, неизбежно по законам качения выходит из своей нормальной амплитуды и двигается так же далеко в другую, прямо противоположную сторону.

---

¹ Наиболее широко в исторических исследованиях сравнительный метод стал применять О.Шпенглер. Его оценка этого метода звучит более чем весомо: “Сравнения могли бы стать благодатью для исторического мышления, так как они вскрывают органическую структуру совершающегося”(Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 36). В данной формулировке подчеркивается важнейшая функция всякого научного метода – помочь исследователю проникнуть в скрытую суть вещей.

Оба раза такое действие этого “политического маятника” выразилось в том, что предпринималась попытка превратить авторитарный режим в одно из самых демократических обществ в мире.

2.1. Преобразование системы органов верховной государственной власти

Посмотрим сначала, что происходило в данной сфере в конце февраля – начале марта 1917 г. Прежде всего в этот период производится кардинальное изменение порядка формирования всех властных структур российского общества. До 1917 г. данный порядок определялся двумя способами: во-первых, все основные органы власти империи формировались и обновлялись единоличным распоряжением монарха, который в своей кадровой и государственной политике стремился удовлетворить интересы и амбиции узкого слоя дворянской аристократии; во-вторых, формирование и деятельность местного самоуправления (земская система) начиная с 1864 г. строилась по принципу сословно-корпоративного представительства, когда на уездных съездах основные сословия (землевладельцы, крестьяне и городские жители) отдельно друг от друга по установленной свыше квоте выбирали своих представителей (гласных) на уездное земское собрание. С 1906 г. по такому принципу¹ проводились выборы во все четыре Государственные думы. Сразу же после февральской революции оба этих способа формирования властных органов были упразднены: первый вместе с институтом монархии, второй – в силу ликвидации сословий и провозгла-

---

¹ Только в этом случае из группы городских жителей в отдельную курию (сословие) были выделены рабочие, и каждая курия самостоятельно определяла, как правило, по двух-трехступенчатой системе выборщиков на общее губернское избирательное собрание.

шения принципа всеобщих и равных выборов в органы власти, в том числе и в местные.

На какой же основе происходит формирование и последующая деятельность органов государственной власти в постсамодержавной России?

На данный вопрос можно ответить совершенно определенно: государственный порядок в новой России стал строго подчиняться принципам и законам партийно-представительной демократии. Фактически с марта 1917 г. монархический режим в России сменился властью партийной системы или, точнее, властью определенных, наиболее влиятельных партийных центров и блоков. Именно политические центры или форумы основных партий определяли своих представителей в различные властные органы, направляли и держали под жестким контролем их последующую деятельность¹. Партийно-представительная система действительно становится базисом нового государственного порядка, определяет политическую жизнь. Не случайно, что для первых в истории всеобщих, прямых и равных выборов в Учредительное собрание Особым совещанием в конце мая – начале июня был определен принцип пропорциональности, т.е. принцип избрания депутатов по партийным спискам². Именно в соответствии с этим принципом в конце 1917 г. было избрано более 700 депутатов Всероссийского Учредительного собрания.

Какие же партии руководили Россией в 1917 г.? Это легко проследить, анализируя имеющий официальный статус партийный состав Временного правительства и руководящих органов Советов. Так, например, 16 июня в соответствии со строгими правилами партийного представительства был избран ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, в котором

---

¹ Этим, в частности, объясняется необычайно активная работа различных партийных форумов; только партиями, входящими в правительственную коалицию в период с марта по октябрь, было проведено десять съездов и общероссийских конференций. Деятельность же руководящих центров (ЦК, совещаний руководства и т.п.) была практически непрерывной.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 145–147.

242 места из 320, т.е. 75,6%¹, принадлежало представителям двух партий – меньшевикам и эсерам. 24 июня был объявлен состав второго коалиционного Временного правительства, в котором меньшевикам, эсерам и примыкавшим к ним партиям принадлежало 8 мест из 15 (53%). Кроме того, данный партийный блок получил ключевой пост министра-председателя. Абсолютное же большинство мест получила партийная коалиция, которую образовали социалисты и кадеты (13 мест из 15). В целом такая же картина наблюдается и в конце сентября. В третьем коалиционном Временном правительстве у социалистов и кадетов (25 сентября) – 10 мест из 17 (59%)², а в Предпарламенте (2 октября) – 332 мест из 555 (60%)³.

Доминирующее положение партий в политической жизни России создавало серьезное противоречие в постсамодержавном политическом процессе. Это противоречие выражалось в том, что сформировавшиеся в революционной ломке (отчасти стихийно) статус и роль политических партий в новых властных структурах абсолютно не соответствовали реальной силе и влиянию этих партий в российском обществе. По подсчетам В.В. Шелохаева, в 1917 г. количество членов всех российских партий составляло примерно 1,2 – 1,5% от общей численности населения страны. И вообще, по его мнению, “... многопартийность в России не имела прочной социальной базы, образно говоря, “висела в воздухе”, не стала понятным и принятым массовым сознанием фактором политической жизни”⁴.

Кроме того, российские партии, многие из которых насчитывали 10 и более лет своей истории, тем не менее не имели опыта активной и полноценной политической деятельности, так как все эти годы либо действо-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 383–384.

² Там же. С. 98–100, 383, 384.

³ Там же. С. 414.

⁴ Шелохаев В.В. Многопартийность, “висевшая в воздухе” // Полис. 1993. № 6. С. 170–171.

вали в подполье, либо занимались бесплодными дебатами в Государственной думе.

Но дело не только в объективной слабости российских партий. Дело в том, что сам по себе решительный и однозначный переход от сословно-корпоративной системы формирования государственных органов к партийно-представительной не соответствовал социальным, социокультурным и духовным реальностям российского общества. Ликвидация сословий законодательным актом Временного правительства, т.е. отмена юридических различий в положении различных групп населения, не означала, что одновременно изменяется формировавшееся столетиями сословно-корпоративное сознание, традиции выражения групповых интересов через соответствующие органы самоуправления и различные корпоративные объединения, созданные прежде всего на основе профессиональной, социокультурной, региональной общности. Все это в одночасье невозможно было заменить партийными структурами.

Полная легализация партий была, безусловно, прогрессивным явлением в политической жизни России, тогда как абсолютная замена сословно-корпоративного представительства на партийное имела негативные последствия. Примечательна в этой связи одна дневниковая запись В.О. Ключевского, ученого-историка, глубоко проникшего в своих исследованиях в тайны русской истории и русского общества: “Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при народном представительстве. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки”¹. Запись эта относится к 20 декабря 1905 г., т.е. к периоду, когда после Манифеста 17 октября в России стремительно стало появляться и организовываться множество политических партий. В реальной политической жизни

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 355.

за два месяца они, конечно, еще не могли себя проявить, но Ключевскому уже и тогда было все ясно, ибо он исходил не из опыта партий, а из их ответственности устоям российской жизни.

В бурных событиях 1917 г. это несоответствие и его негативное влияние на ход политического процесса стали ясными очень многим. На Государственном совещании в августе об этом говорили практически все ораторы, которые не были скованы руководящими партийными постами. Наиболее определенно об этом сказал М.В. Родзянко: "...За этот истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации ... в этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и (причина) всех невзгод, которые постигли нас"¹.

И видимо, не случайно в октябре 1917 г. инициатива переходит в руки политической силы, на знаменах которой в качестве центрального лозунга была провозглашена ликвидация классов, а значит и партий.

Аналогичные явления и процессы наблюдаются в политической жизни нашей страны и в конце 80-х – начале 90-х гг. После отмены в феврале 1990 г. шестой статьи Конституции СССР, которая закрепляла руководящую роль КПСС в советском обществе и тем самым юридически обосновывала правомерность однопартийной политической системы, в стране в короткие сроки появились сотни политических партий, существовавших до этого в виде политических клубов и общественных объединений.

Но партии создаются не для пропаганды различных идей, а для борьбы за власть. Эта аксиома политической жизни, давно ставшая общепринятой во многих странах, нашла свое подтверждение и в России. Весной 1990 г. в альтернативной борьбе на выборах народных депутатов России, несмотря на то что весь их состав избирался по мажоритарной системе, про-

---

¹ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 105.

явилась тенденция жесткой борьбы различных партийных платформ и лозунгов. В высший орган России впервые выбирались не просто граждане (или, как раньше, представители “блока коммунистов и беспартийных”), а кандидаты, которые не только не скрывали, но даже усиленно пропагандировали свои партийные взгляды. Уже на этих выборах происходит решающий политический сдвиг в порядке и принципах формирования системы высших органов представительной государственной власти: от квотно-распределительной системы по социальным, возрастным, половым и другим параметрам и под непосредственным контролем центральных и местных партийных органов к свободной борьбе различных партийных платформ и формированию в результате ее органов, состоящих из выразителей и представителей сложившейся (может быть и стихийно, сиюминутно) в данный момент в обществе палитры политических и социальных предпочтений.

Государственная Дума в декабре 1993 г. формировалась уже по новому избирательному закону, который вводил паритетную систему выборов: половина по мажоритарной системе, половина по пропорциональной системе (по партийным спискам). Такой же порядок сохранился и на выборах 1995 г.

И хотя статус депутата, избранного по партийным спискам, не ограничен так называемым принципом императивного мандата (депутат, выступивший против общего решения фракции, выбывает из выборного органа), анализ деятельности Думы показывает, что именно фракционное голосование является определяющим в принятии наиболее принципиальных решений. Таким образом, многопартийный принцип политической жизни в короткий срок становится, бесспорно, доминирующим в высшей представительной власти России.

Но является ли партийная демократия наиболее адекватной формой отражения всей гаммы социальных интересов современного российского общества?

Многопартийная система в СССР и в России создавалась по аналогии с давно уже существующими партийными системами в развитых зарубежных странах¹. Но противоречия и проблемы, которые возникли у нас в ходе этого процесса, были вызваны не только неплюралистическим менталитетом советского человека и иной, чем на Западе, политической культурой, социокультурными традициями (с этим столкнулась, как мы показали выше, и первая российская многопартийность в начале XX в.), но и специфическими социальными явлениями в советском обществе в 70–80-х гг. На Западе формирование партий становилось результатом сложного и длительного процесса социальной стратификации, в ходе которого сначала выкристаллизовывались, закреплялись социальные, политические и другие интересы определенных общественных групп (по мере идентификации самих этих групп), а только потом проявлялась потребность и необходимость представления и защиты этих интересов в политической борьбе, на различных уровнях властных структур общества. И наиболее эффективной формой для реализации этой цели стали в общественной практике развитых стран в XIX – начале XX в. политические партии. В России все произошло наоборот: сначала в достаточно короткие сроки возникла многопартийная система, а затем эти партии стали искать свою социальную базу, свой социальный интерес, свой электорат. Этот поиск продолжается и по сей день, и осуществляется он в обществе, в котором социальная структура находится в состоянии ломки, социальные слои и группы перемеша-

---

¹ Подробно о становлении многопартийности в современной России см.: *Краснов В.Н.* Система многопартийности в современной России (очерк истории). М., 1995; Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. I. М., 1995. С. 138–210; *Партии и политические блоки России.* М., 1993; и др.

ны, идет болезненный процесс исчезновения одних и появления других слоев и групп, еще только осознающих свои интересы и ориентиры. В этом отношении становление современной российской многопартийности происходит в еще более неблагоприятных условиях, чем в 1917 г. Тогда в России все же существовала достаточно стабильная и сложившаяся социальная структура. Сегодня же доминирующими являются процессы расслоения, диффузии социальной сферы¹.

Еще на начальной стадии формирования многопартийной системы в СССР (России) некоторые западные аналитики, отмечая естественные недостатки роста новых политических структур, отмечали, что “все политические лидеры должны определенно решить для себя вопрос: какое именно место они отводят своей партии в будущей политической системе”². Но похоже, эти надежды не сбываются, ибо и сейчас отдаленная политическая перспектива мало кого волнует и никак не влияет на партийное строительство. Наоборот. Партии стали неотъемлемым атрибутом переходного процесса. Большинство из них и создано под переходное состояние общества, под обстановку политической нестабильности, непредсказуемости. Поэтому и в их программатике и особенно в стратегии и тактике доминируют потребности того или иного политического момента, конкретика обстоятельств борьбы за власть.

Отсюда и удивительные особенности или “парадоксы” современного российского партогенеза, выделяемые аналитиками.

Во-первых, это размытость, универсальность программатики разных партий, фактическое совпадение стратегических общественных ориентиров

---

¹ Самсонова Т.Н. Сравнительный анализ многопартийной системы в современной и дореволюционной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1993. № 6. С. 22; Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт “инвентаризации”) // Полис. 1994. № 4. С. 87–90.

² Фиш С. (США). На пути к многопартийной политической системе в России: взгляд с Запада // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 6. С.63.

(многоукладная экономика, политический и идеологический плюрализм и т.д.).

Во-вторых, феномен Жириновского: лидер партии пользуется большей поддержкой, чем сама партия (по партийным спискам ЛДПР набирает существенное количество голосов, тогда как по мажоритарной системе представители этой партии почти все проваливаются).

В-третьих, происходит “деинституционализация” партий, понимаемая как “изменение регрессивного характера, выражающееся в полной или частичной утрате партией признаков политической организации, претендующей на завоевание политической власти”¹.

В-четвертых, парадоксы линейного спектра российской многопартийности: программатика и практическая деятельность партий настолько изменчивы и противоречивы, что часто невозможно точно определить место партий в общепринятой шкале политических координат: левые – центр – правые ².

В-пятых, на относительно небольшом отрезке времени (полтора- два года) наблюдаются резкие колебания в рейтинге политических партий. Так, из восьми партий, преодолевших на выборах в Госдуму в декабре 1993 г. пятипроцентный барьер, через два года на аналогичных выборах в декабре 1995 г. пять партий (“Выбор России”, Аграрная партия России, ПРЭС, “Женщины России”, Демократическая партия России) не смогли выдержать это испытание. Одновременно с этим накануне последних выборов в спешном порядке формируется новая партия “Наш дом Россия”, которая легко преодолевает пятипроцентный барьер.

---

¹ Левчик Д.А. , Заславский С.Е. Особенности партотгенеза в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 49.

² Там же. С. 50.

Анализ этих особенностей приводит некоторых авторов к выводу о том, что происходит не только “деинституционализация”, но и “деградация” партийной системы в России¹.

Важнейшей характеристикой современного политического процесса в России является почти никогда не утихающее противоборство представительной власти и Президента². Это противоборство началось фактически сразу, с возникновением института президентской власти, и происходило сначала между Президентом и Съездом народных депутатов (Верховным Советом) и в некоторых своих аспектах напоминало столкновение Керенского и Советов.

Вообще институт президентской власти, который начал функционировать в России с июня 1991 г. и с возникновением которого создавалась вертикаль исполнительной (неколлегияльной) власти, как бы нарушал возникшую ранее систему плюралистической представительной демократии. Это создавало коренное противоречие в возникшей после июня 1991 г. политической системе в России, которое и обусловило постоянно обостряющуюся борьбу между Президентом и Верховным Советом (Съездом народных депутатов). В свою решающую фазу эта борьба вступает в декабре 1992 г. на VII Съезде народных депутатов. Накал борьбы удалось тогда ослабить компромиссным постановлением Съезда “О стабилизации конституционного строя Российской Федерации”, а также отставкой с поста и.о. премьер-министра Е. Гайдара и утверждением на этот пост В. Черномырдина. На следующем, VIII Съезде (март 1993 г.) принятый ранее компромисс вновь нарушается и борьба разворачивается с новой силой. Этот

---

¹ Там же. С. 54.

² Эти органы власти появились в России по аналогии с союзным уровнем. При этом следует иметь в виду, что и пост Президента СССР, и Съезд народных депутатов СССР создавались М.С.Горбачевым с определенными политическими целями. Первый – для сохранения власти КПСС в условиях перехода к многопартийной системе, второй – для большего маневра в сложных политических ситуациях. В России же и пост Президента, и Съезд народных депутатов сразу стали играть совершенно иную роль, так как попали под влияние различных политических сил.

Съезд в поисках выхода из ситуации принимает решение о всероссийском референдуме 11 апреля 1993 г. На IX (внеочередном) Съезде (28 марта 1993 г.) предпринимается попытка отрешить Президента от должности, которая (как, впрочем, и возникшая уже в ходе Съезда идея об отзыве Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова) завершается неудачей. После референдума, на котором 58,7% голосовавших ответили “да” на вопрос: “Доверяете ли Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?” – наступает временное затишье, которое оказывается затишьем перед бурей. После телевизионного выступления Б.Н.Ельцина 21 сентября 1993 г. противоборство Президента и Верховного Совета приобретает непримиримый характер и приводит к кровавой развязке 3 – 4 октября 1993 г.¹

В чем заключалась суть этой борьбы? Чаще всего ее сводят к противоречиям разных ветвей власти (исполнительной и законодательной) в условиях формирования демократической системы. На самом деле все обстояло значительно сложнее. В противоборстве Президента и Верховного Совета при более детальном анализе просматривается столкновение между альтернативными моделями общественного управления. С одной стороны, это была власть Президента и его структур, которая строилась на основе персонифицированного централизованного контроля, с другой – власть партийно-клановой представительной демократии, прятавшей реальные рычаги персонифицированной власти за ширму коллегиальных решений. Различия в видении путей и форм преобразований российского общества имели в этой борьбе второстепенный характер, хотя и из пропагандистских соображений зачастую и выдвигались на передний план. В этом случае общество столкнулось не с противоречием между различными частями единого целого, а с конфликтом между двумя центрами сил, изначально

---

¹ См. подробнее документы этого периода и комментарии к ним: Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. I. М., 1995. С. 22–41, 65–70.

претендующих на всю полноту федеральной власти в России. Тем самым российская история на новом витке своего развития продемонстрировала повторяющуюся особенность нашего политического развития: общественные противоречия разрешаются не путем компромисса, а революционным, насильственным способом. Отталкиваясь от этой констатации, резюмируем наш сравнительный анализ преобразовательных процессов в сфере высших органов государственной власти России в переходные периоды 1917 г. и конца 80-х – начала 90-х гг.

В обоих случаях наблюдается радикальное и быстрое изменение основы государственного управления, принципов формирования и обновления государственной системы. Авторитарный порядок решения политических и кадровых вопросов, дополненный корпоративными формами организации местной жизни, в течение очень короткого срока, заменялся властью многопартийной системы, подчиняющейся специфическим законам партийно-представительной демократии. Тем самым резко менялся не только организационный порядок государственной жизни, но и его духовно-идеологические основания. От единой государственной идеологии партии власти происходит быстрый переход к множеству противоборствующих идеологий, большинство из которых уходило своими корнями в идейный и практический опыт западной демократии.

Одновременно с этим радикально изменялись методы, система рычагов управления государством. От монархического или коммунистического режимов, где решающую роль играли персонифицированные институты власти или сословные корпорации, – переход к всесилию коллегиально-представительских органов, которые быстро становятся ареной столкновения партийных амбиций.

2.2. Процессы в сфере национально-государственных отношений

Начнем наш анализ, как и в предыдущем случае, с процессов, происходящих во время революционных событий 1917 г.

Многие российские общественные деятели в начале XX в. прекрасно понимали, что в такой многонациональной стране, как Российская империя, никакие серьезные преобразования не могут не затронуть сферу национально-государственного устройства и национальных отношений. Более того, как показали революционные события 1917 г., национальный вопрос в России является важнейшим фактором переходного процесса, а в ряде случаев и определяет ход тех или иных переходных мероприятий.

Поэтому закономерно, что российские политические партии, которые образовались в период первой революции и большинство из которых исходило из необходимости глубоких преобразований, не могли в своих программных документах обойти национальный вопрос.

Каково же содержание основных партийных программ? Рассмотрим для этого три господствовавшие в то время партийно-идеологические модели в национальном вопросе. Практически без существенных изменений эти модели через семь десятилетий “всплыли” на поверхность современной политической жизни в России.

Первая модель (монархисты и крайне правые): Россия должна оставаться единой и неделимой (нераздельной) монархической империей. Целостность Российского государства должна обеспечиваться приоритетом, главенствующей ролью русской народности, к которой относятся три славянских народа – великороссы, малороссы и белоруссы¹. Эта главенствующая роль непременно обеспечивается в пяти основных общественных сферах: в верховной государственной власти (“Самодержавная власть

---

¹ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 197, 200.

Русского Монарха”), в религиозной сфере (“свободно и достойно живущая Русская Православная Церковь”), в сфере делового общения (“единый русский государственный язык”), в правовой системе (“единый Русский закон”) и в образовании (“единая Русская государственная школа”). Только при обязательном выполнении этих пяти условий русского государственного единства в данной модели делалось допущение, что “национальные особенности отдельных групп населения могут свободно существовать и развиваться”¹.

Такое особое положение русской нации, по убеждению монархистов, обусловлено ее исторической ролью как собирательницы земли Русской, ибо, создавая великое и могущественное государство, именно эта нация вынесла “на своих плечах всю тяжесть” этого исторического дела². Поэтому, не отрицая необходимости предоставления нерусскому населению некоторых прав местного самоуправления, использования родного языка в некоторых сферах гражданской жизни, многие монархические организации делали упор прежде всего на подчиненное положение нерусских национальностей (“инородцев”) русской, чтобы “первые считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью”³, но при этом были бы не хозяевами, а “челобитниками”¹. При определенных условиях монархисты допускали в России совещательный представительный орган – Государственную Думу, которая, по их мнению, должна способствовать сближению царя и народа, укреплению прямой, непосредственной поддержки царя народными избранниками, минуя бюрократию, подрывающую традиционные устои на-

---

¹ Там же. С. 203.

² Там же. С. 198, 217.

³ Там же. С. 198. В программах правых партий мы находим и ряд других принципиальных положений. Так, например, всякая попытка отторжения от России какой-либо из ее окраин трактовалась в программе Русской монархической партии как измена родине (см.: там же. С. 202). В программе Русского народнического всесословного союза к этому выводу добавлялось еще положение о том, что всякие автономии являются первой ступенью к раздроблению единой России(см.: Там же. С. 215–216).

родной монархии, искажающую подлинную народную суть российского самодержавия². Но, признавая это, теоретики “Союза русского народа” выдвигали фундаментальное для них положение о том, что “Государственная Дума должна быть национально-русской”³.

С некоторыми оговорками можно сказать, что основные установки монархистов в национальном вопросе так или иначе реализовались в официальной политике царской власти. Часто, говоря об известном манифесте царя от 3 июня 1907 г., акцентируют внимание на том, что царь самолично изменил этим актом политический состав Думы в пользу правых сил (так называемый “третьеиюньский переворот”). Это правильно, но у этой акции была и другая цель. Она четко формулируется в одном из положений манифеста: “Созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть русской по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских”⁴.

Вторая модель (либералы): Наиболее полно позиция российских либералов в национальном вопросе выражена в программных документах конституционно-демократической партии, которая в либеральном политическом спектре играла ведущую роль. Кадеты считали наиболее приемлемой формой национального устройства новой России унитарное государство¹, в котором “помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан должно гарантироваться право свободного культурного самоопределения”. Более того, они допускали наряду с общероссийской государственной властью и представительными структурами существова-

---

¹ Политические партии России (первая четверть XX в.): Справочник. М., 1993. С. 17.

² Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. С. 198, 200.

³ Там же. С. 198.

⁴ Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1990. С. 329.

ние “местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребностям населения”². Для Царства Польского и Финляндии кадетами предусматривалось особое автономное устройство с наличием собственных законодательных учреждений, но при обязательном условии их вхождения в состав Российского государства³.

Анализ программных документов кадетов показывает, что, оставаясь всегда последовательными государственниками, они все же понимали настроения широких масс населения национальных окраин и поэтому очень осторожно употребляли понятие “унитаризм”⁴.

Представители же правого крыла российских либералов – октябристы – в этом отношении были более откровенными и прямолинейными. В своей программе они не только не побоялись в качестве исходного выдвинуть тезис о сохранении единства и нераздельности Российского государства, но и открыто отстаивали необходимость “исторически сложившегося унитарного характера... государственного строя” России, указывая при этом на то, что идея федерализма совершенно неприемлема к русскому обществу⁵.

Вместе с этим октябристы, так же как и кадеты, все же исходили из признания “за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд в пределах, допустимых

---

¹ Как известно, в качестве формы государственного устройства новой России кадеты предлагали сначала конституционную монархию (1906–1907 гг.), а позднее президентскую республику (1917 г.).

² Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 169.

³ Там же. С. 171.

⁴ Лидеры и теоретики партии кадетов, такие, как П.Б. Струве, П.Н. Милоков, Ф.Ф. Кокошкин и др., в своих научных трудах и публичных выступлениях рассматривали различные варианты решения национального вопроса в России (см.: *Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2, 3). Но в своих официальных партийных программах кадеты исходили целиком из идеи унитаризма.

⁵ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С.183.

идеей государственности и интересами других национальностей”¹. Они считали, что особое право на автономию принадлежит только Финляндии.

Третья модель (социалисты): позиция российских партий, выступающих за различные варианты социалистического переустройства общества, основывалась в национальном вопросе на общем для всех социалистов как в России, так и на Западе тезисе о праве наций на самоопределение. Этот тезис нельзя отнести к изначальным принципам классического марксизма, так как для К. Маркса и Ф. Энгельса, которые коммунистическое общество рассматривали в качестве постепенно формирующегося в результате мировой коммунистической революции международного сообщества наиболее развитых государств, национальный вопрос имел второстепенное значение.

Национальная проблема для социалистов выдвинулась на передний план в конце XIX в., когда социализм стал считаться непосредственной целью революционных движений в таких относительно отсталых и многонациональных государствах, как Австро-Венгрия и Россия. В 1896 г. на Лондонском конгрессе II Интернационала лозунг о праве наций на самоопределение был впервые провозглашен в качестве одного из важнейших программных положений международного коммунистического движения.

Нельзя сказать, что все социалисты однозначно приняли этот лозунг. Левые германские социал-демократы и часть польских социал-демократов вообще не считали необходимым самоопределение наций в период революционного переустройства общества. Австрийские же социал-демократы выдвинули оригинальную концепцию культурно-национальной автономии, суть которой заключалась в предоставлении национальным регионам и компактно проживающим отдельным национальностям в большом многонациональном государстве местного самоуправления в вопросах языка,

---

¹ Там же.

культуры и образования. Сторонники культурно-национальной автономии рассматривали ее не как модель для окончательного решения национального вопроса, а как промежуточную переходную форму сглаживания национальных противоречий в период глубоких социальных преобразований¹.

Русские же социалисты тезис о праве наций на самоопределение принимали целиком и включали в программы своих партий. Формулировалось в них это положение следующим образом:

Социал-демократы (Программа, принятая на 2-м съезде в июле–августе 1903 г.): “Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства”².

Эсеры (Программа, принятая на Учредительном съезде в декабре 1905 – январе 1906 г.): “Возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение”³.

В дальнейшем на основе этих общих формулировок стали вырабатываться более развернутые платформы и резолюции левых партий в национальном вопросе.

У радикальной части социал-демократов (большевики) тезис о праве наций на самоопределение был конкретизирован и уточнен на Поронинском совещании ЦК РСДРП, которое состоялось в сентябре – октябре 1913 г. В резолюции этого совещания мы находим два принципиальных момента, характеризующих позицию большевиков в тот период. Во-первых, самоопределение национальностей в составе империи они дополнили тезисом об отделении и образовании отдельных самостоятельных государств, однозначно отвергая при этом концепцию культурно-

---

¹ Национальный вопрос: опыт социал-демократии // Полис. 1991. № 2. С. 89–91.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 62.

³ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 124.

национальной автономии. Во-вторых, национальное самоопределение у большевиков было связано с принципом революционной целесообразности, с тем, что вопрос об отделении “с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм”¹. Несмотря на то, что со времени Пороненской резолюции проходит несколько лет, насыщенных крупными событиями в национальной сфере, фактически в тех же формулировках и без каких-либо существенных дополнений позиция большевиков по национальному вопросу была изложена в специальной резолюции Апрельской конференции 1917 г.²

Эсеры конкретизировали свою национальную программу на III съезде партии (май–июнь 1917 г.). В общей резолюции съезда был выделен специальный раздел – “Национальный вопрос”. Здесь уже отсутствовал термин “право наций на самоопределение”, и некоторую конкретизацию получили принципы автономии и федерализма, которые, по мнению эсеров, и должны были быть положены в основу национально-государственного устройства новой России. Эсеры высказывались “за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России”¹. В этой и некоторых других формулировках эсеровской программы обнаруживается очевидная ее преемственность с концепцией культурно-национальной автономии.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 446–447. Анализ цитируемого сборника приводит к интересному наблюдению: только в 1913г., т.е. через 10 лет после основания партии большевиков, у нее впервые появилась специальная резолюция по национальному вопросу, которая была принята не на съезде или конференции, а на совещании.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1983. С.503-504.

Позиция умеренных социал-демократов (меньшевики), которые в 1917 г. оформились в самостоятельную партию, была очень неопределенной. На своей Всероссийской конференции в мае 1917 г. меньшевики так и не смогли “из-за недостатка времени” принять резолюцию по национальному вопросу, проект которой содержал либо общие требования о “гарантии культурного развития для национальных меньшинств”, о “праве употребления родного языка в суде” и т.п., либо такие противоречивые термины, как “политическая автономия”².

Таково содержание моделей национально-государственного переустройства постсамодержавной России, с которыми основные политические силы вступили в эпоху революционных событий 1917 г. Но соответствовали ли они реалиям тогдашнего российского общества?

Главным испытанием для любой доктрины или партийной программы является реальная жизнь. Именно это испытание и не выдержали в 1917 г. ведущие политические партии России.

В *монархических* планах сохранения единства и неделимости Российского государства просматривалось явное нежелание мириться с велением времени, с очевидными переменами в национальных условиях российского общества. Монархисты игнорировали развивающийся в течение нескольких десятилетий процесс национальной самоидентификации российских окраин, где в 1905–1907 гг. развертывалась деятельность национальных политических партий и движений, усиливалось стремление к автономизации в различных областях общественной жизни. Конечно, эта монархическая доктрина не могла оказать какого-либо заметного влияния на ход общественного процесса в период революционных преобразований.

---

¹ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 157.

² Там же. С. 98–99.

Либералы не далеко ушли от монархического принципа унитарной монархии. Но их унитаризм, несмотря на некоторые демократические дополнения, выглядел еще более утопичным, чем у монархистов. Если последние готовы были пойти на определенные и жесткие меры для обеспечения унитарного характера Российского государства, то либералы оставались, по сути дела, на позициях абстрактного отстаивания принципа унитаризма, поскольку не предлагали никаких практических шагов для сохранения целостности реально распадающегося государства. Не случайно кадетская национальная доктрина многими воспринималась как монархизм, замаскированный неконкретными демократическими рассуждениями об автономии.

Не ясными как до, так и после февраля 1917 г. представлялись перспективы преобразований в национально-государственной сфере и для *социалистов*. Требование федерализма как центральный пункт национально-го раздела программы эсеров, несмотря на многие резолюции, оставалось абстрактной формулой, так как отсутствовали ответы по меньшей мере на два принципиальных вопроса: 1) каким конкретно представляется федеративное устройство новой России: субъекты федерации, границы и т.п.?; 2) как будут распределяться права между субъектами федерации и общероссийским центром? Оба этих вопроса должны были быть хотя бы в общих чертах прояснены перед началом преобразований, а не в ходе хаотичного и противоречивого революционного процесса, на что, по-видимому, и уповали эсеры.

Не лучше обстояло дело и у большевиков. Принцип о праве наций на самоопределение был положен ими на зыбкую основу революционной целесообразности. После этого данный принцип, и так висящий в воздухе из-за отсутствия механизма его реализации, неизбежно превратился из фун-

даментального и долгосрочного ориентира преобразовательного процесса в инструмент повседневной практики пролетарской власти.

Таким образом, либо ни одна политическая сила, претендовавшая на власть в постсамодержавной России, вообще не знала, как нужно преобразовывать национально-государственное устройство бывшей империи, либо эти силы ориентировались на теоретические модели, противоречащие реальным условиям российского общества в начале XX в. Поэтому не случайно дальнейший ход событий показал, что российские реформаторы данного периода в такой сложнейшей и тончайшей сфере общественных отношений, как национальная жизнь, оказались не рулевыми преобразовательного процесса, а в лучшем случае спасателями, которые в более или менее короткие сроки прибывают на место уже случившейся трагедии. В немалой степени это обуславливалось противоречиями и неясностями в концептуальной разработке национального вопроса, что в полной мере отразилось в практической деятельности новой постсамодержавной власти, которая, как известно, строилась исключительно по принципам и законам партийно-представительной демократии.

После кратковременного правления так называемого “однородного” Временного правительства в мае 1917 г. к власти пришла коалиция либералов и социалистов. Как и в других общественных сферах, в национально-государственной политика этой коалиции отличалась двумя качествами: 1) отсутствием четких ориентиров в решении преобразовательных задач (отчасти из-за этого решение многих насущных проблем откладывалось до созыва Учредительного собрания); 2) принципиальной несовместимостью партийных доктрин, которым строго следовали руководящие деятели коалиции. Отсюда отсутствие государственной воли, политика запоздалых, половинчатых решений или вообще отсутствие каких-либо практических шагов в национально-государственной сфере. Только этим можно объяс-

нить то удивительное обстоятельство, что в двух Декларациях коалиционного Временного правительства о программе своей деятельности от 5 мая¹ и от 8 июля² даже в самом общем виде ни слова не говорилось о национальных проблемах.

А проблем этих было более чем достаточно. Уже в марте 1917 г. в ряде районов империи стали возникать общественно-политические организации, строящие свою деятельность на отстаивании национально-этнической идеи (например, Центральная Рада на Украине, Шура-и-ислам в Туркестане). Эти организации на первых порах прямо не выдвигали сепаратных требований, но стали настойчиво добиваться провозглашения автономии соответствующих территорий в составе России³. Само по себе это уже создавало новую ситуацию в национально-государственных отношениях, что требовало определенных действий со стороны властей. Но как раз либо таких действий вообще не было, либо они вызывали недовольство на национальных окраинах. Кроме того, решение многих вопросов сопровождалось острыми разногласиями и конфликтами в самом Временном правительстве. Особенно показательны в этом плане отношения Временного правительства и Центральной Рады.

В начале лета Центральная Рада предприняла ряд шагов, направленных на реализацию ранее выдвинутых к Временному правительству требований о провозглашении автономии Украины. 4 июня Центральная Рада приняла специальную резолюцию, в которой говорилось о том, что в связи с фактическим отказом Временного правительства решать украинскую проблему “собрание Центральной Рады признало необходимым обратиться

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 229–230.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле. Июльский кризис. М., 1959. С. 295–297.

³ Летом и в начале осени аналогичные организации возникли в Белоруссии, Литве, Бессарабии и на других национальных окраинах бывшей Российской империи.

ко всему украинскому народу с призывом организовать и приступить к немедленному заложению фундамента автономного строя в Украине”¹.

Это означало, что Центральная Рада решилась взять бразды правления на Украине в свои руки, мотивируя такой шаг тем, что в условиях бездействия центральной власти “стихийный рост украинского движения принимает все большие и большие размеры” и что это движение в таких условиях может развиваться “по нежелательному пути”².

Действия Центральной Рады вызвали прямую конфронтацию между представителями различных партий во Временном правительстве. Эсеры и меньшевики, которые проповедовали в национальном вопросе идеи автономизма и федерализма, пошли на уступки Центральной Раде и фактически согласились с автономией Украины. Такое решение вызвало решительный протест со стороны кадетов, которые оставались верными своей идее о единой и неделимой России. 4 июля 1917 г. министры-кадеты подали в отставку.

Созданное позже на основе новых компромиссов 3-е коалиционное правительство тем не менее не могло преодолеть главного: принципиальной разницы в понимании партиями стратегических целей и задач преобразования России.

В полной мере эти различия проявили себя в процессе разработки проектов основных законов новой России, которые должны были быть вынесены на рассмотрение Учредительного собрания. Для этой цели при Временном правительстве была создана Особая комиссия под председа-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. С. 460. Стихийный рост национальных движений наблюдался не только на Украине. По всей стране собирались съезды и проводились собрания, на которых обсуждались вопросы нового национально-государственного устройства. Выдвигались различные проекты. В качестве примера можно привести I съезд представителей народностей Поволжья (май 1917 г.), Съезд представителей народов и областей России (сентябрь 1917 г.) и др.

² Такое решение было принято от имени Временного правительства на переговорах с Центральной Радой 29 июня в Киеве делегацией в составе: И.Г. Церетели (меньшевик), М.И. Терещенко (беспартийный) и А.Ф. Керенский (эсер).

тельством либерально настроенного профессора русского государственного права Н.И. Лазаревского.

Анализ ряда документов, разработанных данной комиссией в октябре 1917 г., показывает, что их авторы ориентировались главным образом на кадетскую доктрину в национальном вопросе. Например, в Предварительном проекте статей законов по вопросу об автономии (федерации) допускалась только “областная автономия” при незыблемости принципа о единстве и нераздельности России¹. А в тезисах по вопросу о верхней палате предполагалось, что в будущем парламенте ее состав будет формироваться из “представителей местностей”, но законодательные права и возможности этой палаты серьезно урезались и решающее слово в законодательном процессе предоставлялось нижней палате, которая избиралась от населения². Обсуждался также проект об однопалатной системе организации будущего российского парламента³.

В целом работа этой комиссии оказалась малоэффективной. Протоколы ее работы свидетельствуют о том, что всего лишь за месяц до открытия Учредительного собрания (28 ноября) не было согласовано и даже в полной мере разработано ни одного основополагающего документа о будущем государственном устройстве России. На заседаниях 17 и 20 октября

---

¹ Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 44.

² Там же. С. 51–52.

³ Там же. С. 52–53. Удивительно, но факт: более чем за 100 лет до описываемых событий в одном из тайно созданных проектов Конституции России (Проект члена Северного общества декабристов Н.М. Муравьева) предусматривалось не только разделение Российского государства на тринадцать равноценных субъектов (“держав”), образованных в основном по национально-этническому признаку (ст.43), но и создание двухпалатного парламента, в котором обе палаты имели одинаковые права и возможности (ст. 91). Одна из палат – Верховная Дума – должна была формироваться на основе равного представительства (по три человека от каждой державы – ст.73). (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.1. М., 1951. С. 304–305, 310, 314). Таким образом, некоторые дворянские революционеры начала XIX в. в своих концепциях преобразования России оказались более дальновидными, чем реформаторы 1917 г., которые по своему социальному положению и политическим взглядам должны были быть ближе к общественным низам и действовали в условиях неизмеримо большего обострения национальных противоречий.

все еще дебатировались ключевые проблемы: структура и состав будущего парламента, принципы национально-государственного устройства и т.д.¹

Но дело даже не в формальной неготовности документов. Во-первых, общая политическая и идеологическая направленность документов, которые разрабатывала комиссия при Временном правительстве, явно противоречила официально объявленной установке этого же правительства в национальном вопросе². Во-вторых, – и это главное – эта направленность была заведомо неприемлема для левого большинства будущего Учредительного собрания, которое неизбежно должно было образоваться и образовалось в результате всеобщих и равных выборов.

Таким образом, печальный опыт Временного правительства кроме всего прочего свидетельствует о том, что умеренные российские реформаторы 1917 г. в национальной сфере, как, впрочем, и во многих других вопросах, не смогли выйти за рамки партийной догмы и построить свою политику, исходя из реальных общественных условий, с учетом настроений и чаяний широких народных масс.

Большевистское правительство, пришедшее к власти в октябре 1917 г., прекрасно понимало, что собственных партийных программ в национальном вопросе, суть которых сводилась к требованию права наций на самоопределение, явно недостаточно для решения насущных национально-государственных проблем. Тем более что после октября 1917 г. начался лавинообразный процесс отделения от большевистского центра различных районов бывшей империи, что в короткие сроки привело к полному развалу единого Российского государства на десятки самостоятельных образований.

---

¹ Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. С. 39–50.

² В Декларации 3-го коалиционного правительства от 25 сентября было официально объявлено о признании Временным правительством “за всеми народностями права на самоопределение” (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 235).

В этих условиях Ленин и его сторонники предприняли крутой поворот в своих доктринальных и тактических установках и в первых же документах Советской власти на передний план в национальном вопросе выдвинули новую для себя идею федерализма. В данном случае большевики, как и в крестьянском вопросе, без особых колебаний пошли на прямое заимствование одного из важнейших программных положений партии эсеров.

Правда, очень скоро стало ясно, что для России идея федерализма имеет не только сильные, но и слабые стороны. Несомненно, сильной стороной ее было то, что в противоположность насильственным методам сохранения унитарного государства федерализм был более гибким и прогрессивным способом обретения нового государственного единства в условиях распада и обострения национальных противоречий. Казалось бы, что в пользу федерализма свидетельствовал уже достаточно большой опыт федеративных отношений, который был накоплен в мире в XIX в.

Но основная практическая проблема в том-то и заключалась, что мировая практика формирования и функционирования федеративных общественных систем не подходила к реальным условиям России.

В начале XX в. существовали два явно выраженных типа федеративных государств. Во-первых, государства, формировавшиеся в процессе интенсивной колонизации европейцами малозаселенных территорий (США, Канада, Австралия). В ходе этой колонизации представители различных европейских наций, сохраняя некоторые черты национальной культуры, тем не менее попадали в некий “плавильный котел”, из которого выходила новая единая нация. В этом случае формировавшееся федеративное государство представляло собой союз территорий, разделение которых не имело национально-этнической основы. К данному типу можно отнести и федерации, которые возникали в XIX в. в Латинской Америке (Аргентина,

Бразилия). Население этих государств сформировалось в XVII–XVIII вв. в результате смешения испанцев и португальцев с аборигенами и завезенными сюда африканскими неграми. Во-вторых, федеративные государства, образовавшиеся в результате объединения территорий с различным национально-этническим составом населения, но находящимся на примерно одинаковом социально-экономическом и культурном уровне развития (Швейцария)¹.

Не трудно заметить, что Россия не относилась ни к одному из двух исторически сложившихся типов, поскольку представляла собой национально-государственное образование, сформировавшееся путем объединения вокруг Московского государственного центра территорий и наций не только сохраняющих свою национальную идентичность, но и находящихся на качественно разных уровнях цивилизационного развития.

В связи с этим, обращаясь к идее федерации как к основному принципу построения нового социалистического государства на территории бывшей Российской империи, большевики столкнулись со сложной практической проблемой: каковы пути, механизмы и формы реализации федеративной идеи в специфических и уникально своеобразных условиях России? Судя по всему, этот вопрос оказался камнем преткновения и для эсеров, в программах которых идея федерализма имела в большей степени абстрактно-декларативное, чем практическое звучание. Но у них это было недостатком теории. У большевиков после октября 1917 г. данная проблема получила сугубо практический характер. Не случайно первоначальные

---

¹ В XIX в. в мире образовалось несколько новых федеративных государств – Австрия, Бельгия, Германия, Индия, Малайзия, Пакистан и др., но и они в целом соответствовали именно этим типам. И только “социалистические федерации” – СССР и Югославия не уместались в рамки такой типологии, ибо только в этих государственных образованиях в течение нескольких десятилетий могли сосуществовать такие несовместимые по многим параметрам национальные субъекты, как Словения и Черногория в Югославии или Эстония и Таджикистан в СССР. Более подробно об исторических корнях федеративных государств см.: *Элейзер Д. Дж.* Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106–115.

этапы большевистской политики в национально-государственной сфере явились не чем иным, как путем “проб и ошибок”.

Об этом прежде всего свидетельствуют первые законодательные акты Советской власти. Так, содержащееся в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) фундаментальное положение о том, что “Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как Федерация советских национальных республик”¹, вызвало много сложных практических вопросов. Например, таких: о каких конкретно “свободных нациях” или “советских национальных республиках” идет речь? Предполагается ли, что этот новый “свободный союз” территориально будет совпадать с бывшей Российской империей или одновременно с объединением будет идти и процесс самоопределения наций? И наконец, каковы механизмы и этапы этого “свободного объединения” наций, формирования советской федерации?

Данные вопросы не были сняты с повестки дня и в первой Советской Конституции (июль 1918 г.). Хотя в этом Основном Законе нового государственного строя понятие “федеративный” было включено в название нового государства – “Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика”², в нем отсутствовал перечень субъектов федерации, а значит, не был определен такой ключевой вопрос, как территориально-географическое пространство всей федерации, в самом общем виде говорилось об основных параметрах федеративных отношений, о распределении компетенции между центром и субъектами в решении политических и экономических задач³.

---

¹ Образование и развитие СССР как союзного государства: Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 9.

² Там же. С. 14, 16 и др.

³ Там же. С. 19–26.

Можно сделать вывод о том, что новые власти ни теоретически, ни практически оказались не готовы предложить конкретные и реальные проекты нового федеративного устройства в условиях фактически распавшейся Российской империи. И первые государственные акты большевиков свидетельствовали, что они вынуждены были занять выжидательную позицию в национальном вопросе. Только в 1922 г., после окончания гражданской войны и прихода к власти в национальных окраинах пробольшевистских сил, удалось вернуться к вопросу о федерации. Но созданная в декабре 1922 г. Союзная Федерация скоро превратилась в унитарное государство с жесткими централизованными механизмами политической и экономической жизни.

С огромным потрясающим сходством центробежные процессы в национально-государственной сфере теперь уже в рамках нового государства, созданного большевиками на территории бывшей Российской империи – Советского Союза – повторяются через семь десятилетий в конце 80-х – начале 90-х гг.¹ Данная повторяемость проявляется в различных аспектах.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что оба процесса распада государства имеют две фазы. Во время первой фазы наблюдаются лишь отдельные сепаратистские тенденции и явления, как правило, умеренные и скрытые. Потом происходит крупное, революционное по своему характеру событие, которое как бы выполняет роль детонатора политических изменений, после чего начинается стремительный и лавинообразный распад многонационального государства. Из проведенного выше анализа процессов в национально-государственной сфере в начале XX в. не трудно заметить, что в качестве первой фазы выделяется период с марта по октябрь 1917 г., детонатором процесса становится большевистская револю-

---

¹ Богатый исторический и документальный материал, подтверждающий данный вывод можно найти в издании: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

ция, после которой Российская империя распадается на десятки автономных политических образований.

В современный период отечественной истории первые признаки негативных, центробежных тенденций проявляются уже в первые годы горбачевской перестройки. В декабре 1985 г. крупный конфликт с национальной подоплекой происходит в Алма-Ате (Казахстан), где студенты и молодежь организуют демонстрацию протеста против назначения после смерти Д.А. Кунаева на пост первого секретаря республиканского ЦК русского функционера, присланного из центра. На следующий год первые столкновения между армянами и азербайджанцами происходят в Карабахе, в которых каждая из сторон отстаивала свое право на эту автономную республику, входящую в состав Азербайджана. В апреле 1989 г. массовая демонстрация происходит в столице Грузии – Тбилиси. Основное требование демонстрантов – предоставление больших гражданских свобод, в том числе большей самостоятельности республикам. Все данные выступления населения национальных республик удается подавить только с применением силы. В 1989 г. проблема межнациональных и межгосударственных отношений серьезно обостряется после прихода к власти в Прибалтийских республиках националистически настроенных Народных фронтов (или движений), которые сразу же проводят через республиканские Верховные Советы Декларации о суверенитете, в которых провозглашается верховенство республиканских законов над союзными. Вскоре аналогичные Декларации принимают Азербайджан, РСФСР и Молдавия ¹.

Мощным детонатором национальных процессов стал неудавшийся путч 19–21 августа 1991 г. Этот путч привел к дискредитации союзного руководства, к подрыву общесоюзных партийных и силовых структур, в значительной степени обеспечивающих целостность государства. В этих

---

¹ Там же. С. 30.

условиях сохраняющий еще определенную власть Президент СССР М.С. Горбачев предпринимает ряд противоречивых политических шагов: с одной стороны, официально признаются Прибалтийские республики, ликвидируется большинство союзных министерств, закрываются глаза на самостоятельные действия России и других республик в ключевых сферах политической и экономической жизни; с другой – проводятся регулярные встречи руководителей республик, на которых рассматриваются различные варианты сохранения единого государства¹.

Решающую роль в ускорении распада СССР сыграло то объективное обстоятельство, что дальнейшее существование Союза стало противоречить экономическим интересам России. В октябре 1991 г. Б.Н. Ельцин после некоторых колебаний объявил на V съезде народных депутатов РСФСР о начале экономической реформы по либеральному (“шоковому”) варианту. Реализация этого варианта была возможна только при полном контроле финансовой и денежной системы, а значит, в четко фиксированном, локализованном экономическом пространстве России, обособленном от других советских республик, которые также встали на путь самостоятельного экономического развития, но решили играть по существенно иным правилам². Последний мощный толчок распаду СССР пришел (как и в 1917–1918 гг.) с Украины. 1 декабря 1991 г. на референдуме 70% украинских избирателей проголосовало за полную независимость Украины³. После этого распад СССР становится неизбежным, что фактически происходит 8 декабря 1991 г. в Белоруссии, где лидеры России, Украины, Белоруссии подписывают Соглашение, в котором кон-

---

¹ См.: *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 96–97.

² См.: *Мау В.А.* Экономика и политика. Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994 гг. М., 1995. С. 42–45.

³ См.: *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. С. 97.

статуируется, что “Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”¹.

Вопрос о причинах распада СССР в начале 90-х гг. с тех пор неизменно находится в центре научных и политических дискуссий. В. Согрин так формулирует одну из наиболее распространенных позиций: “Признавая значение субъективных факторов, просчетов и амбиций тех или иных лидеров в процессе распада СССР, нельзя сбрасывать со счетов объективные его причины. Одна из них по своему характеру универсальная: мировой опыт свидетельствует, что многонациональные государственные образования, подобные СССР, рано или поздно разрушались, рок распада висел над теми из них, которые управлялись “железной рукой”, и над теми, в которых использовались либеральные методы...”. То, что произошло в начале 1990-х гг. в СССР, можно рассматривать как реванш, взятый историей у революционно-интернациональной политической партии, и как свидетельство того, что “обвал Российской империи в 1917 г. отнюдь не был случайностью”². В.Согрин объясняет распад СССР некими общемировыми тенденциями и закономерностями развития империй. Такое обобщение вполне правомерно, поскольку подтверждается богатым историческим опытом. Но все же его недостаточно для полной интерпретации российских процессов. И прежде чем искать ответ на вопрос: “Почему всегда распадались империи?” – надо понять, в силу каких объективных причин и факторов эти, как правило, огромные и внутренне противоречивые государственные системы могли существовать в течение длительного времени (иногда несколько веков).

Эту относительную устойчивость империй можно объяснить только одним предположением: они имели мощные объединительные факторы,

---

¹ Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. I. С. 95.

² Согрин В. Политическая история современной России. 1985-1994: От Горбачева до Ельцина. С. 100–101.

скрепы, которые на протяжении длительного времени создавали центростремительную силу внутри этих систем.

Сравнительное изучение истории различных империй показывает, что такими факторами выступали, во-первых, взаимные социально-экономические или геополитические интересы государственного ядра и периферии в совместном развитии и, во-вторых, авторитарная государственная власть в империи, которая позволяла жестко и быстро подавлять любые, в том числе и националистические, выступления против существующего государственного порядка.

Действие данных факторов совершенно определенно просматривается и в процессе формирования Российской империи. Разумеется, нельзя отрицать того, что расширение географического пространства Российского государства происходило с применением вооруженной силы и путем завоевания относительно самостоятельных территорий. Но зачастую важнейшим фактором было не насилие, а фактическое совпадение интересов, что не только обуславливало стремление России к овладению определенными периферийными районами, особенно теми, которые обеспечивали выход к морям и сырьевым запасам, но и толкало эти народы под патронаж России¹. Например, в конце XVIII – начале XIX в. совпали военно-стратегические интересы России и государств Закавказья. Православные Грузия и Армения, оказавшись зажатыми между Россией и мусульманской Турцией, разумеется, предпочли покровительство России взамен своей государственной независимости. Россия же в свою очередь заметно укрепляла собственные позиции на северном побережье Черного моря в противостоянии с той же Турцией и другими мусульманскими странами этого региона.

---

¹ Многочисленные подтверждения этому выводу можно найти в издании: Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.

Совпадение интересов России и других государств произошло в XIX в. и в Средней Азии. России необходимо было присоединение этого региона как по причинам военно-стратегическим (необходимость отодвинуть южные рубежи России дальше от срединных районов империи в обстановке усиления влияния в этом регионе мира Англии), так и экономическим (новые залежи полезных ископаемых и сырья, запасы продовольствия и т.д.). Но и народы этого региона, находящегося на весьма низкой ступени социально-экономического и культурного развития, видели совершенно очевидные преимущества от патронажа могучей и относительно развитой в экономическом отношении России. И подобные надежды очень скоро оправдались, ибо именно Россия принесла населению этого региона такие плоды цивилизации, как система здравоохранения и образования, с помощью русского языка приобщила его к мировым достижениям науки и культуры, способствовала достаточно быстрому и заметному повышению уровня жизни населения.

Проявлялось объединительное действие и другого фактора – авторитарной власти самодержавного российского монарха. В начале XIX в. в Российской империи окончательно сложился государственный режим, который создал в кадровом и идеологическом отношении ориентированные преимущественно на славянско-православный этнос военно-административную и правоохранительную системы и который оказался способным на протяжении многих десятилетий эффективно нейтрализовать и сглаживать национальные противоречия, своевременно пресекать различные проявления национализма.

Именно действие двух указанных выше факторов и стало в XVIII–XIX вв. объективной основой и движущей силой объединительного процесса на территории евроазиатского субконтинента, что в конечном итоге и привело к образованию Российской империи и к сохранению на протяжении длительного времени ее целостности. Вообще,

нии длительного времени ее целостности. Вообще, исторический опыт свидетельствует, что стабильность и целостность Российского государства как имперской полиэтнической системы находились всегда в прямо пропорциональной зависимости от действия вышеуказанных факторов. Как только сила и значимость этих факторов начинали по объективным причинам ослабевать, так сразу же происходила дестабилизация национально-государственных отношений, набирали силу тенденции, ослабляющие и разрушающие целостность единого Российского государства.

Особенно заметно данные тенденции проявились в конце XIX– начале XX в., так как именно к этому времени произошло заметное ослабление сдерживающих, объединительных факторов.

В результате кардинальных перемен в мировой геополитической ситуации в конце XIX в. (фактический крах Османской империи, создание военно-политического блока России, Англии и Франции и т.д.) отпала жесткая необходимость военно-политического патронажа России над рядом национальных окраин. Одновременно с этим неизмеримо возрос экономический и социокультурный уровень многих окраинных регионов, что способствовало стремлению к более самостоятельному развитию. Изменился и этнический состав населения империи в сторону увеличения доли представителей нерусских национальностей. За три последних десятилетия XIX в. эта доля увеличилась на 7,5%. К концу века русские (включая малороссов и белоруссов) стали составлять только 65% от общего населения России¹.

В начале XX в. произошло также существенное ослабление авторитарной системы власти. В соответствии с рядом царских манифестов 1905–1906 гг. в России был создан представительный орган – Госу-

---

¹ Подсчитано по: Энциклопедический словарь. Россия. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Спб., 1898. С. 86; Малый энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. 4. Спб., 1909. С. 1244–1246.

дарственная дума, легализировалась политическая оппозиция, образовалась многопартийная система. В этих условиях в стране, особенно на окраинах, появились и фактически открыто начали действовать общественно-политические движения, проповедующие идеи национальной автономии, самостоятельности в различных областях общественной жизни.

Таким образом, и здесь мы обнаруживаем действие закона прямо пропорциональной зависимости силы объективных скрепляющих факторов и целостности российской имперской системы. Теперь только наблюдался обратный эффект: ослабление объединительных факторов в начале XX в. неизбежно привело к постепенному нарушению единства и целостности российского общества. Мировая война и революционные события 1914–1917 гг. заметно ускорили этот процесс.

Но здесь перед нами встает другой, не менее важный вопрос: почему в конце 1918 – начале 1919 г. произошел поворот в развитии разрушительных тенденций и началось постепенное объединение распавшегося государства?

Как отмечалось выше, сохранение унитарного Российского государства в том виде, каким оно сформировалось к началу XX в., по объективным причинам было уже невозможно. Но и цепная реакция распада и дробления бывшей империи в 1917 – 1918 гг. являлась другой крайностью. Государственную самостоятельность в результате этого распада получили не только те территории, которые ее когда-то имели, но и те, которые никогда ее не имели и год-два до этого о такой самостоятельности даже и не помышляли. Такой распад противоречил реальным интересам народов, которые населяли бывшую империю, затруднял и даже делал невозможным нормальную хозяйственную жизнь.

Поэтому, признавая объективный характер процесса ослабления взаимного социально-экономического и геополитического интереса как материального фактора обеспечения единства и целостности Российской империи в начале XX в., нельзя вместе с тем не понимать, что этот интерес на данном историческом этапе еще не исчерпал себя полностью и продолжал сохранять свой пусть и ослабленный потенциал. Ведь в течение многих десятилетий на огромном евроазиатском пространстве формировался единый хозяйственный организм с общей транспортной системой, с общественным разделением труда и кооперацией производства; национальные окраины продолжали еще нуждаться в технической и кадровой помощи со стороны России и т.д. Именно это и стало объективной базой для нового объединения Российского государства, которое осуществили большевики в 1921–1922 гг.

Для этого объединения в тех условиях существовал и еще один фактор. В процессе большевизации бывших национальных окраин в независимых государствах стали устанавливаться однотипные социально-политические режимы коммунистической ориентации. В соответствии с марксистской доктриной, которую проповедовали лидеры этих режимов, коммунизм рассматривался как общемировой процесс, неизбежно приводящий к образованию мирового коммунистического сообщества. В рамках этой логики существование независимых коммунистических государств, которые совсем недавно являлись частями единой империи, представлялось нецелесообразным и даже противоестественным.

Так, в новых условиях на российском национально-государственном пространстве возникло новое равновесие центростремительных и центробежных сил. Но это равновесие было вызвано уже другими, чем в XVIII–XIX вв., условиями и обстоятельствами и поэтому требовало новых форм государственного единства и целостности. Как бы сама жизнь поставила пе-

ред большевиками задачу поиска между крайностями унитаризма и распада новых уникальных моделей национально-государственного устройства России. Решение этой задачи они пытались найти в идее федерализма. Но, к сожалению, такие попытки оказались неудачными.

В конечном итоге произошел возврат к новому унитаризму, и объективно назревшая проблема изменения формы национально-государственного единства России искусственно затушевывалась и на несколько десятилетий была загнана вглубь. Новое унитарное государство, возрожденное на основе еще не исчерпанного взаимного интереса центра и окраин, получило вторую важную скрепу – авторитарный коммунистический режим.

Нечего удивляться и тому, что в конце 80-х – начале 90-х годов старая проблема вырвалась наружу и привела к еще более разрушительным, чем в начале века, последствиям для единства Российского государства.

Таким образом, политическая демократизация российского общества в двух важнейших его сферах – в системе государственной управления и в сфере национально-государственного устройства – дважды в XX в. приводила к негативным, разрушительным результатам.

Какой же выход из сложившейся критической ситуации находило российское общество (а вместе с ним и российские реформаторы)? Таким выходом становилась *сильная централизованная власть*.

Следует заметить, что такая метаморфоза демократического процесса, фактически альтернатива этого процесса, рождалась внутри него самого. Под давлением объективного хода событий шел болезненный процесс переориентации и перерождения демократических лидеров и настроений в обществе в целом.

Подтвердим данный вывод анализом конкретных исторических фактов. Сначала 1917 год.

После июльских событий идея о необходимости сильной исполнительной власти в России становится центральной темой политических дискуссий. Так, 19 июля Временный комитет Государственной думы, обращаясь к Временному правительству, в открытой форме ставит вопрос о том, что стране нужна “твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга”¹. В самом конце июля с требованием к Временному правительству стать “сильной и независимой властью” выступил Девятый съезд Партии народной свободы².

К аналогичному выводу склоняются в этот период и лидеры умеренных социалистов, входящих в правительственную коалицию. Н.Д. Авксентьев (лидер эсеров) 13 июля призывал: “Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны определенно продиктовать свою волю... Довольно дискуссий... Мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии”³. Ю.О. Мартов (лидер меньшевиков) необходимость диктатуры излагал в виде лаконичной формулы: “Временная политическая диктатура или полнота власти всех демократических слоев буржуазного общества является неизбежной фазой развития всякого глубокого переворота, преобразующего сословно-полицейское государство в современно-буржуазное”⁴.

Что касается большевиков, то для них идея сильной власти (диктатура пролетариата) уже с апреля 1917 г. является практической задачей. VI съезд партии (конец июля – начало августа) прямо призвал к непосредственной подготовке к вооруженному восстанию “для взятия государственной власти в свои руки”¹. Какова политическая цель этого восстания и какую форму приобретет новая власть, – прямо вытекало из марксист-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России 1917 г. Июльский кризис. С. 318.

² Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 380.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же.

ской доктрины, которую проповедовали большевики, – установление пролетарской диктатуры.

Тема “сильной власти” стала главной и на Государственном совещании в Москве, проходившем 12–15 августа 1917 г. На этом совещании выступило около 80 человек, и более половины из них прямо говорили о необходимости установления в России сильной исполнительной власти. Обнаружилось между тем два понимания такой власти. Одни отстаивали уже известное мнение о том, что этой сильной властью должно стать правительство Керенского путем придания ему дополнительных и даже неограниченных функций и полномочий. Другие в несколько завуалированной форме высказывались за передачу этой власти в руки военных, имея в виду прежде всего главнокомандующего русской армией Л.Г. Корнилова. Надо отметить, что впервые эта мысль прозвучала накануне Государственного совещания в резолюции Московского совещания общественных деятелей. В этой резолюции говорилось о том, что необходимо правительство, которое “решительно порвет со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, Советов и других подобных организаций”². Поскольку в то время мало кто еще верил, что Керенский способен на такой шаг, то в данной резолюции совершенно очевидно просматривалось предпочтение другим силам.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что после июльских событий практически все влиятельные политические силы видели выход из сложившегося критического положения в усилении исполнительной власти, придания ей неограниченных, диктаторских полномочий. Можно предположить, что мало кто в то время задумывался над природой этой ситуации. Все исходило из реального опыта и эмпирического вывода

---

¹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 256–257.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционная ситуация в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 362.

о том, что созданная после крушения монархии демократическая коалиционная исполнительная власть и построенная снизу доверху система представительных органов в виде Советов не работает, она не способна решить ни одну из наболевших общественных проблем и даже усугубляет своими действиями катастрофическую ситуацию в стране. Таким образом, постсамодержавные структуры оказались как бы неадекватными политической ситуации, явились неэффективной государственной формой переходного периода.

Один из исследователей данной проблемы, М.М. Горинов, акцентирует внимание на экономической подоплеке этой ситуации. Он считает, что вследствие “слабости национальной буржуазии роль лидера-локомотива, тянущего общество по капиталистическим рельсам”, стала выполнять “этакратия” (государственные деятели, не являющиеся сами буржуа), которая выполняла эту роль нерешительно и непоследовательно. Отсюда конфликты, социальная напряженность и т.д. В этих условиях, по мнению М.М. Горинова, решить проблемы России мог только жесткий авторитарный режим, диктаторское “государство развития”, нацеленное на десятилетия социально-экономических реформ¹.

Думается, что экономика и политика в постсамодержавном процессе 1917 г. сплелись в единый клубок. Россия одновременно нуждалась как в политическом, так и в экономическом обновлении. Но оказалось, что без сильного государственного регулятора как механизма, одновременно и стимулирующего и сдерживающего переходный процесс, невозможно было, с одной стороны, сразу, непосредственно перейти от монархического режима к демократической системе власти, а с другой – провести неотложные социально-экономические преобразования в стране.

---

¹ Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 154.

Именно поэтому в период с августа по октябрь 1917 г. различные политические силы переходят от дискуссий о диктатуре к реальным действиям. Так, получив в начале июля “неограниченные полномочия” от Советов, на путь усиления своей власти становится Временное правительство. Принимается целый ряд законов и постановлений, которые сам Керенский назвал “железными”. 12 июля Временное правительство объявляет о введении смертной казни на фронте и об учреждении “военно-революционных судов”. В соответствии с этой мерой избранные по жребию три офицера и три солдата могли принимать любые карательные решения вплоть до смертной казни. Эти приговоры немедленно вступали в силу и приводились в исполнение¹. 13 июля закрывается государственная граница². В этот же день вводятся ограничения свободы печати, по которым без суда могли закрываться любые газеты и редакторы привлекаться к судебной ответственности³. 21 июля министр внутренних дел И.Г. Церетели отправляет на места специальный циркуляр, в котором содержатся такие слова: “За попытки проводить какие бы то ни было противоречащие политике Временного правительства течения, а тем более за содействие и попустительство захватам и самочинным действиям каких-либо групп и контрреволюционным начинаниям я буду предавать виновных в том комиссаров суду. Нет места колебаниям и разрозненным действиям; спасти страну от распада может только сильная объединенная власть”⁴. И наконец, постановлением от 2 августа комиссарам на местах давалось исключительное право без суда принимать решение “о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопасности и завоеванной рево-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 300–301.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 300.

⁴ Там же. С. 319–320.

люцией свободе”¹. Еще до этого, 28 июля, постановлением Временного правительства министрам военному и внутренних дел дается право запрещать собрания и съезды². Ряд аналогичных мер предпринимается Временным правительством и во второй половине августа.

Одновременно с этим происходит и другой процесс. Все более громко и открыто свои претензии на власть начинают предъявлять военные, которые на передний план выдвигают генерала Л.Г. Корнилова. Еще до Государственного совещания Л.Г. Корнилов представил во Временное правительство согласованную с Б.В. Савинковым записку, в которой излагалась программа выхода России из кризиса в условиях войны с Германией. Эта программа предусматривала создание “армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников”, т.е. подчинение военной дисциплине основных видов общественной деятельности³, а также введения смертной казни в тылу⁴.

В 20-х числах августа между Корниловым и Керенским (напрямую и через посредников) велись интенсивные переговоры, на которых на первых порах реально вырисовывалась перспектива компромисса, предполагавшего уступки с обеих сторон. Уступки со стороны Керенского Корнилов сформулировал следующим образом: “1) передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего и 2) отставка всех нынешних министров, не исключая и министра-председателя...”¹. В дальнейшем при организации нового государственного порядка Корнилов допускал установление как единоличной, так и коллективной диктату-

---

¹ Там же. С. 329–330.

² Там же. С. 326.

³ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. С.166.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 422, 626 (примеч. № 215). Необходимо отметить, что данные предложения Корнилова, вызвавшие бурю негодования в демократическом лагере в августе 1917 г., через два-три месяца были реализованы большевиками, но уже в гораздо более жестоких формах и громадных масштабах.

ры в зависимости от обстоятельств². Со своей же стороны Корнилов обязывался не порывать полностью с демократическим лагерем и предлагал ввести в новое правительство представителей этого лагеря, в частности Керенского и Савинкова.

Как известно, такому компромиссу не суждено было воплотиться в действительность. Наоборот, события стали развиваться по пути открытой конфронтации сторон, что в исторической литературе получило название “корниловский мятеж”. Почему же не смогли договориться Керенский и Корнилов? Этот вопрос еще ждет своих исследователей³. Но совершенно ясно одно: именно конфликт между Керенским и Корниловым предопределил трагический финал послефевральской демократии. Примечательны в этой связи слова В.А. Маклакова о корниловском мятеже: ” Это больше, чем преступление. Это ошибка”¹.

Причем это была ошибка не только Корнилова, но и Керенского. Компромисс этих сил (на какой основе и на каких условиях – это другой вопрос) еще давал в той ситуации шанс создать новую более эффективную структуру власти. Вне этого компромисса возможности такой власти были очень призрачны.

После разгрома корниловских частей Керенский предпринимает отчаянную попытку стабилизировать положение. Создается Директория как прообраз сильного и независимого правительства. Но образование это изначально мыслится как временное, переходное. Вне коалиции Керенский по-прежнему не видит перспективы.

Дело в том, что кроме серьезных политических ошибок, которые допустил Керенский в июле–августе, было и еще одно обстоятельство,

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 428, 441.

² Там же. С. 450.

³ Новые и интересные материалы по этому вопросу см.: *Штурман Д.* У края бездны. Корниловский мятеж глазами историков и современников // *Новый мир.* 1993. № 7. С. 219–227.

изначально не позволявшее ему организовать сильную государственную власть. Этим обстоятельством была догматическая вера в святость и всеислие демократии. Керенский как бы попал в “доктринальную ловушку”: догмы революционной демократии не позволяли ему – представителю демократического лагеря – стать диктатором России. Этим революционно-романтическим вирусом были заражены многие деятели умеренных социалистических партий, которые много говорили о необходимости сильной власти, диктатуре, но мало что делали на практике.

Размышляя в эмиграции над причинами поражения демократии, один из ее лидеров, И.Г. Церетели, был вынужден сделать следующее признание (1929 г.): ”...Была одна проблема, которая требовала решения в первую очередь и практическое разрешение которой оказалось не под силу революционной демократии. Это была проблема государства, проблема создания твердой власти, опирающейся на демократические настроения массы и способной защитить завоевания революции не только от угрозы реакции, но и от атак левого максималистского меньшинства”².

Лидеры большевиков оказались в этой ситуации в лучшем положении. Проповедуя диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, они не испытывали сомнений и противоречий ни в трактовке доктрины, ни при ее практическом воплощении.

Таким образом, если подвести итоги анализа политического процесса в России во второй половине 1917 г., то можно сделать

вывод о том, что предпринимались попытки установления диктатуры по меньшей мере в трех вариантах:

Первый. Диктатура военных и верхушки буржуазии (с поддержкой кадетов) и при участии некоторых представителей демократического лаге-

---

¹ История. Еженедельное приложение к газете “Первое сентября”. 1994. № 43. С. 1.

² Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 415.

ря. Попытку установить такую диктатуру предпринял генерал Корнилов в конце августа. Достаточно быстрое поражение этих сил было обусловлено полным отрывом их от Советов, что в тех условиях делало нежизнеспособной любую политическую силу.

Второй. Диктатура Керенского как представителя демократического лагеря (“демократическая диктатура”), имеющего хорошие контакты и влияние среди определенных буржуазных кругов и военных. Эта диктатура не состоялась, поскольку к этому оказался не готов прежде всего сам Керенский и его окружение.

Третий. Диктатура большевиков под прикрытием марксистского доктринального положения о диктатуре пролетариата как государственной форме перехода к социализму. Именно этот вариант диктатуры и реализовался на практике.

Возникает вопрос: существовала ли вообще в России в 1917 г. какая-то гипотетическая альтернатива большевистской диктатуре? Спор на эту тему ведется уже давно. Прежде всего различаются как бы два варианта, типа этой альтернативы: демократическая альтернатива большевикам и альтернатива в виде другой диктатуры. Что касается первого варианта, то он активно обсуждался и обсуждается в различных дискуссиях. И всегда находятся как сторонники, так и противники признания “демократической альтернативы”. Сторонники данной идеи были и на первой свободной дискуссии по проблемам 1917 г., состоявшейся в октябре 1988 г.¹ и на дискуссии 1993 г., где эта тема обсуждалась уже более активно. Один из ее участников, Л.Г.Протасов, высказал твердое убеждение, что есть основания “видеть в Учредительном собрании несостоявшуюся демократическую альтернативу большевистскому режиму”². Рас-

---

¹ Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 63, 102–103, 117.

² Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Спб., 1994. С. 134.

чет здесь строится на том, что у социалистов (без большевиков) на Учредительном собрании было большинство мест.

Данный вывод вызывает серьезные сомнения. Власть социалистического большинства Учредительного собрания – это власть эсеров и меньшевиков. Спрашивается: что мешало им взять под контроль ситуацию в стране, когда на протяжении шести месяцев эта власть (в несколько иной форме) им уже принадлежала? Вообще в рассуждениях о возможности “демократической альтернативы” обнаруживается не столько опора на факты и реалии, сколько надежда на то, что история не могла не оставить для России шанс на более цивилизованный, чем большевистский, выход из катастрофической ситуации 1917 г.

К сожалению, необходимо констатировать, что в 1917 г. Россию могла спасти не “демократическая альтернатива” или какая-то разновидность коллегиально-демократической власти, а только та или иная разновидность диктатуры.

Такая сильная власть была необходима не только для того, чтобы наладить управление политической и хозяйственной жизнью в условиях разрухи, но и для того, чтобы остановить процесс распада самого государства на отдельные, политически независимые друг от друга части. Решая эти вопросы, большевики попали в сложную ситуацию: с одной стороны, рост национального самосознания окраин бывшей империи не позволял сразу объявить строительство нового унитарного государства, а с другой – провозглашенная ими более демократическая форма национально-государственного устройства – федерация также повисала в воздухе, так как никто не знал, как в условиях России можно создать федеративное государство. Жизнь решила и эту проблему. Начиная с 1922 г. происходит постепенный процесс унитаризации нового социалистического государства.

В любом случае история однозначно свидетельствует о том, что остановить прогрессирующий развал экономики, “собрать” распавшуюся империю стало возможно в 1919–1922 гг. не на демократической основе, а при помощи сильной диктаторской власти.

События в СССР к концу 80-х – начале 90-х гг. на новой исторической основе возрождают и эту тенденцию. Начинает проявлять себя специфическая и даже парадоксальная особенность процесса демократизации политической жизни: по мере возрастания роли представительных органов власти в принятии важнейших государственных решений (Съезда народных депутатов и Верховного Совета, избранных в 1989 г. на относительно свободных выборах), происходящего в условиях постепенного ослабления диктата КПСС, под давлением конкретных и объективных обстоятельств политического и экономического развития страны усиливается исполнительная власть (Президент СССР и Правительство СССР). Эта тенденция явно нарастает в последний период существования союзного государства, когда вопрос о предоставлении дополнительных полномочий Горбачеву становится постоянным пунктом в повестке дня Съездов народных депутатов и заседаний Верховного Совета СССР. С еще большей силой действие данной тенденции обнаруживается в российском политическом процессе.

В развитии данной тенденции можно выделить несколько стадий. Первая – это учреждение поста Президента России и избрание на эту должность в 1991 г. Б.Н. Ельцина. Сама по себе эта акция проводилась по аналогии со структурами власти союзного центра, но одной из ее очевидных целей было укрепление не только исполнительной, но и всей государственной власти в России в условиях нарастающего противоборства с союзным центром. К этой же фазе следует отнести и первые месяцы функционирования президентской власти в России, когда реальные про-

блемы общественной жизни заставляли высшие представительные органы решать вопрос о предоставлении дополнительных полномочий Президенту России. Вторая фаза – это противостояние Ельцина и Верховного Совета (Съезда народных депутатов), логика и ориентиры которого привели не к оптимальному распределению полномочий между данными ветвями власти, а, наоборот, к победе одной (Президента) над другой. И наконец, третья фаза наступает после декабря 1993 г., когда в новой российской конституции уже законодательно закрепляется положение, в соответствии с которым Президент обладает значительно большими правами и полномочиями, чем представительная власть (Федеральное Собрание) и получает реальные властные рычаги влияния не только на исполнительную, но и на законодательную сферу государственной жизни.

Приведенные выше наблюдения и выводы имеют эмпирический характер и знакомы любому исследователю и просто наблюдателю современного политического процесса в России. Но в отличие от начала XIX в. в арсенале аналитиков сейчас есть целый ряд научных методов изучения политической жизни, и в частности такой, как исследование общественного мнения по различным аспектам, которое при сопоставлении различных методик может дать достаточно достоверную картину многих скрытых линий развития политического процесса.

Возьмем, например, итоги опросов, которые регулярно проводит Фонд “Общественное мнение”. Так, на вопрос (начало 1995 г.): “Как следовало проводить перестройку?” – 27% респондентов ответили: “Не разрушая социалистического строя”, а 18 % предпочли ответ: “Решительно развивая рыночные отношения в экономике, но не то-

ропясь с введением демократии”¹, т.е. 45 % из опрошенного населения России считают демократизацию советского общества неправильной акцией. В более конкретизированном виде та же общественная позиция набирает еще больше сторонников. Перед респондентами было поставлено два вопроса, на каждый из которых можно было дать только по одному ответу – “да” или “нет”: “Хотели бы Вы, чтобы вернулась жизнь, какой она была при Л. Брежневе?” и “Хотели бы Вы, чтобы вернулась жизнь, какой она стала при М. Горбачеве?” Суммарно утвердительно (“да” и “скорее да”) на первый вопрос (“При Брежневе”) ответили - 55% , на второй (“При М. Горбачеве”) лишь 10%². А что, по мнению российского населения, нужно было делать на самом деле? Для получения ответа на данный вопрос при проведении опроса Фондом “Общественное мнение” акцентировалось внимание респондентов на наиболее болезненных экономических проблемах. И сам вопрос был сформулирован следующим образом: “Являетесь ли Вы сторонником введения режима “жесткой руки” в экономических целях?”. Зимой 1995 г. утвердительно на этот вопрос ответили 55%³. Причем сторонники “жесткой руки” представляют самые различные, даже полярные политические силы. Так, за “введение режима “жесткой руки” для защиты и поддержки частного сектора” высказываются 34% респондентов, а для защиты государственного сектора экономики – 49%¹. Разумеется, что сама формулировка “режим жесткой руки” является достаточно неопределенной, в связи с чем разными респондентами в нее может вкладываться разное содержание. Поэтому интересны ответы на вопрос, в котором данная проблема формулируется в широко употребительных понятиях. Так, на вопрос о том, как

---

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 59.

² Общая газета. 1995. № 17. 27 апреля – 3 мая. С. 8.

³ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 80.

Вы относитесь к суждению: “Для спасения России нужна диктатура, а не демократия”, только 25 % респондентов ответили “согласен”, а 49% – “не согласен”². Является ли это позицией достаточно широких слоев населения или негативные эмоции вызывает само понятие “диктатура”? Определенный ответ на данный вопрос дает исследование Экспертного института РСПП. Перед респондентами был поставлен эмоционально нейтральный, но по существу конкретный и понятный вопрос: “Как вы считаете, что сейчас России нужно больше: порядок или демократия?”. Получилась совсем другая картина: “за порядок” - 75,5% , “за демократию” - только 8,7%³. То же самое подтверждает и мониторинг ВЦИОМа. Из предложенных 10 вариантов на вопрос: “Что в первую очередь Вы ждете от президента, за которого Вы могли бы проголосовать?” – наибольший рейтинг в апреле 1996 г. наряду с ответом: “Покончить с войной в Чечне” (57%) получил ответ: “Обеспечить укрепление закона и порядка” – 56%. Для сравнения, ответ: “ Удержать Россию на пути реформ” – 15%⁴.

Резюмируя анализ фактов современной политической истории России, а также приведенные данные социологических опросов, получаем вполне определенный вывод: в отечественном политическом процессе в настоящее время существует тенденция усиления исполнительной государственной власти, тенденция, отражающая как объективную ситуацию в различных сферах общества, так и умонастроения и ожидания широких слоев населения.

* * *

---

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 83.

³ См.: Известия. 1995. 15 ноября.

⁴ См.: Сегодня. 1996. 18 апреля.

Мы проанализировали в сравнительном плане ряд тенденций и особенностей политического развития России на двух переломных этапах ее истории в XX в. – в 1917-1920-х гг. и в конце 80-х – начале 90-х гг. Из этого сравнительного политологического анализа вытекают, на наш взгляд, два бесспорных вывода.

Первый. Два раза в XX в. политическая демократизация российского общества очень быстро приобретала деструктивный характер и приводила к разрушению важнейших, в том числе и жизнеспособных, структур и связей в различных социальных сферах. Новая демократическая система государственного управления, попытки создания которой предпринимались усилиями постмонархических и постсоветских реформаторов, оказывалась неспособной управлять обществом в переломный период. Наоборот, в рамках этой системы наступала обстановка государственного, правового, хозяйственного хаоса и безвластия. Разрушительные и центробежные процессы начинались и в национально-государственной сфере. Государство и общество разваливалось по вертикали и по горизонтали. Все это сопровождалось прогрессирующей духовной и культурной деградацией широких слоев населения.

Второй. Остановить процесс общественного и государственного распада и деградации удавалось (относительно постсамодержавного периода об этом свидетельствуют исторические факты, а относительно современного этапа - как уже произошедшие события, так и тенденции, направленность которых становится все более очевидной) **только путем возврата к новому авторитаризму**, путем сосредоточения основных рычагов государственной власти в руках централизованных политических структур.

Думается, что ответы на возникающие в связи с этими выводами “почему?” позволят нам правильно определить сущность современного

переходного процесса, его место в историческом генезисе российского общества, а также адекватные стратегические ориентиры преобразовательных процессов в современном российском обществе.

§ 3. Современный переходный процесс и историческая социальная динамика России

Сравнительный анализ различных периодов отечественной истории показывает повторяемость в процессах и явлениях, имеющих не поверхностное, а фундаментальное значение для развития общества. Фиксация этой повторяемости создает эвристическую основу для понимания как сути процессов демократизации в условиях России, так и природы того общества (“советского”), которое существовало между этими процессами.

Выше мы уже рассматривали наиболее распространенные сейчас концепции и модели современных преобразовательных процессов в России и пришли к выводу, что в их основе содержится общая идеологема, в соответствии с которой “советское общество” становится некоей исторической аномалией. Причем прямо или скрытно под “нормой” подразумевается развитое западное общество. Такой подход создает ложные методологические предпосылки для анализа и интерпретации переломных периодов в отечественной истории. Это происходит потому, что нарушается непрерывность российской истории, разрывается единый и целостный контекст, переломные его периоды становятся аномалиями, тогда как, наоборот, они являются неотъемлемым и закономерным звеном во многовековой динамике российского социума.

Вспомним динамическую схему развития России в XVIII - начале XX в., которую мы рассматривали в предыдущей главе. В соответствии с этой схемой в революционном переломе 1917–1920-х гг. погибает общественная система абсолютной монархии, созданная Петром, и начинается новый гиперцикл российской истории, во время которого возникает и развивается новая общественная система (“советское общество”), основанная на новой модели централизация власти и собственности. Петровская модель предусматривала сосредоточение власти и собственности в руках монархического клана с опорой на дворянскую аристократию, в новой “советской” модели в качестве верхушки централизованной пирамиды выступает так называемое “кремлевское руководство” (а на длительные периоды просто неограниченная власть одного вождя), опирающееся на партийно-государственную номенклатуру.

Современные перемены в России (начало они получают еще в период существования СССР, а в настоящее время продолжаются в разных вариациях не только в России, но и в других республиках бывшего Советского Союза) являются сложным противоречивым многоплановым процессом. Теоретически, в рамках нашей схемы социальной динамики России можно предположить два варианта интерпретации этого процесса. Первый – ломка “советской системы” и начало нового (третьего по нашей схеме) гиперцикла, связанного со становлением новой общественной системы, и прежде всего, новой модели централизации власти и собственности. Второй – промежуточный переломный процесс в рамках второго гиперцикла, т.е. внутри продолжающей и далее эволюционировать “советской системы”.

Критерием для выбора между этими двумя вариантами является состояние дихотомии “власть – собственность”. Анализ этой дихотомии показывает, что в современном переходном периоде можно выделить две фазы. Первая фаза – 1992–1994 гг. – это решительная попытка проведения

“шоковых” либеральных реформ в экономике и острое противоборство различных политических сил на федеральном уровне государственной власти. Именно на этом этапе, как мы подробно показали выше, обнаруживается совпадение современных преобразовательных процессов и их последствий с первой попыткой политической демократизации России в марте–октябре 1917 г. Обе попытки закономерно оканчиваются неудачей, так как в основе обновительного процесса лежала одна и та же ложная стратегия, ориентированная только на стандарты и образцы внешнего мира (Запада) и игнорирующая императивы внутреннего российского развития. Фактически это были две попытки изменить Россию без учета самой России, ибо они совершенно не учитывали непреложный исторический факт: Россия *всегда* развивалась на общественных основах, которые для Запада являлись лишь этапом его исторической эволюции и не имели фундирующего значения во всяком случае в последние два века его истории. К таким основам необходимо отнести: а) авторитарный (недемократический) тип государства, управления обществом; б) общину (артель, трудовой коллектив, колхоз и т.п.) как первичную производственную и социокультурную ячейку общества; в) целостность (или, как говорил Н. Бердяев, тотальность) национального менталитета.

Российские реформаторы в своей преобразовательной политике упорно игнорируют эти императивы и опираются главным образом на мировой опыт модернизации общества.

Если говорить конкретно о современном этапе, то необходимо признать, что в 1992–1994 гг. были предприняты серьезные акции для изменения соотношения власти и собственности, наметились некоторые признаки перераспределения властно-собственнических возможностей и статуса различных социально-политических сил общества. Вместе с тем эти усилия и тенденции не получили (и не могли получить из-за изначально ложной

стратегии) своего развития. В 1994–1995 гг. постепенно начинает просматриваться перелом в преобразовательных процессах. Различные политические силы, в том числе и те, в руках которых находились основные рычаги реформационных процессов начинают более чутко прислушиваться к тому, что происходит внутри общества. Намечается переориентация от абстрактных схем к анализу действительной российской жизни. Именно эта *тенденция возврата к прежним позициям* и сама *возможность обратимости* проведенных преобразований свидетельствовали о том, что они не затронули глубинную основу, фундирующую конструкцию – созданную в советском обществе конкретную модель централизации власти и собственности. Не случайно, оценивая ситуацию в современной России представители различных (и даже полярных) политических сил сходятся в одном – в России формируется “номенклатурный капитализм”, при котором “власть и деньги” сосредоточены в одних руках.

В целом совокупная картина современных перемен в России является сложной и неоднозначной. В ней в причудливой форме перемешиваются и черты внутрисистемной реформы, так как сохраняется господствующая ранее дихотомия “власть – собственность”, а на отдельных этапах явно выступают черты революции с ее попытками перераспределения власти и собственности, изменения типа власти и неизбежно обусловленные всем этим такие издержки революционных эпох, как импровизация и скачкообразность в преобразованиях, высокая социальная цена реформ и т.д. Все это позволяет констатировать следующее: современное развитие приобретает черты переходного процесса, не имеющего аналогов в соответствующих переменах XIX в.

Специфические процессы в современной России заставляют в последнее время многих исследователей создавать нетрадиционные теоретические модели переходных процессов. Особенно примечательна в этом от-

ношении дискуссия в журнале “Мировая экономика и международные отношения” под названием “Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности”¹. Уже в самом названии дискуссии содержатся по меньшей мере три момента, свидетельствующие о попытке выработки нового подхода к анализу современных перемен в России. Во-первых, участники дискуссии отходят от устоявшихся представлений о диалектическом соотношении целого и части, общего и особенного и других постулатов диалектического материализма. На передний план выдвигается идея о существовании двух типов законов: общемировых (глобальных) и локальных, действующих на уровне стран, общественных систем. М. Чешков, например, считает, что важнейшей задачей современных исследований является анализ “взаимосоотнесенности двух рядов... мироцелостности и регулярности отдельных частей этой целостности”². В другом месте данный автор говорит о необходимости выявления механизмов, связующих эти “два логических ряда миробразования” или логики “двух процессуальных рядов”³.

Во-вторых, для определения взаимодействия этих двух типов закономерностей (“двух логик” общественного развития) в дискуссии употребляется редкий термин, термин-метафора – “скрещение закономерностей”. Тем самым подразумеваются сложные вариации стыковки, наложения тенденций и отношений, формирующихся на различных срезах социальной реальности. При этом делается особый акцент на локальные закономерности, “уровень страновой реальности” (М. Чешков)¹. В. Гельбрас считает, что специфику локальных закономерностей определяют так называемые “культурно-исторические доминанты”, обуславливающие своеобразие

---

¹ Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности //Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12; 1996. № 2.

² Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности//Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12. С. 6.

³ Там же. С. 8.

социальной динамики отдельных стран (по его мнению, таких как Россия и Китай), формирующие самодостаточные условия существования этих стран, в числе которых он выделяет “ориентальную традицию нераздельности власти и собственности”².

И наконец, в-третьих, модель взаимодействия различных социальных закономерностей в контексте современного мира непосредственно связывается с проблемой переходности, с реальными переломными, преобразовательными процессами, которые, по мнению участников дискуссии, не только происходят сейчас в отдельных странах, но и приобретают глобальные измерения.

При всей новизне и эвристической ценности идей, выдвинутых в рассмотренной дискуссии, необходимо вместе с тем признать, что мы имеем дело только с постановкой проблемы. Неясными остаются вопросы об источниках глобальных и локальных закономерностей, обусловленности этого скрещивания, его интенсивность; глобализация переходного процесса затрудняет и выявление специфических типов переходных состояний и т.д.

Думается, что прояснению этих вопросов способствует идея о существовании мировых и локальных детерминационных источников или матриц социальной динамики, создающих ее различные временные ритмы и колебания.

Несмотря на специфику современных переходных процессов в России, в целом они также подчиняются историческим национальным механизмам социальных изменений. Как и в прошлом веке, с определенным запаздыванием на российское общество оказывает свое действие внешний временной ритм. Ученые, которые в настоящее время изучают мировую экономику на основе теории длинных волн, отмечают, что в 70-х гг. наше-

---

¹ Там же.

² Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности //Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 50–52.

го столетия, т.е. примерно за 10-15 лет до преобразований в СССР (России), мировая конъюнктура достигает “фазы Т” (IV цикла, если принять за основу нумерацию Кондратьева)¹. В этом смысле все повторяется, как и при II и III циклах “фазы Т”, которые вызвали в России мощные преобразовательные процессы.

Как мы уже отмечали выше, эти процессы в указанных случаях приводили к принципиально иным изменениям в российском обществе. С одной стороны, реформы 60–70 гг. XIX в. (II цикл), с другой – революционные катаклизмы 1917–1920 гг. Причина заключается в том, что внешний ритм был сопряжен с совершенно разными по силе и интенсивности внутренними ритмами, идущими из глубин российского общества, из фундаментальных переплетений властно-собственнических отношений.

Такое понимание причины диаметрально противоположных изменений в российском обществе позволяет, на наш взгляд, адекватно интерпретировать и современные реформы.

Основной импульс этих реформ был внешнего происхождения, но ход их развития определялся сложными и противоречивыми процессами в сфере властно-собственнических отношений советской системы. Именно этим обусловлены зигзаги и колебания современного преобразовательного процесса. С одной стороны, советская модель централизации собственности и власти оказалась к 70-м гг. в достаточно критическом состоянии, что и вызвало внутренний ритм общественных перемен. С другой – эта же, хоть и деформированная система оказалась еще достаточно жизнеспособной для дальнейшего развития в несколько обновленном виде, но без разрушения ее фундамента.

---

¹ См.: Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4. С. 56.

Поэтому правомерно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые катастрофические элементы перемен, которые в последние годы разворачивались на наших глазах в России, мы все же переживаем не системную революцию, связанную с созданием новой модели соотношения (централизации) власти и собственности. И это не потому, что плохо старались “революционеры”, а потому, что для такой революции еще время не подошло.

Глава 4

ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И САМОБЫТНОСТЬ РОССИИ

Анализ социальной динамики России, проделанный автором настоящей диссертации, подводит к выводу о том, что она (динамика) имеет два взаимосвязанных детерминационных основания. Во-первых, Россия находится в поле общемирового тренда и подчиняется вектору его развития. Во-вторых, на ее эволюцию существенное корректирующее воздействие оказывает собственная национальная матрица, формирующаяся во властно-собственнических отношениях.

Для того, чтобы от этого основополагающего вывода перейти к теоретико-практическим, прикладным аспектам рассматриваемой проблемы (а именно эту задачу ставит перед собой автор диссертации на данном этапе исследования) необходимо рассмотреть имеющиеся научные концепции и подходы к проблеме переходности как к повторяющемуся и специфическому явлению эволюции органических систем. Затем уже можно будет проанализировать проблему преломления, адаптации общих свойств (или характеристик) переходных процессов в специфической социальной среде России. Все это позволит выявить ряд самобытных фундирующих основ развития российской государственности, которые, по мнению автора диссертации, могут и должны стать ориентирами стратегии преобразований в российском обществе на современном этапе.

§1. Типология общих теорий переходности (критический анализ)

Проблемам переходности в мировой современной науке посвящена огромная литература. Даже беглое знакомство с ней открывает многообразие моделей и методов, при помощи которых исследователи пытаются проникнуть в суть переломных периодов в развитии общества и природы.

Общая типологизация этого мощного научно-исследовательского массива приводит нас к выводу о том, что целесообразно выделить три основные группы теорий переходности.

Первая – философские или историософские теории. Эти теории входят составной частью во все фундаментальные философские системы и непосредственно обусловлены определенной парадигмой социального времени (линейного, циклического или линейно-циклического, "спираль"), социального развития и рассматривают переходный процесс как фазу, период развития социального бытия. Поэтому ни одна более или менее заметная философская (или историософская) система как в прошлом, так и в настоящее время (например, миросистемная модель Броделя, основанная на идее сегментации социального времени) не могла обойтись без своей модели переходности¹.

Но эти теории дают нам свое представление только о сути явления, направленности его развития, но не предлагают методологию анализа конкретных ситуаций и тем более методологию выработки программы практических действий в этих ситуациях.

---

¹ Данные теории анализируются в первой главе настоящей работы как ее исходная философская база.

В советской научной литературе в рамках формационной теории существовало целое направление изучения переходных периодов от одной общественно-экономической формации к другой¹.

Вторая – *математизированные теории*. Данные теории переходности начали разрабатываться в конце 60-х – начале 70-х гг. нашего века в рамках математической теории катастроф, которая в то время противопоставлялась ньютоновской теории математического анализа. Утверждалось, что, если “ньютоновская теория позволяла исследовать лишь плавные, непрерывные процессы”, то, “теория катастроф дает универсальный метод исследования всех скачкообразных периодов, разрывов, внезапных качественных изменений”². Теория катастроф была построена на строгом математическом аппарате и графическом материале и оперировала главным образом абстрактными или природными объектами. Правда, в ней сразу же образовалось направление, стремящееся перенести математические методы и модели и на социальную сферу³. У нас в последнее время к теории катастроф все чаще стали обращаться экономисты, изучающие переходные процессы⁴.

Теория катастроф помогла выявить целый ряд общих характеристик и закономерностей возникновения и протекания переходных процессов. Но в целом необходимо отметить, что область применения ее методов в социальной сфере очень ограничена, так как теория катастроф полностью отстраняется от специфических (субъективно-волевых) факторов социально-

---

¹ Сошлемся здесь только на два коллективных и в определенном смысле итоговых, изданиях, выпущенных Институтом философии АН СССР: Смена стадий общественного развития. Проблема переходных периодов и переходных форм общественных отношений. М., 1982; Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Формационные ступени общественного развития). М., 1986.

² Арнольд В.И. Теория катастроф. М., 1990. С. 7.

³ См.: Арнольд В.И. Теория катастроф. М., 1990; Касти Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М., 1982; Постон Г., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.

⁴ См.: Переходы и катастрофы. Опыт социально-экономического развития. М., 1994.

го процесса, что, впрочем, сознают и сами представители теории катастроф¹.

Существенный толчок к изучению отдельных аспектов нестабильных, переломных периодов в эволюции динамических систем дали теории систем, которые с конца 60-х гг. стали активно разрабатываться в СССР. Анализ исследований в этой области показывает, что на протяжении длительного времени они искали свое применение прежде всего в конкретных сферах жизнедеятельности человека (медицина, педагогический процесс) и в меньшей степени пытались создать системные модели развития общества как единого целого².

Третья – политологические теории. Данные теории появились как ответ на объективную потребность в анализе такого феномена второй половины XX в., как переход бывших тоталитарных или авторитарных режимов к демократии. Над всесторонним (хотя и не без явного уклона в политическую сферу) изучением этих периодов на Западе уже несколько десятилетий работают многочисленные научные центры, собравшие и обобщившие богатейший материал из новейшей истории Германии, Испании, Португалии, Греции, Чили и ряда других стран. На основе этих исследований выпущено огромное количество изда- ний³.

Результаты этих исследований весьма полезны для анализа переходных процессов, но тем не менее прямо и непосредственно лежащую в их

---

¹ Т. Постон и И. Стюарт пишут: “Заключения, выведенные из них (из гипотез теории катастроф. – *Авт.*), могут быть полезными..., но их нельзя рассматривать как теоремы об обществе” (*Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения.* М., 1980. С. 514).

² См., периодическое издание: Системные исследования: Ежегодник (1969–1991 гг.), а также сборники: Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983; Диалектика и системный подход. М., 1986.

³ Назовем только наиболее фундаментальные из них: *From Dictatorship to Democracy: Coping with the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism.* Westport, 1982; *Transition from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy.* Baltimore, 1986; *The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece and Portugal.* L., 1984. Обзорно-реферативные материалы о данных исследованиях в отечественной периодике см.: *Хенкин С.М.* Испанские социалисты: политическая практика и научные изыскания // *Полис.* 1990. № 6; *Стрижевская Ю.* Переходы от авторитарных режимов // *Общественные науки и современность.* 1992.

основе теоретическую модель посттоталитарного или поставторитарного развития применять к анализу современных переходных процессов в России некорректно, так как здесь в настоящее время происходят изменения по своей сути более сложные, чем посттотаризм или поставторитаризм.

Таким образом, при обобщенном типологическом анализе существующих теорий переходности мы сталкиваемся как бы с двумя исследовательскими полюсами: одни теории оперируют абстрактными схемами, философскими или математизированными моделями, которые прямо не работают при анализе реальных процессов, другие, наоборот, строят свои обобщения и модели на реальном, эмпирическом материале, но, как оказывается, их также неправомерно непосредственно использовать при анализе специфических социальных сред. Данное заключение подводит нас к мысли о необходимости создания такой теории переходности, которая смогла бы интегрировать существующие подходы и создать модели переходных процессов в социальных системах, имеющих сложную и многоуровневую сеть детерминаций как общемировых, так и конкретно национальных. Необходимость создания именно таких моделей осознается многими учеными во всем мире. И не в последнюю очередь этому способствовало фактическое фиаско западной гуманитарной науки, которая оказалась в конце 80-х гг. не в состоянии не только спрогнозировать, но даже объяснить катастрофические процессы, которые произошли в бывших социалистических странах, особенно в СССР.

Но такая теория не может быть ограничена лишь областью общих понятий о природе, свойствах и закономерностях переломных процессов. Она должна быть адаптирована к конкретной социальной среде. Особенно это важно при анализе переходных явлений в сложных общественных

системах, социальная динамика которых основана на действиях не только внешних (общих), но и внутренних (национ-альных) матриц развития. Последнее замечание означает, что общие представления о переходном процессе должны быть дополнены стратегией (или алгоритмом) перехода, понимаемой как осмысленная и нацеленная на перспективу деятельность людей по реализации научного знания в конкретных социальных и исторических условиях.

§ 2. Переход как особая форма социального бытия

Существует множество теорий и интерпретаций переходных явлений в обществе, но несмотря на это давно замечено, что они фактически не поддаются интерпретации с помощью понятий и логики “нормального развития”. Специалисты, изучавшие различные сферы и аспекты переходности, выходят из положения тем, что только констатируют во многом непонятную, непредсказуемую природу переходных процессов. В экономической литературе, например, встречается трактовка переходного процесса как своеобразного, “черного ящика”: “исследователь знает, что, имея данную информацию о количественных изменениях на входе, он не может с полной определенностью предсказать какие изменения вызовет введение данной информации на выходе”¹.

Американский ученый В. Банс, например, предпочитает употреблять при характеристики переходных процессов такие понятия как “неопределенность” и “непредсказуемость”².

---

¹ Переходы и катастрофы: Опыт социально-экономического развития. С. 13.

² См.: Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. № 1. С. 13.

На то, что в переходные периоды происходит что-то действительно не то, что легко укладывается в наши общепринятые представления о мире, свидетельствуют и некоторые факты русской истории.

Общепринято, например, такое умозаключение: для выведения страны из ситуации противостояния и хаоса необходим сильный национальный лидер, который мог бы сплотить и мобилизовать народ на решение крупных задач. Но возьмем, например, русскую Смуту XVII в., которую многие авторы сравнивают с современным этапом нашего развития, справедливо называя его также величайшей смутой. Но, какой лидер вывел русский народ из Смуты XVII в.? По авторитетному мнению В.О. Ключевского, такого лидера не было. “Московское государство, – пишет он, – выходило из страшной Смуты без героев; выводили из беды добрые, но посредственные люди”¹.

Изучение переходных процессов в России может разрушить не только вышеуказанные, но и другие стереотипы.

Все это заставляет нетривиально посмотреть на природу переходного общества.

2.1. Природа переходного общества

В большинстве теорий переходности природа переходного общества истолковывается, в сущности, как тривиальное смешение элементов старого, уходящего и разрушающегося общества и нового, нарождающегося, формирующегося общества. Именно на этой идее построены

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 58.

многие экономическѣе теории переходного кризиса как сложно и болезненно разрушающегося противостояния, конфликта старого и нового¹.

Думается, что это очень упрощенная трактовка переходного общества. Усомниться в этом заставляют, например, исследования и описания так называемых неустойчивых, диссипативных структур, которые проводились еще в начале 50-х гг. в СССР (Б. Белоусов), а затем в 70-е гг. продолжались на Западе (И. Пригожин и Г. Хаген).

В этих исследованиях были обнаружены удивительные свойства промежуточных продуктов химических реакций. В частности, во время этих реакций были зафиксированы особые структуры, которых нет ни в начале реакции, ни после нее; эти структуры рождаются и живут только в условиях переходного хаоса и исчезают, как только система начинает получать стабильные измерения². Эти данные наводят на мысль о том, что переходные состояния общества – это не просто смешение допереходных и постпереходных состояний, а это иная, “третья” социальная реальность, имеющая *иные* социальные структуры и социальную природу.

Дополнительные аргументы в пользу такого вывода мы получаем при анализе природы времени, которое протекает в переходных обществах. Его также нельзя однозначно истолковать или как линейное (или нелинейное), или как циклическое (или нециклическое) – это сгусток, синтез временных ритмов, различных не только по протяженности, но и по своей природе. По мнению А. Панарина, например, такой интегративной природой (“срединное время”) обладает социальное время России вообще, в силу ее срединного, промежуточного цивилизационного положения³.

---

¹ См. например: *Аукуционек С.П.* Теория перехода к рынку (пособие для изучающих микроэкономику). М., 1993.

² См: *Трофимова И.* Философия волшебной палочки. Хаос, на котором держится мир // Независимая газета 1996. 16 апреля. С. 6.

³ См.: *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процесс. М., 1985. С. 29–31. О “нелинейности” и “завихрении” социального времени (и пространства) в переходные периоды пишет А.В. Бузгалин (см.: *Бузгалин А.В.* Переходная экономика: Курс лекций по переходной экономике. М., 1994. С. 22–24).

Еще с большей силой необычность времени начинает проявляться и ощущаться людьми в период переломных процессов. На это явление обратили внимание в своих исследованиях специалисты Института социологии АН СССР. Материалы социологических опросов привели их к следующим заключениям: “В переходный период становится проблематичной сама включенность человека в социальный поток времени. История, общество, группы, индивиды начинают жить по разным часам... В переходных структурах время становится самостоятельной, равнодушной и отчужденной силой по отношению к человеку. Та связь времени и человека, о которой он обычно не задумывается, становится предметом заботы, усилий и решений, надежд и огорчений”¹. Ситуацию эту можно определить метафорой, произнесенной одним из литературных персонажей: “Распалась связь времен !”

Возникновение “иных” структур и “иного” времени в переходном обществе обусловлено, на наш взгляд, пересечением в нем различных по своей природе детерминационных влияний. Важнейшие среди них – это внешние детерминации.

В отечественной гуманитарной мысли уже давно существует целое направление изучения внешних воздействий на общество, направление и по сей день до конца непонятое и широко не признанное – “русский космизм”², представители которого предлагали для более адекватного понимания социальных изменений выйти за земные рамки и обратить внимание на Космос.

А.Л. Чижевский, например, автор появившейся в 20-х гг. и давно забытой теории физических (в основном – солнечных) влияний на исторический процесс писал: “Человечество, населяющее Землю, находится под по-

---

¹ Влияние переходных социокультурных структур на социальные качества человека. М., 1990. С. 37.

² См.: Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993.

стоянным, мощным и сложным воздействием Космоса, которое мы лишь с трудом учимся улавливать и понимать. Но для нас уже нет никакого сомнения в том, что жизнедеятельность и отдельного человека и всего человечества находится в тесной связи с жизнедеятельностью всей Вселенной, охватывающей земной шар со всех сторон... Не только солнце, ближайший к нам источник энергии и жизни, оказывает на нас свое великое влияние, но весь окружающий мир, с бесконечным количеством небесных тел, являющихся источником ряда воздействий, раскрытие которых, по видимому, составит одну из увлекательнейших задач грядущей науки¹”.

Слова эти сказаны несколько десятилетий назад, но задачи, о которых говорил Чижевский, актуальны и для современной науки.

Думается, что достаточно плодотворным направлением в анализе социальной динамики может стать изучение различных уровней детерминации развития на примере какой-то отдельной общественной системы (например, России), эволюция которой, особенно переломные периоды может помочь понять механизмы взаимодействия детерминационных уровней. Таких уровней может быть выявлено достаточно много, но представляется совершенно определенно, что они разделяются на две категории – эндогенные (внутренние), в качестве которых выступают названные матрицы (или матрица) развития локальных систем и экзогенные (внешние) уровни. К этому типу уровней детерминационных влияний кроме уже давно изучаемых, например, динамика мировой (прежде всего наиболее развитой) экономики (кондратьевская волна) необходимо отнести и влияние космоса, который в свою очередь является безусловным источником различных изменений в хозяйственной жизни на Земле и прямо

---

¹ *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 695, 696.

влияет на динамику экономической жизни¹. Природные и динамичные характеристики этих космических влияний относятся на сегодняшний день к наименее познанным явлениям (см. схему на с. 245). Разумеется, что на пути этого познания стоят действительные препятствия, так как, судя по всему, современные исследователи в настоящее время пока не располагают адекватными методологическими и эвристическими средствами для целостного познания космической (неземной) реальности. Д.И. Вернадский, например, полностью осознавая эту трудность, предлагал проникновение в тайну Космоса начинать с изучения земной жизни и земных явлений. В одной из своих работ он писал: ”Ясно, что жизнь неотделима от Космоса и ее изучение должно отразиться – может быть, очень сильно – на его научном облике”². Невольно в этой связи вспоминается афоризм Маркса: “Анатомия обезьяны – ключ к анатомии человека”.

Указанный методологический принцип было бы целесообразно применить и при изучении социальной динамики. Переходные процессы, как периоды чрезвычайных аномалий и возбуждений в общественной жизни, фаза пересечения и переплетения различных временных ритмов, а значит детерминационных матриц (или детерминационных уровней – в том числе и космического) могут дать ключ к познанию более общих закономерностей человеческого бытия. В эти периоды как раз потому и течет “иное время” и возникают “иные структуры”, что здесь “время” и “реальность” Земли пересекаются с “временем” и реальностью” Космоса.

Такой подход должен вывести гуманитарные, в том числе и исторические исследования за рамки традиционных понятий и терминов, ограни-

---

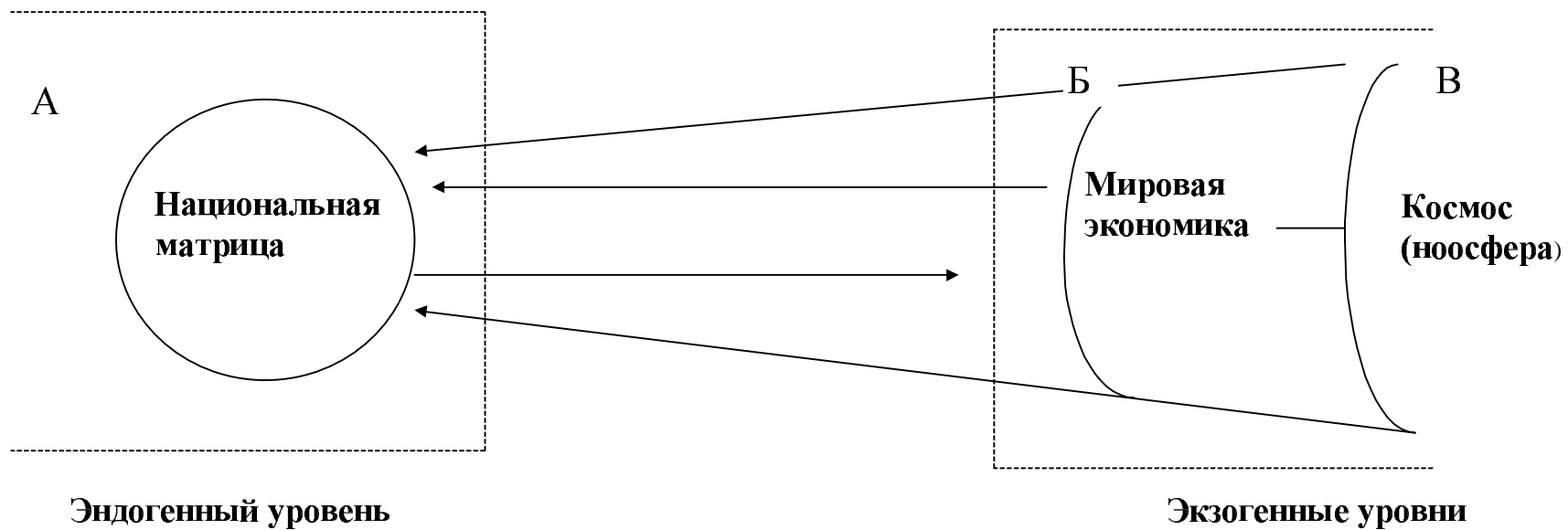
¹ См.: *Чижженский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924; *Ковалев Ю.* Перспектива России: коммунистический ренессанс? (Космический аспект проблемы). М., 1994. Наличие экзогенных космических факторов здесь только констатируется как неотъемлемая составная часть общей схемы детерминационных воздействий на российскую социальную динамику, но подробно не рассматривается, так как эта проблема по изначальному замыслу автора выходит за рамки настоящего исследования.

² *Вернадский В.И.* Изучение явлений жизни и новая физика // Труды биогеохимической лаборатории. Т. XVI. М., 1980. С. 276.

ченность которых в объяснении важнейших общественных явлений и процессов – например, переходных – становится все болееочевидной. Возьмем, к примеру, проблему реформ в российской истории. Ей посвящено немало литературы, но как это не парадоксально звучит, в ней так и не дано убедительных объяснений ключевому и “вечному” вопросу – почему все российские реформы, как правило, не приводили к желаемым результатам и переходили в контрреформы?

Схема
детерминационных уровней социальной динамики
(в рамках отдельной общественной системы - например, России)

В солидном издании А.А. Искендерова¹, которое имеет для данной темы во многом итоговый и обобщающий характер, на прямую постановку данного вопроса следует перечисление следующих причин: не достаточно сильные и слаженные усилия реформаторов, сопротивление антиреформаторских сил, отсутствие широкой социальной базы, позиция императора т.д. и т.п.² Разумеется, такие обстоятельства не могут быть признаны убедительными причинами кардинальных общественных сдвигов в России от реформ к контрреформизму, они не могут объяснить ни ход отдельных реформ, ни повторяемость реформационно-контрреформационных процессов, ни тем более сложную и противоречивую природу реформы как переходного общественного процесса. Не могут, потому что современная историческая наука по-прежнему оперирует моделями причинно-следственных связей, не выходящих за рамки сугубо общественных явлений. Становится понятным при этом, достаточно резкое и неожиданное замечание Чижевского: “... Следует признать тот неоспоримый факт, что *история человечества есть совсем нечто другое, чем история историков*. Последние не много понимали и понимают в жизнедеятельности того *огромного биологического вихря, который метет человечество вокруг некоторого постоянного физиологического центра и проекционную схему которого дает нам история*, глядящая на этот вихрь из платоновой пещеры”³. Данное замечание в определенной степени относится и к другим социально-политическим наукам.

---

¹ Следует отметить, что А.А. Искендеров является член.-корр. РАН и гл. редактором журнала “Вопросы истории”, т.е. его мнение в среде историков весьма авторитетно.

² См.: Искендеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 113–114. Полный текст работы опубликован в журнале “Вопросы истории” (1993. № 3, 5, 7; 1994. № 1, 6).

³ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 642.

2.2. Основные характеристики (или свойства) переходных процессов

Понимание природы переходного общества должно быть дополнено раскрытием его основных характеристик или свойств, которые проявляются при динамических явлениях внутри этого общества. Можно выделить несколько таких закономерностей или свойств.

Первое заключается в неизбежном и резком ухудшении состояния системы в период ее перехода от одного состояния к другому. Параметры этого переходного состояния значительно хуже, чем были до перехода и будут после него. Отечественный исследователь В.Ф. Венда формулирует данную закономерность через понятие “структура” следующим образом: “... При переходе на другую структуру, в том числе и существенно более перспективную, по возможному при ней максимуму эффективности возникает тенденция снижения эффективности на период, необходимый для трансформации старой структуры в новую”¹. Переходное общество – это зародыш, эмбрион предполагаемой, будущей общественной жизни, поэтому оно “хуже старого”, по многим параметрам менее развито, чем старое состояние, но оно “хуже” нового, ибо еще только стремится развиваться в это новое.

Второе. Важной характеристикой, выявленной в ходе эмпирических наблюдений за поведением различных систем, является прямо пропорциональная зависимость снижения неустойчивости, нестабильности системы и близости “порогового” рубежа, за которым начинается новое качество². Иными словами – процесс снижения неустойчивости системы в основных параметрах ее функционирования имеет необратимый характер, и поэтому возможность “нового отката” у границ “порогового” рубежа мало-

---

¹ Венда В.Ф. Волны прогресса. М., 1989. С. 14.

² См.: Касты Дж. Большие системы: Связность, сложность, катастрофы. М., 1982. С. 181–182; Арнольд В.И. Теория катастроф. М., 1990. С. 101.

вероятна. Возникновение нового качества означает разрушение и исчезновение переходных (иного, “третьего”) времени и реальностей, и процесс этот имеет необратимый характер.

Эти явления не надо путать с механизмом адаптации системы к постоянно меняющимся внешним условиям, который действует на всех фазах развития системы. В переломные периоды адаптационные процессы, течение которых можно предугадывать, заменяются пороговыми (или бифуркационными) изменениями, развитие которых уже непредсказуемо¹. Н. Моисеев проиллюстрировал данную ситуацию на примере протекания жидкости по трубе. Пока количества жидкости мало, ее течение имеет ламинарный характер, т.е. все слои жидкости перемещаются параллельно, не перемешиваясь. Когда переходится некий порог количества жидкости, то характер его движения становится турбулентным, т.е. слои жидкости перемешиваются, создаются вихревые потоки².

Примерно тоже самое происходит и с социальными системами, когда они в своем развитии переходят некий порог и вступают в полосу развития, которая характеризуется непредсказуемыми флюктуативными изменениями.

Как происходит “самоспасение” системы в этой ситуации – не до конца ясно. Похоже, что общество (как любой живой организм) в момент перенапряжения сил получает “второе дыхание”, позволяющее ей преодолеть преграды. Эти качества экстремальной ситуации, являются недолгоживущими индикаторами “иного “ времени, “иной” реальности. Они появляются для спасения системы и выведения ее на новый уровень качества, при нормальном ходе развития они не нужны.

---

¹ См.: Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1989. С. 29–32.

² См.: Там же. С. 31–32.

Третье. В переходном обществе всегда взаимодействуют постепенные и взрывные процессы. Это две формы развития переходного времени и переходной реальности, они не могут подавить друг друга, хотя и находятся в состоянии постоянного противоборства и не могут обойтись друг без друга. На эту закономерность обратил внимание, в частности, Ю.М. Лотман при анализе процессов развития культурных и семантических систем. В своей итоговой книге “Культура и взрыв” он писал: “Постепенные и взрывные процессы, представляя собой антитезу, существуют только в отношении друг к другу. Уничтожение одного полюса привело бы к исчезновению другого... Нас не должно вводить в заблуждение то, что в исторической реальности они выступают как враги, стремящиеся к полному уничтожению другого полюса. Подобное было бы гибелью для культуры. К счастью, оно не осуществимо”¹. Существование этих двух полюсов переходного развития есть отражение и проявление бинарности мирового бытия как одного из его фундаментальных свойств. Сочетание постепенности и взрывности в динамическом процессе может быть различным: они могут сменять друг друга, а могут происходить и одновременно, но в разных пластах или сферах процесса. Ю.М. Лотман описывает эту закономерность следующим образом: “Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействие этих пластов... Еще более существенно одновременное сочетание в разных сферах культуры взрывных и постепенных процессов”².

Данный методологический принцип – сочетание постепенности и взрывности, скачкообразности – очень важен для анализа общественных переходных процессов. Эти процессы не могут успешно развиваться либо только в виде взрывов, либо только как постепенное развитие. В реально-

---

¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 17–18.

² Там же. С. 25–26.

сти происходит их сложное и противоречивое сочетание. Но это уже не только теоретическая, но и практическая проблема. Первостепенное значение это положение имеет для современных отечественных процессов, о чем также размышляет Ю. Лотман, ибо, по его мнению, “русская культура осознает себя в категориях взрыва”, что обусловлено во многом ее историей и ее культурной традицией”¹.

Выделение и рассмотрение данных характеристик показывает, что адекватное понимание механизмов и тенденций переходных общественных процессов возможно только в рамках философского анализа развития органических систем, в контексте единых свойств развивающегося бытия. Сведение же данной проблемы только к развитию социума и тем более к его отдельным сферам неизбежно приводит исследователя к упрощениям.

Так, например, в современных отечественных экономических теориях переходного периода существует достаточно специфическая трактовка рассмотренных выше характеристик. В рамках этих теорий отдельные элементы и явления переходных процессов анализируются при помощи обобщающего понятия “переходный кризис”². Снижение эффективности общества, адаптационные изменения и т.д. объясняются рыночным реформированием планового хозяйства. Правда, при этом следует важная констатация того, что “это особый тип кризиса, мало похожий на те, которые изучала экономическая наука на протяжении 200 лет. Неудивительно, что многие его черты оказались полной неожиданностью для специалистов”³. Думается, что в России действительно происходят сейчас переходные явления, которые не могут быть объяснены только в категориях экономических кризисных измерений, потому что меняется не только экономика и не

---

¹ Там же. С. 269–270.

² См. например: *Аукуционек С.П.* Теория перехода к рынку (пособие для изучающих микроэкономику) М., 1993. С. 20–23.

³ *Аукуционек С.П.* Кризис переходного периода: микроэкономический аспект // Куда идет Россия? Альтернатива общественного развития. II. М., 1995. С. 80.

только плановое хозяйство, но и происходит очередной кардинальный сдвиг во многовековой динамике российского общества.

§ 3. Главные стратегические ориентиры современных преобразований в российском контексте

В целом стратегия трансформационного процесса является неким промежуточным концептом, с одной стороны, общим, основанным на понимании природы и закономерностей переходных состояний в целом, с другой – достаточно конкретным, позволяющим ясно представлять исходные позиции реального процесса, его основные тенденции и главные ориентиры в контексте национального исторического развития. Для выработки такой стратегии необходимо решить две концептуальные задачи:

1. Определить место современного этапа развития России в историческом процессе ее социально-политической динамики и тем самым максимально точно определить, в каком узле, пересечении внешних и внутренних временных ритмов страна находится в настоящее время. Именно это и позволит правильно ответить на главный вопрос современных дискуссий: “От чего и к чему идет современная Россия?”

2. Определить наиболее приемлемые и эффективные алгоритмы трансформации современного российского общества, исходя из исторического опыта России.

Решение этой двуединой задачи позволит отойти от концепции “ломки социализма” – социально-политического строя, существовавшего в России всего 70 лет, и перейти к стратегической модели реформирования общественной системы, которая имеет многовековую траекторию социальной динамики. В современной политической борьбе в России о стратегии

преобразований говорят много. Но чаще всего употребление этих понятий имеет метафорический характер, существующие стратегические разработки сугубо прагматичны, у них отсутствует серьезная философско-методологическая база.

Встречаются и исключения. В качестве таковых укажем на две стратегические модели, принципиальные положения которых наиболее соответствуют научной позиции автора настоящей работы. Речь идет о “евразийском проекте” А.С. Панарина и о стратегии реформирования экономики России, разработанной группой под руководством Л.И. Абалкина¹. Обе модели имеют много общего, но различаются тем, что первый – это концепт, основанный прежде всего на философско-политологическом осмыслении проблемы, а второй – это по преимуществу политэкономическая концепция.

Не рассматривая подробно содержание данных проектов, остановимся на их исходных методологических идеях, которые и создают основу для выработки реалистических преобразовательных программ в условиях современной России.

Первая идея. Оба проекта (концепции) строятся на положении о необходимости рассматривать современную ситуацию в России в контексте существующих мировых взаимосвязей. Перемены в России являются составной частью глобального процесса, специфическим отражением переходов и преобразований, которые переживает в настоящее время мир в целом. “... Нынешняя модернизация, – пишет, например, Панарин, – тем и отличается от предыдущих, что протекает в контексте общемирового сдвига, связанного с переходом от индустриального общества к постиндустриальному. Даже в обществах, не успевших завершить предыдущую стадию

---

¹ В наиболее полном виде данные проекты опубликованы в следующих изданиях: *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995; *Стратегия реформирования экономики России (аналитический доклад) // Вопросы экономики.* 1996. № 2. С. 4–73.

индустриализации, постиндустриальный контекст учитывается: никто не может уклониться от глобальных, общепланетарных тенденций”¹. В “Проекте Абалкина” данная мысль формулируется следующим образом: “Развитие общества в последней трети XX в. протекала под знаком нарастания противоречий и углубления кризиса индустриализма, поворота к формированию *основ новой постиндустриальной цивилизации*... Назрела необходимость в переходе к новому типу экономического роста, трансформации социально-экономических отношений, становлению общественных систем нового типа – то есть к новой постиндустриальной цивилизации...”².

Вторая идея. Современные преобразования в России не могут быть эффективными без учета национальной общественной традиции, уникальности и самодостаточности пути развития Российского государства и российского общества. В противном случае преобразования будут ориентироваться прежде всего на “чужой опыт”, тогда как исторический анализ показывает, что непосредственное применение этого опыта разрушающим образом действует на ткани российского социума. Вот только некоторые высказывания по этому вопросу у Панарина: “Русскому народу приходилось решать задачи, требующие особой стратегии... *Самоценность* России означает в методологическом отношении, что ее историческую судьбу нельзя просто дедуцировать из неких “более общих” понятий, в том числе таких, как прогресс и демократия, а в аксиологическом отношении - что нет таких целей и ценностей, во имя которых можно пожертвовать Россией... В отличие от атлантической стратегии “рассасывания” и “втягивания”... евразийская стратегия требует, напротив, *кристаллизации и обособления*”³.

---

¹ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 3–4.

² Стратегия реформирования экономики России (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 9.

³ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 28, 97, 160.

По-своему данная проблема национальной специфики России трактуется в “Проекте Абалкина”: “Уникальность российской государственности состоит в том, что в ней совпадают понятия цивилизации, общества, экономики. Это помогает понять, почему в России именно государство выступало инициатором и главным субъектом проведения социально-экономических реформ. Нет оснований полагать, что нынешний период может быть исключением. В стратегию российских реформ необходимо закладывать не либерально-утопические проекты “обвального” ухода государства из экономики, а парадигму развивающего государства”¹.

В настоящее время оба рассмотренных выше исходных положения преобразовательной стратегии в России привлекают все большее внимание в научных и политических кругах. Автор настоящей работы также хотел бы дополнить и развить данные положения собственными размышлениями, остановившись прежде всего на вопросе о специфике российского общественного развития, путей обновления России в современных условиях.

Мы уже говорили о печальной судьбе российских реформ, которые, как правило, заканчивались откатом назад, контрреформами. Преобразовательные проекты Сперанского в основном остались на бумаге, неудачными в конечном итоге оказались и реформы Витте и Столыпина. Только реформы 60–70-х гг. XIX в. принято считать успешными. Их даже называют “великими” – все-таки отменено крепостное право! Но посмотрим, как оценивали пореформенную ситуацию в русском обществе два либерально мыслящих современника этих реформ. Так, Чичерин писал: “...Казалось бы, что современные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем в действительности произошло не то. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материаль-

---

¹ Стратегия реформирования России (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 18.

ный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение... Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы...»¹. Еще более острую и метафорическую оценку дает Ключевский: «Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой»².

В чем же причина такого удручающего итога попыток реформирования российского общества? Такой причиной, на наш взгляд, может быть только одна: реформы задумывали, разрабатывали и проводили государственные деятели, ориентирующиеся на западный путь развития для России, на стратегию догоняющего развития (от Сперанского до Витте)³.

Абсолютно понятно, что начатые в 1992 г. в России политическая демократизация и либерализация экономики были не чем иным, как еще одной попыткой реализации прозападной стратегии. История ничему не научила современных российских реформаторов, она не заставила задуматься над печальной участью реформ XIX – начала XX в., которые не сглаживали, а, наоборот, усугубляли многие общественные противоречия, создавали условия для накопления горючего материала будущих революционных катаклизмов. Игнорирование исторического опыта скрыло от них одну важную истину: прозападные инновации в России всегда наталкивались на сопротивление нации. Живые ткани российского общества отталкивали эти инновации как инородное тело, искали трудные и болезненные пути и формы защиты и социальных компенсаций.

---

¹ К.Н. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. 1, п/т 1. М.; Пг., 1923. С. 104–105.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 215.

³ О прозападной ориентации Сперанского мы уже упоминали выше. А вот что говорил через сто лет Витте: «В России происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон» (цит. по: Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. С. 18).

На данное обстоятельство обратил внимание в начале века русский историк и социолог М.М. Ковалевский: "...Перестройка русского политического строя по иностранным образцам нисколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, что Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала. Не этим ли подражанием одной лишь форме нужно объяснить тот факт, что применение европейских учреждений не привело в России к уничтожению остатков неограниченной, деспотической власти, общей всем восточным монархиям? Ибо власть эта в России изменила лишь свою внешность"¹.

Очень чутко эти подспудные процессы и изменения в дореволюционной России в периоды общественных переломов улавливали сторонники и идеологи контрреформ. Поэтому думается, что для сегодняшнего дня полезно прислушаться к мнениям и выводам не только сторонников реформ, но и их противников. В литературе политическую и идеологическую позицию противников российских реформ чаще всего связывают с консервативно-охранительной, славянофильской идеологией и оценивают ее в целом, как правило, негативно. Но попробуем отвлечься от идеологических аспектов данной проблемы и поискать рациональные зерна в славянофильских идеях. Разумеется, речь в данном случае не идет о каком-то возрождении славянофильства. Нельзя просто совершенно игнорировать целый ряд самобытных концептов, построенных на глубоком понимании российской идентичности.

Поясним данную мысль на примере двух характеристик славянофильства, которые мы находим в фундаментальном труде Н.И.Цим-баева

---

¹ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. Спб., Б.г. С. 4.

по данной проблеме: 1) “Славянофилы искали ответы на злободневные вопросы русской действительности середины XIX в., их учение может быть понято и должно быть изучаемо только в контексте этой действительности”¹ и 2) “Славянофилы стремились мыслить исторически, им было присуще желание вывести свою политическую программу из исторического опыта русского народа, из исторически сложившихся свойств русского народного характера”². Между этими двумя положениями существует определенное противоречие. Все зависит от того, как мы интерпретируем ход русской истории. Если мы его понимаем только в рамках линейно-поступательного развития, то славянофильство однозначно становится для современного аналитика симбиозом охранительного консерватизма и патриархального романтизма, тоскующего по порядкам Московской Руси, и тогда вторая оценка Цимбаева является не более чем метафорой. Если же мы все-таки исходим из представления о более сложной динамике российского общества, в которой совершенно определенно происходят возвратно-повторяющиеся процессы, то тогда картина меняется, и вторая оценка, наоборот, становится наиболее значимой. Тогда в сочинениях славянофилов мы открываем для себя глубокую и злободневную по сей день альтернативу прозападным инновациям на российской почве, начинаем понимать конструктивную природу славянофильства, суть их критики некоторых сторон самодержавного режима. Анализ этой критики может быть полезен как для понимания хода дореволюционной истории России, так и эпохи современных преобразований.

Смысл данной стороны славянофильства сформулировал в 1875 г. К.С. Аксаков: “...Славянофилы думают, что должно воротиться не к *стоянию* древней России (это значило бы окаменение, застой), а к *пути*

---

¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 115.

² Там же. С. 117.

древней России (это значит движение)... Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти вперед прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что истинный... Спор может быть лишь об истине путей...»¹.

Так в чем же заключается эта *истина* русского пути? По мнению славянофилов, ее нужно искать в уникальных и специфических особенностях российской государственности, заключающихся в том, что внутри системы центральной монархической (авторитарной) власти всегда существовали ячейки, элементы местной демократии. В.О. Ключевский, например, упоминает институт земских старост, избираемых населением и имеющих достаточно большие полномочия в решении многих вопросов повседневной жизни². Именно такое особое устройство (тип) государства, в котором органично соединена низовая представительная демократия и сильная власть центра, И.С. Аксаков считал «русским политическим идеалом», указывая при этом на то, что «со стороны правительства здесь нет *уступки* власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть *вполне могущественна* ...»³.

Задача верховной (авторитарной) власти – обеспечивать централизованный и жесткий контроль и принуждение в исполнении законов и правил общественного строя. Функция низовой (местной, земской) демократии состоит в создании условий для функционирования гражданского общества, в обеспечении нормального процесса реализации частных и коллективных (общинных) прав. В этом и суть самодержавия славянофильского типа – «много умов и одна воля», – в отличие от самодержавия бюрократическо-

---

¹ Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 112.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1987. С. 331–332.

³ Теория государства у славянофилов: Сб. статей. Спб., 1898. С. 14.

го типа (полицейское государство) – “государство – это я” или от самодержавия западнического типа – “много умов и много воля”¹.

Разумеется, что реальная общественная жизнь в России была далека от этого идеала. Но именно приближение или отдаление от него обуславливало степень общественной стабильности в стране. Не случайно в конце XIX – начале XX в. тенденция самодержавия к излишнему и даже тотальному администрированию из центра вызывала критику практически всех общественных сил.

Данный анализ особенностей российской государственности вполне актуален и сегодня. Либеральные идеологи современных реформ исключают авторитаризм даже в качестве переходной ступени к подлинной демократии, но при этом совершенно не задумываются над национальным историческим опытом совмещения, соединения авторитаризма и демократии. Причем этот опыт можно почерпнуть не только в дореволюционной, но и в советской истории. В этом, как впрочем, и во многих других случаях, обнаруживается влияние базовых идеологем западного менталитета, среди которых противопоставление авторитаризма и демократии является важнейшей. Такой же позиции придерживаются и многие российские ученые и политики. Вот, например, типичное высказывание: “Шансы на развитие демократических тенденций в нашей политической системе вполне реальны, несмотря на наличие тенденций авторитарного порядка”².

Е.Б. Шестопап в своей статье анализирует перемены, которые происходят в настоящее время в национальном менталитете. Но другие исследования в данной области свидетельствуют о том, что западная формула противопоставления авторитаризма и демократии некорректна в российских условиях еще и потому, что в понятие “авторитаризм” на Западе и у

---

¹ Киреев А. Краткое изложение славянофильского учения. М., 1896. С. 32.

² Шестопап Е.Б. Перспективы демократии в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 60.

нас вкладывают явно различное содержание. Специалисты Фонда “Общественное мнение” делают из своих исследований следующие выводы: “Авторитарные настроения постсоветского человека – это не что иное, как запрос на *жесткое государственное регулирование экономики (будь то ради рынка или, наоборот, сдерживания его развития) при сохранении политических свобод*. Исторических прецедентов такого авторитаризма нет (и вряд ли могут быть), но прецедент запроса на него посткоммунистическая Россия создать уже успела”¹. И далее: “Российский авторитаризм только ищет свою идеологическую форму. Но какой бы она ни была, негатив, отрицательный аналог у нее уже есть. Если авторитаризм утвердится в России, то он утвердится под флагом антизападничества. Либерально-западнический вариант “жесткой руки” не имеет сегодня в массовом сознании почти никакой опоры”². Значит, и современный российский менталитет готов к восприятию исторической формы российской государственности, основанной на сочетании, синтезе авторитаризма и демократии.

Отсюда вывод: модель такого политического дуализма должна стать *первым* ориентиром стратегии общественных трансформаций.

В поиске другого ориентира нам также могут помочь идеи славянофилов. Так, они обращали, в частности, внимание на то, что в России исторически сложился особый статус права собственности, который, по мнению И.В. Киреевского, является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине, где “с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением – уменьшается”, и в помещичьем землевладении, при котором “отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений...”. Все это, по общему заклю-

---

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.П. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 65.

² Там же. С. 85.

чению Киреевского, означает, что в России “общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность”¹. Данное явление русского общества дореволюционных веков, которое специфическим образом наблюдалось и в советский период его истории, заставляет задумываться над стратегией современных экономических преобразований. Не в том ли причины целого ряда деструктивных и разрушительных последствий быстрого перевода советской экономики в рыночные условия, что при этом были полностью проигнорированы глубинные национальные традиции, и в частности, историческая традиция отношения власти и собственности, статуса собственности в системе общественных связей? Как тут не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д.И. Менделеева, напряженно думавшего о судьбе России, об обустройстве ее жизни: “Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству”².

У некоторых же современных авторов специфические социально-экономические реалии российской истории вызывают совершенно другие ассоциации: ”...В России как минимум со времен Ивана Грозного шло складывание *антиэкономики*, этого своеобразного *хозяйственного антимира*, внешне как-будто и сходного с экономикой европейского типа, а на самом деле в корне, принципиально отличного от него”³. Не трудно заметить, что за подлинную “экономiku” и подлинный “мир” принимается За-

---

¹ Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 37–38.

² Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С. 74–75.

³ Косолатов Н. Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора? // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 13.

пад. При этом невольно напрашивается следующая мысль: если эта российская “антиэкономика” смогла обеспечить существование огромного государства (и по территории и по населению) на протяжении нескольких веков, то не является ли такой тип экономики не “анти”, а подлинной, наиболее адекватной для данной общественной системы. Не заводят ли нас сугубо экономические сравнения в определенные “ловушки”.

Действительно, по экономическим показателям Россия всегда отставала от Запада. Но если взять такой важный показатель могущества любого государства, как военно-политические победы, то получается иная картина: на протяжении XVIII–XX вв. Россия постоянно одерживала верх в наиболее критических ситуациях противостояния держав на мировой арене. Начало XVIII в. – победа над Швецией, конец XVIII в. – победа над Турцией, начало XIX в. – над наполеоновской Францией, начало XX в. – вероятная победа над Германией, середина XX в. – разгром гитлеровской Германии.

В данном перечислении названы побежденные Россией державы, которые в определенное время доминировали в Европе и даже вынашивали планы мирового господства. Конечно, у России были и военные поражения, например в Крымской войне или в русско-японской войне 1904–1905 гг., но на фоне стратегического успеха, который сопутствовал России на протяжении трех веков, эти поражения становятся исключением из правила.

Отсюда следует, что и определение могущества государства, и сама проблема достижения большей экономической эффективности должны анализироваться на основе более широкого набора параметров. На данную мысль наводит и общественный опыт других стран, являющихся, как и Россия, сложными и долгоживущими политическими и социокультурными системами. Так, один из исследователей современного Китая приходит к

следующему заключению: “Кризис европоцентристской модели модернизации стимулировал – и в мире, и в Китае – стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как экономические или политико-экономические по преимуществу, но прежде всего как коренящиеся в общем контексте культуры. Традиционному отождествлению развития с экономическим ростом было противопоставлено подчеркнутое внимание к роли духовных ценностей в определении темпов экономического роста и верификации его целей”¹.

Таким образом, *вторым ориентиром* стратегии трансформации современного российского общества должна стать модель соотношения власти и собственности, политики и экономики, в которой сильная государственная власть занимала бы доминантные позиции в системе хозяйственных связей, владела бы рычагами управления или влияния на основные, базовые отрасли экономики, располагала бы достаточными возможностями для мобилизации ресурсов при решении общенациональных задач.

Можно было бы выделить и другие стратегические ориентиры обновления российского общества, но приведенные выше – соотношение Сильной (авторитарной) власти и демократии, особая роль государства в системе собственности – являются, на наш взгляд, важнейшими, базовыми. Без их учета невозможна успешная политика по реформированию современного российского общества.

Разумеется, это не исключает, а, наоборот, предполагает точное понимание характера и степени влияния на российские процессы общемировых тенденций. Но важно правильно определить соотношение этих двух процессов или двух потоков одного процесса, которое, на наш взгляд, соответствует следующей формуле: *современные преобразовательные про-*

---

¹ Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. 1995. № 5. С. 72.

*цессы в России происходят при существенном влиянии общемирового (внешнего) тренда, но **по своим внутренним законам развития.***

Философско-политологический анализ переходных процессов в России как прошлого, так и настоящего, который проведен в данной работе, свидетельствует о том, что без знания этих законов невозможно осуществление в российском обществе каких-либо глубоких и эффективных преобразований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перемены, происходящие в настоящее время в России, вызывают различные оценки и суждения как внутри страны, так и во всем мире. Но вряд ли кто сомневается в том, что эти перемены имеют необратимый характер, что переход от старого состояния к новому непрямолинеен, противоречив, непредсказуем, но вместе с тем и неслучаен.

В хаосе происходящих событий многие наблюдатели пытаются рассмотреть действие “вековых тенденций” человеческой истории, механизмов социальных инноваций. Но на этом пути нас ожидает немало сложных проблем.

Негативные явления и серьезные трудности, с которыми в настоящее время столкнулось российское общество на пути реформ, указывает в том числе и на слабую разработанность теоретико-методологических аспектов преобразовательной политики в специфических условиях современной России. При этом важно осознавать масштаб научной задачи, которая стоит перед нами. Сущность данной проблемы, очевидно, заключается в том, что речь идет не только о новых теориях переходных процессов, но и о новой парадигме социального познания, в которой должны найти адекватное отражение и осмысление фундаментальные социальные и ноосферные сдвиги, произошедшие в последнее время в мировом развитии.

Философско-политологический анализ российского политического процесса, его переходных состояний и периодов позволяет сформировать важнейшие основания концепции переходных процессов.

Основание первое (теоретико-методологическое или парадигмальное). Интерпретация феномена возникновения и развития переходных ситуаций в обществе определяется пониманием детерминаций и механизма

социальной динамики. Фундаментальное значение для социального познания имеет проблема времени, поэтому для того, чтобы понять как и куда развивается, эволюционирует общество необходимо определить в каком времени или в каких временных ритмах оно живет.

Наиболее адекватно объяснить социальную динамику России (в ретроспективном или современном аспектах), а значит и специфику переходных процессов позволяет, на наш взгляд, идея (или гипотеза) о множественности пересекающихся временных ритмов, которые имеют внешние и внутренние источники (матрицы), разную длительность.

Данное теоретико-методологическое основание дает самое общее представление о переходности как специфической фазе развития социума, и непосредственно связано с господствующей парадигмой социального познания, которая суть научное отражение реальной картины мира, доминирующих тенденций и взаимосвязей его развития на данном историческом этапе.

Переход к новой парадигме в конце XX в. обусловлен объективными кардинальными изменениями в мировом сообществе. Существо и направленность этих изменений невозможно объяснить в постулатах и терминах выработанных ранее парадигм социального познания. Так, например, накопленный социальный опыт и научные знания свидетельствуют о том, что общественное развитие – это гораздо более сложный и противоречивый процесс, чем просто восходяще-поступательный процесс, как это понимали просветители и их последователи.

Невозможно также представить себе будущее человечества только в виде циклического кругообращения локализованных общественных систем (цивилизаций), поскольку гибель некоторых из них в настоящее время неизбежно образует глобальную губительную воронку, в которую будет втянуто все человечество.

Не может в полной мере удовлетворить современного исследователя социальных процессов и гегельянско-марксовый синтез прогресса и цикла (мировая спираль), ибо перспектива перехода в обозримом будущем всего человечества к новой (и единой) общественно-экономической формации, основанной на диалектике определенных производительных сил и производственных отношений, становится все менее вероятной.

Контуры новой парадигмы на современном этапе развития современной науки проявляются в концепции миросистемности, которая предполагает новый теоретико-методологический синтез линейности и цикличности в интерпретации социального познания. В последнее время в развитии миросистемных теорий наблюдается тенденция органичного сочетания, соединения трех пониманий “мира как системы”: 1) сменяющие друг друга в качестве господствующих миры-системы (или миры-экономики) Ф.Броделя, 2) мир-система как *целостный* и единый общечеловеческий социум, как основная единица социально-исторического познания (И. Валлерстайн) и 3) мир-система как взаимодействие, взаимосвязь земного социума и глобальной Природы.

С точки зрения рассмотренного выше первого (теоретико-методологического основания) современная теория переходности призвана разработать модель планетарной трансформации социальных порядков, некатастрофического изменений современного мира-системы, внутри которого в рамках общемирового тренда происходит специфическая эволюция локализованных общественных систем.

Данный парадигмальный уровень стоящей научной задачи является, безусловно, наиболее сложным для реализации в массовых исследованиях, поскольку предполагает кардинальную переоценку научных ценностей, постулатов и стереотипов.

Основание второе (теоретико-эмпирическое). Изучение многочисленных переходных процессов в различных органических системах дает основание полагать, что при переходе от одного состояния в другое возникают феномены, имеющие уникальную природу. Суть этой природы – не механическое перемешивание старого и нового, а некое “иное”, “третье” состояние, представляющее собой специфическое переходное время и переходные структуры, которых не было до перехода и не будет после него. В этой ситуации действует и целый ряд переходных закономерностей, без знания которых невозможно понять многие явления и тенденции переходных процессов.

Данные наблюдения и обобщения, полученные в результате эмпирических исследований эволюции различных органических систем, приводят к выводу о том, что теории переходных процессов, имеющие дело со специфическими социальными объектами и являющиеся составной частью, разделом более общей социальной теории, должны выработать собственную методологию, особый категориальный аппарат и инструментарий эмпирических исследований.

Теоретико-эмпирическое основание концепций переходных процессов помогает выработать новое, нетрадиционное представление о переходности и преодолеть тем самым два распространенных стереотипа. Во-первых, тривиального постулата о том, что переход – это движение общества от старого к новому, разрушающегося и исчезающего к нарождающемуся и становящемуся. Во-вторых, это отношение к переходным периодам как к аномальным состояниям, фазам общественного развития.

Повторяемость этих состояний, совпадение их многих характеристик в самых различных общественных системах на протяжении всей истории человечества свидетельствуют об устарелости этих стереотипов. Исторический опыт, в том числе и России, заставляет нас относиться к переходным

процессам как к закономерным проявлениям социальной жизни, как отражению в социальной среде каких-то более универсальных и фундаментальных свойств, устойчивых явлений развивающегося бытия.

Осознание этого обстоятельства, безусловно, приведет в скором будущем к значительному расширению специальных сравнительных исследований переломных периодов в истории различных стран, в том числе и на современном этапе.

Основание третье (теоретико-прикладное) . Методологические и теоретические представления о переходности должны быть дополнены стратегическим концептом, который бы связал теорию с практикой, с реалиями конкретной общественной системы, в которой происходит переходный процесс. Этот концепт должен помочь избежать копирование “чужого” опыта социальных инноваций, помочь определить наиболее приемлемые пути и ориентиры движения к новому обществу, исходя из самобытных традиций, из исторически сложившихся моделей общественных отношений. Во время преобразований в России чрезвычайно важно учитывать, например, такие устойчивые дихотомические связи как “власть-собственность”, “центр-регионы”.

Философско-политологический анализ российского опыта общественных преобразований за последние три века отечественной истории, которому посвящена настоящая диссертация, показывает, что упорное внедрение в российскую жизнь “универсальных” моделей социальных инноваций в целом оказали негативное влияние на политическое и социально-экономическое развитие страны. Нововведения, заимствованные в опыте общественного развития передовых стран Запада, всякий раз оказывались инородным телом в тканях российского общества. Их закономерное отторжение всегда приводило к разрушительным и даже катастрофическим последствиям для развития различных сфер российского общества. Рос-

сийские реформаторы со времен Сперанского до настоящего времени упорно игнорируют уникальные, самобытные особенности России. Эти особенности нельзя сводить к упрощенным констатациям о национальных различиях между странами и народами. Они – суть уникальные фундаментальные основания долгоживущей локализованной общественной системы, создающей имманентные законы своего развития, условия для целостного и самодостаточного существования на протяжении длительных исторических периодов.

Совершенно не учитываются, например, такие (практически не встречающиеся или встречающиеся лишь эпизодически в общественной практике Запада) феномены государственной и общественной жизни России как органичное сочетание авторитаризма и демократии в управлении социальными процессами, как устойчивая, приспособлявшаяся к разным историческим обстоятельствам, патерналистская роль государства, верховной власти в национальной хозяйственной системе, особый тип взаимодействия, взаимосвязи собственности и собственника, в котором отношение собственника с государством всегда было важнее, приоритетнее, чем его отношение с собственностью.

Таким образом, перед исследователями современных переходных процессов в России стоит триединая задача, заключающаяся в синтезе в одном теоретическом контексте а) общеметодологического (парадигмального) видения социального развития, б) знания общих характеристик (или свойств) переходных состояний и процессов, наблюдающихся в повторяющемся режиме в любых органических системах и в) подхода к проблеме социальных изменений как линейной динамики конкретных локализованных и самодостаточных общественных систем (нас, разумеется интересует прежде всего Россия), которые имеют собственные законы развития, в том числе и в переходных фазах.

Анализ современных научных разработок показывает, что мы находимся сейчас на самых начальных стадиях решения этой задачи, хотя уже перед нами открываются широкие горизонты познания и обобщения общественной практики. Как и в эпоху Просвещения, человеческий разум снова как бы открывает самого себя. Только сейчас, в отличие от XVIII в., разум человека не просто *верит* в свои силу и могущество, а точно *знает* о своих возможностях влияния на ход социальных процессов благодаря познанию их природы, механизмов и детерминантов развития.

И действительно, теория переходных процессов, построенная на рассмотренных выше основаниях, может позволить заметно уменьшить стихийные и непредсказуемые элементы современных преобразовательных процессов и постепенно превратить их в управляемую трансформацию социальных порядков. В таком прогнозе нет ничего надуманного.

Не случайно идея о возможности целенаправленной активности человеческого разума в социальных преобразованиях появляется в рамках первого синтеза линейности и цикличности – в формационной теории. Эта идея содержится уже в знаменитом программном тезисе раннего Маркса: “Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его”. Правда, Маркс на протяжении всей своей жизни под изменением мира понимал прежде всего революционное преобразование старых капиталистических порядков, тогда как перед современным человечеством стоит прямо противоположная задача – сдержать, ослабить, максимально уменьшить катастрофизм, бифуркационность современных социальных процессов. Но было бы упрощением толковать идею Маркса и Энгельса об активности человека в общественных преобразованиях только как позицию коммунистов-революционеров. Об этом, например, свидетельствует одно место из подготовительных материалов к “Анти-Дюрингу” Энгельса: “Взгляд, согласно которому *будто бы* идеями

и представлениями людей созданы условия их жизни”, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, которые желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Этот взгляд лишь в более или менее отдаленном будущем может стать соответствующим действительности, поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя..., вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли”¹.

Из данного высказывания Энгельса становится ясно, что возможность активного вмешательства человека в изменение общественных условий, прямо связывается с социальным опытом людей, с развитием научных знаний.

Современные исследователи переходных процессов в России, разрабатывая научно-обоснованные стратегические программы преобразований российского общества, модели управления реформами, могут и должны опираться также и на глубокую, хотя и прерванную, традицию в русской политической мысли. Так, в теориях русского космизма в конце XIX – начале XX вв. вывод о взаимосвязи земной и космической жизни прямо связывался с идеей о сознательном влиянии человеческого разума на процессы эволюции. В предисловии к антологии теорий русского космизма мы находим обобщающую характеристику, в соответствии с которой определяющей генетической чертой этих теорий является “идея *активной эволюции*, т.е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берет так сказать, штурвал эволюции в свои руки”².

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1961. С. 639.

² Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С.4.

Думается, что в настоящее время мы стоим на пороге такой эпохи, когда мысли и стремления русских космистов могут в полной мере воплотиться в действительность.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аврех А.Я. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991.

Агафонов В., Рокитянский В. Россия в поисках будущего. М., 1993.

Айзатулин Т.А. Судьба России – судьба ноосферы (к естественно-научной теории динамики России в контексте гео- и этнодинамики// *Alma mater.* 1992. № 7–9.

Актуальные проблемы теории истории. Материалы “круглого стола” (12 января 1994 г.) // *Вопросы истории.* 1994. № 6.

Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // *Общественные науки и современность.* 1993. № 1.

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Александров И.А. Космология России: история, современность и судьба. М., 1996.

Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // *Вопросы истории.* 1996. № 6.

Алексеева Т.А. Капитализм с человеческим лицом? Поиск “среднего пути” в российской политике. Бостон. 1995. (на англ. языке).

Альтернативность общественного развития / Отв. ред. В.Б. Вла-сова. М., 1992.

Ангелов Р.Н. Политическая реформа как способ преобразования общества. Автореф. дисс. ...канд.филос.наук. М., 1994.

Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал. М., 1993. № 3.

Анискевич А.С. Массы и лидеры в условиях перехода от диктатуры к демократии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 2.

Арнольд Ф. Предпосылки одного преобразования. “Экономическое чудо Людвига Эрхарда” // Диалог. 1991. № 8.

Арнольд В.И. Теория катастроф. Изд. 3-е. М., 1990.

Артамонов В. Катастрофы в истории российской государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 3.

Артемов Г.П. Политические парадоксы России: природа и значение // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1994. Вып. 1.

Артыков Т.А. , Молчанов Ю.Б. О всеобщем и универсальном характере времени // Вопросы философии. 1998. № 7.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I–II. М., 1991.

Ахиезер А.С. Россия – расколотое общество // Рубежи. 1995. № 5.

Ахиезер А.С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 2.

Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России // Полис. 1991. № 5.

Ахиезер А.С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследований (на примере России) // Цивилизация. Вып. 2. М., 1993.

Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.

- Ахиезер А.* Ценности общества и возможности реформ в России // *Общественные науки и современность.* 1994. № 1.
- Ахиезер А.С.* Самобытность России как научная проблема // *Отечественная история.* 1994. № 4–5.
- Ахиезер А., Гольц Г.* Критические пороги социальных систем // *Общественные науки и современность.* 1992. № 1.
- Аукуционек С.П.* Теория перехода к рынку (пособие для изучающих микроэкономику). М., 1993.
- Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Банс В.* Элементы неопределенности в переходный период // *Полис.* 1993. № 1.
- Барабанов Е.* Русская философия и кризис идентичности // *Вопросы философии.* 1991. № 8.
- Барышников М.Н.* История делового мира России. М., 1994.
- Бейме К.* Сравнение в политической науке // *Социально-политические науки.* 1991. № 2.
- Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1979.
- Бергер Я.М.* Модернизация и традиция в современном Китае // *Полис.* 1995. № 5.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бердяев Н.А.* Русская идея // *Вопросы философии.* 1998. № 1-2.
- Блок М.* Апология истории или ремесло истории. М., 1973.
- Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974.
- Боффа Дж.* История Советского Союза. В 2 т. М., 1990.
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории.* М., 1977.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Том 3. Время мира. М., 1992.

Бузгалин А.В. Переходная экономика. Курс лекций по переходной экономике. М., 1994.

Бутенко А.П. Как подойти к научному пониманию истории советского общества // Наука и жизнь. 1988. № 4.

Бутенко А.П. От тоталитаризма к демократии: общее и специфическое // Социально-политический журнал. 1995. № 6 ; 1996. № 1,2.

Бутенко А.П. Тоталитаризм в России и пути его преодоления // Социально-политический журнал. 1994. № 9–10.

Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Бюрократия, авторитаризм и буржуазная демократия в России (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1993. № 2.

Вайнштейн Г. Рост авторитарных установок и политическое развитие современной России // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11.

В поиске социальной парадигмы (“круглый стол”) // Социс. 1995. № 10.

Васильев Л.С. Феномен власть-собственность. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Васильев Л.С. Что такое “азиатский” способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3.

Васильев А.С., Стучевская И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. № 5.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционная ситуация в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле. Июльский кризис. М., 1959.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае – июне 1917 г. Июньская демократия. М., 1959.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987.

Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992.

Венда В.Ф. Волны прогресса. М., 1989.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

Вернадский В.И. Живое общество и биосфера. М., 1994.

Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Труды биогеохимической лаборатории. Т. XVI. М., 1980.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991гг. / Пер. с фр. 2-е изд. М., 1994.

Вико Дж. Основания новой науки об общественной природе наций. М., 1995.

Вильчек В.М. Алгоритмы истории. Философско-социологические этюды. М., 1989.

Власть при переходе от тоталитаризма к демократии // Свободная мысль. 1993. № 8.

Влияние переходных социокультурных структур на социальные качества человека. М., 1990.

Водолазов Г.Г. Диалектика и революция. Методологические проблемы социальной революции. М., 1975.

Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992.

- Гаджиев К.С.* О смене общественно-политических парадигм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1.
- Гаджиев К.С.* Политическая наука. М., 1995.
- Гаджиев К.С.* Сравнительная политология // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 2.
- Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995.
- Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.
- Гегель.* Лекции по философии истории. Спб., 1993.
- Гегель.* Наука логики. Т.1. М., 1970.
- Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т.1–3. М., 1974.
- Гердер.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гилмор Р.* Прикладная теория катастроф. М., 1984.
- Глобальный эволюционизм. М.: ИФ РАН, 1995.
- Гобозов И.А.* Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987.
- Гобозов И.А.* Смысл существования России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 1994. № 1.
- Голосов В.Г.* Сравнительная политология: Учебник. Новосибирск, 1994.
- Гольбах.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1963.
- Гордон Л.А., Плискевич Н.М.* Развилки и ловушки переходного времени // Полис. 1994. № 4.
- Гордон А., Клопов Э.* Тридцатые – сороковые // Знание – сила. 1988. № 2–5.
- Государственное совещание. М.; Л., 1930.
- Грановский Т.Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1986.

Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1.

Громыко Ю.В. Стыки. Как перейти от одной системы общественных отношений в другую. М., 1993.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа “Анналов”. М., 1993.

Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума. М., 1994.

Даль Р. Пути перехода к демократии // Кентавр. 1991. № 3.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Дакин В.Н. К вопросу о преемственности в историческом развитии России // Кентавр. 1994. № 5.

Демидов А., Шарипов Р. Интеграция общества в посттоталитарный период // Общественные науки и современность. 1992. № 3.

Демократия и тоталитаризм. Материалы дискуссии // Свободная мысль. 1991. № 15.

Диалектика и системный подход. М., 1986.

Дидро. Сочинения: В 2 т. М., 1986.

Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политологическая социология / Пер. с англ. М., 1994.

Дубовский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н.Кондратьева) // Общественные науки и современность. 1993. № 5.

Евстигнеев Р.Н. Цикличность переходного периода // Вопросы философии. 1993. № 11.

Ерасов Б. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

Ерасов Б. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность. 1995. № 2.

Есть ли будущее у многонациональных государств? Национальные процессы в интегрирующемся мире (“Университетская трибуна”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 6.

Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1994.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982.

Зимин А.И. Евроцентризм и русское национальное самосознание // Социс. 1992. № 2.

Золотухин Е., Золотухина-Аболина В. От “предмето-центризма” к “системо-центризму” (К вопросу о новой парадигме социального мышления) // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 7.

Зюганов Г. Драма власти. М., 1993.

Зюганов Г. За горизонтом. М., 1995.

Иванов Н.П. Теория управления при переходе к рынку // Полис. 1992. № 1–2.

Идеи Н.Д. Кондратьева и современные экономические и социологические теории. М., 1992.

Идзинский В.П. Тайна российских катастроф // Полис. 1992. № 4.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.1. М., 1951.

Из истории реформаторства в России: Философско-исторические очерки / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 1991.

Ильин В.В., Ильина Т.А. Россия: опыт национально-государственной идеологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1.

Ильин В.В., Панарин А.С., Рябов А.В. Россия: Опыт национально-государственной идеологии. М., 1994.

Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен (О понятиях “кризис”, “изменение” и “развитие” в политологии) // Полис. 1993. № 2.

Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. I. Основания хронополитики. Ч. II. Хронополитическая перспектива. Ч. III. Отечественная хронополитика. М., 1995.

Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. 1996. № 1.

Иного не дано. М., 1988.

Иное: Хрестоматия нового российского самосознания: В 3 ч., Путеводитель. М., 1995.

Искендеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1993. № 3, 5, 7; 1994. № 1, 6.

Кантор В.К. “Стихия и цивилизация”: два фактора “русской судьбы” // Вопросы философии. 1994. № 5.

Кантор В.К. Демократия как историческая проблема России // Вопросы философии. 1996. № 5.

Кантор К.М. Четвертый виток истории // Вопросы философии. 1996. № 8.

Капустин Б.Г. Европейская и российская цивилизация: произойдет ли их встреча // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 4.

Капустин М.П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4.

Капустин Б.Г. Россия и Запад на пути к миру миров // Кентавр. 1993. № 1–4.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Кара-Мурза А.А. Что такое российское западничество? (Размышления участника конференции) // Полис. 1993. № 2.

Кара-Мурза А.А. “Новое варварство” как проблема цивилизации. М., 1995.

Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. 1995. № 4.

Кара-Мурза А.А., Поляков А.В. Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново, 1994.

Кареев Н. Лекция о духе русской науки. Варшава, 1885.

Кастри Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М., 1982.

Киреев А. Краткое изложение славянофильского учения. М., 1896.

Клейн Б.С. Россия между реформой и диктатурой (1861–1920 гг.) // Вопросы истории. 1991. № 9–10.

Клименко В. Россия: тупик в конце туннеля? // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

Климентова Л.И., Климентов Г.А. Проблема выбора моделей хозяйственного развития России // Социально-политический журнал. 1995. № 1.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987–1989.

Клямкин И. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10.

Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11.

Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.П. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Ковалев А.М. Азиатский способ производства и особенности развития России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1.

Ковалев А.М. Государственная идеология. Что это такое? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994.- № 1.

Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.

Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1.

Ковалев А.М. Несколько слов о современном социально-политическом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 1.

Ковалев А.М. Социализм и закономерности общественного развития. М., 1983.

Ковалев А.М. Многомерность общественного процесса и политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические исследования. 1996. № 1.

Ковалев Ю.А. Перспектива России: коммунистический ренессанс? (Космический аспект проблемы). М., 1994.

Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., б.г.

Коваленко В.И. Интеграционная идеология в России: основания, проблемы, перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 1.

Коваленко В.И. Россия и Европа: к постановке проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5.

Коваленко В.И., Моцелков Е.Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 2.

Козиков И.А. Диалектика социальной и научно-технической революции. М., 1987.

Козиков И.А. В.И. Вернадский: ноосфера и российская цивилизация // Социально-политический журнал. 1995. № 4.

Козырев Ю.Н. “Соцмодернизация” или агония неофеодализма? // Полис. 1993. № 5.

Колганов А. Закономерности переходной экономики? Экономические тенденции и модели // Вопросы экономики. 1995. № 2.

Коликов Н. Россия в контексте глобальных перемен // Свободная мысль. 1994. № 2–3.

Комаровский В. Переходное сознание переходного периода // Общественные науки и современность. 1994. № 1.

Кондильяк. Сочинения: В 3 т. М., 1980.

Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993.

Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. М., 1991.

Концепция национальной безопасности России в 1995 году // Спец-выпуск “Обозревателя”. М., 1995. № 3–4.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Королев С.А. Административно-командная система: генезис и эволюция // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990.

Косолапов Н. Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11.

Косолапов Н. Социум и экономика. Гипотеза об исторических корнях взаимосвязей // Свободная мысль. 1992. № 9.

Костин А.И. Планетарная парадигма и политическое самосознание России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 6.

Костин А.И. Экополитика и модели развития (Адаптация в Эру риска) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 4.

Костюк В.Н. Системные пространство-время // Системные исследования: Ежегодник. 1989–1990. М., 1991.

Коэн С. Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. 1989. № 1.

Коэн С. Нэповская альтернатива // Наука и жизнь. 1988. № 10.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 1. М., 1983.

Крамник В.В. Имидж реформ: психология и культура перемен в России. Спб., 1995.

Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7.

Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России (Зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. 1993. № 1.

Краснов В.Н. Система многопартийности в современной России, очерк истории). М., 1995.

Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.

Критика миросистемного подхода к концепции капитализма И. Валлерстайна. М., 1992.

Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995.

Кузнецов В.К. Теории переходной экономики // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12.

Кузнецов В.Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981.

Куликов Л.В. Россия: прошлое, настоящее, перспективы. М., 1995.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Купряшин Г.Л. Политическое развитие // Кентавр. 1994. № 2.

Ламанский В.И. Три мира азийско-евразийского материка. Изд. 2-е. Пг., 1916.

Латин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и противоречия // Вопросы философии. 1996. № 5.

Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партогенеза в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6.

Лейберов И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. 1996. № 2.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М., 1972.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1973.

Ленин В.И. К четырехлетней годовщине годовщине Октябрьской революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1974.

Ленин В.И. О кооперации // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1975.

Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.

Лесков Л. Катаклизмы в России в свете теории катастроф // *Общественные науки и современность.* 1994. № 4.

Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // *Новый мир.* 1988. № 11.

Лисюткина Л.Л. Постиндустриализм и посттоталитаризм (Проблемы переходного периода) // *Полис.* 1991. № 5.

Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? М., 1991.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

Мавродин В.В. Петр I и преобразование России в первой четверти XVIII в. Л., 1954.

Макарычев А. Общества в периоды трансформации: взгляд из Амстердама // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 10.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М., 1961.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т.13. М., 1959.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988.

Мау В. А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993.

Мау В.А. Экономика и политика. Политическая история экономической реформы в России. 1985-1994 гг. М., 1995.

Медушевский А.Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // *Вестник высшей школы.* 1990. № 3, 4.

Медушевский А.Н. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1990.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

Мелентьев А. Тезис о “двух Лениных”: в чем смысл? // Экономические науки. 1989. № 1.

Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. Спб., 1892.

Милюков П.Н. “Исконные начала” и “требования жизни” в русском государственном строе. Ростов-на-Дону, 1905.

Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1–3. Софья, 1921.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Миросистемный подход сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 11.

Митина О., Петренко В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

Модель демократии для России: стратегия экономического и социально-политического реформирования // Полис. 1993. № 2.

Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.

Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

Модель демократии для России – стратегия экономического и социально-политического реформирования // Полис. 1993. № 2.

Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. 1992. № 10.

Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1989.

Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ). М., 1994.

Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1.

Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3.

Монтескье. Избранные произведения. М., 1955.

Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух законов. М.; Л. 1956.

Мухаев Р.Г. Модернизация посткоммунистических режимов: ее специфика и возможности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 3.

Наумова Н.Ф. Системные характеристики переходного периода // Системные исследования: Ежегодник. 1989–1990. М., 1991.

Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность. Сб. материалов научной конференции: В 2 ч. М., 1991.

Национальный вопрос: опыт социал-демократии // Полис. 1991. № 2.

Наше Отечество: Опыт политической истории. В 2 т. М., 1991.

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

Николас Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М., 1990.

О концепции национальной политики в Российской Федерации. М., 1992.

О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Оболенский А. Перекрестки российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность. 1992. № 3.

- Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972.
- Общество и государство феодальной России. М., 1985.
- Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991.
- Ольшанский Д.В.* Массовые настроения переходного времени // Вопросы философии. М., 1992. № 4.
- Осинов Г.В.* О концепции и стратегии социального развития России // Социально-политический журнал. 1993. № 8.
- Осинов Г.Ф.* Реформирование в России: итоги и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 3.
- Павленко Н.П.* Петр Великий. М., 1990.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. М., 1993.
- Пайнс Р.* Русская Революция: В 2 ч. / Пер. с англ. М., 1994.
- Панарин А.С.* Россия в Евразии: вызовы и ответы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5.
- Панарин А.С.* Россия в поисках идеи: варианты цивилизационного выбора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 5.
- Панарин А.С.* Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. 1993. № 6.
- Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995.
- Панарин А.С.* Философия политики. М., 1994.
- Панкратов С.А.* Модернизация общества и становление демократии в России. Автореф. дис. ... канд.полит.наук. Спб., 1994.

Панченко А.В. Тенденции и противоречия формирования политических структур современной России. Автореф. дис. ...канд. филос.наук. / МГУ им.М.В.Ломоносова. М., 1994.

Пантин И.К. Драма противостояния: демократия – либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.

Пантин И.К. Исторический путь Отечества – случайность или закономерность? Полемические заметки // Свободная мысль. 1992. № 18.

Пантин И.К. Россия в мире: историческое самоузнавание (Размышления в связи с книгой М.Я. Гефтера “Из тех и этих лет”// Вопросы философии. 1993. № 1.

Пантин И., Плимак Е. Россия XVIII– XX веков. Тип “запоздавшего” исторического развития // Коммунист. 1991. № 11.

Партии и политические блоки России. М., 1993.

Пастухов В.Б. Новый федерализм для России: институционализация свободы // Полис. 1994. № 3.

Пашинский В.М. Цикличность в истории России (Взгляд с позиций социальной экологии) // Полис. 1994. № 4.

Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Переход к демократии в полиэтничном обществе // Полис. 1991. № 6.

Переходы и катастрофы: Опыт социально-экономического развития. М., 1994.

Переходные процессы. Проблемы СНГ. М., 1994.

Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформированной России. М., 1994.

Пигулевская Н.В. К вопросу об азиатском способе производства // Вестник древней истории. 1965. № 3.

Плимак Е.Г. Русский термидор: измерение 1917 и 1985 // Век XX и мир. 1996. № 2.

Политическая идеология и современная Россия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 5.

Платонов С.Ф. Учебник русской истории. М., 1992.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995.

Победоносцев К.Н. Великая ложь нашего времени. М., 1993.

Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.

Полетаев А.В., Савельева П.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993.

Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993.

Политическая история России: Хрестоматия. Ч.1–2. М., 1995.

Политические партии России (первая четверть XX в.): Справочник. М., 1993.

Политические процессы в условиях перестройки: Сборник. (Лэйн Д., Уайт С., Модели Э. и др.). Вып 1-2. М., 1991.

Политические и социально-экономические проблемы России и СНГ: Доклады и сообщения. М., 1994.

Политология на российском фоне. М., 1993.

Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т.1. Сочинения исторические. М., 1861.

Попов Г.Х. Блеск и нищета административной системы. М., 1990.

Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.

Посттоталитарное общество на рубеже веков. Динамика изменений социальной структуры и ценностных ориентаций. М., 1992.

Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М., 1986.

Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 1994.

Проблема переходного периода и переходных общественных отношений (формационные ступени общественного развития). М., 1986.

Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991.

Проскуракова Н.А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории. 1995. № 9.

Пугачев В.П. Демократизация: общие условия и российская специфика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5.

Пугачев В.П. Дестабилизация России: причины и пути преодоления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4.

Пугачев В.П. Новые утопии в российской политике // Власть. 1994. № 3.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910.

Рашковский Е.Б. Опыт тоталитарной модернизации России (1917 – 1991) в свете социологии развития // *Мировая экономика и международные отношения.* 1993. № 7.

Реформирование России: мифы и реальность (1989–1994). М., 1994.

Реформаторы России. М., 1992.

Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989.

Реформы или революция? Россия. 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. Спб., 1992.

Решетников В.А. Традиционализм и модернизм: специфика российских культурно-политических процессов. Иркутск, 1994.

Риск исторического выбора (“круглый стол”) // *Вопросы философии.* 1994. № 5.

Российская государственность: духовно-идеологические основания (Материалы международной конференции) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования.* 1994. № 12.

Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы “круглого стола”) // *Вопросы философии.* 1993. № 7.

Российская империя, СССР, Российская федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX века. Сборник статей. М., 1993.

Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984–1994.

Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.

Россия и реформы. Сборник статей / Ред. М.А. Колеров и А.Ю. Полунов. М., 1991.

Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблемы переходности // *Мировая экономика и международные отношения.* 1995. № 12; 1996. № 2.

Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994.

Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989.

Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991.

Рубцов А.В. Наказание свободой (Смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. № 6.

Рукавишников В.О. Социология переходного периода // Социс. 1994. № 10.

Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.

Русское централизованное государство: образование и эволюция. XV–XVIII вв. М., 1980.

Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995.

Рябов А.В. О некоторых особенностях развертывания политического процесса России (1990–1994) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5.

Рязанов В.Т. К вопросу о “длинных волнах” экономических реформ в России // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12.

Самсонова Т.Н. Сравнительный анализ многопартийной системы в современной и дореволюционной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 6.

Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. М., 1969.

Сахаров А.М. Феодалная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. // Проблема развития феодалной собственности на землю. М., 1979.

Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5.

Семенникова Л.И. Россия в мировом обществе цивилизации. М., 1995.

Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. "Смута". М., 1988.

Скэрроу Х.М. Введение в сравнительный политический анализ.- Политическая наука США. М., 1976.

Смена стадий общественного развития. Проблема переходных периодов и переходных форм общественных отношений. М., 1982.

Сморгунов Л.В. Постмодерн и общественно-политические процессы в Восточной Европе // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право. Спб., 1993. Вып.1.

Современные социологические теории социального времени: Научно-аналитический обзор. М., 1993.

Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч.1. М., 1995.

Согрин В. Политическая история современной России. 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.

Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11.

Соколов Ю.Н., Козловский И.З., Хмыров С.Б. Цикл как основа мироздания. Ставрополь, 1992.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен до наших дней // Сочинения: В 18 кн. М., 1988-1993.

Сорман Ги. Выйти из социализма. М., 1991.

Сорокин А.К. От авторитаризма к демократии. К истории несостоявшегося перехода // Полис. 1993. № 1.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна (сборник статей). М., 1989.

Социальная модернизация в России. Материалы обсуждения за “круглым столом” в Институте философии РАН // Вестн. Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 3.

Сперанский М.М. Проекты и записки. М., 1961.

Социально-политические конфликты в России и пути решения. -М., 1994.

Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. М., 1995.

Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт “инвентаризации”) // Полис. 1994. № 4.

Страда В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе // Вопросы философии. 1993. № 7.

Стратегия реформирования России // Социально-политический журнал. 1994. № 1–2.

Стратегия реформирования России (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1996. № 2.

Стрижевский Ю. Переходы от авторитарных режимов // Общественные науки и современность. 1992. № 5.

Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921.

Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1995.

Сычева И.П. Политическая модернизация как условие структурирования советского общества. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1992.

Тейлор Л. Постсоциалистический период с точки зрения экономики развития // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 12; 1993. № 1.

Теория государства у славянофилов. Сборник статей. Спб., 1898.

Тер-Акопян Н.Б. Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земельную общину // Народы Азии и Африки. 1965. № 2, 3.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы нации-строительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.

Тойнби А.Дж. Постижение истории / Пер. с англ. М., 1991.

Тоталитаризм и посттоталитаризм (статьи и подготовительные материалы). В 2 кн. М., 1994.

Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

Троицкая Н.Е. Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом (Исторические материалы). М., 1995.

Троцкий Е.С. О русской идее. Очерк теории возрождения нации. В 2 ч. М., 1994.

Троцкий Е.С. Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995.

Трофимова И. Философия волшебной палочки. Хаос, на котором держится мир // Независимая газета. 1996. 16 апреля.

Трубецкой Е.Н. Мировоззрение Вл.С. Соловьева. Т. 1–2. М., 1995.

Тэнивик Д. Социэкономические законы и реформы в России // Свободная мысль. 1993. № 6.

Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М., 1937.

Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4.

Учредительное собрание. Россия. 1918: Стенограмма и другие документы. М., 1991.

Фадеев Д.А. От авторитаризма к демократии: Закономерности переходного периода // Полис. 1992. № 1–2.

Фадеев Р.А. Собрание сочинений. В 3 т. Спб., 1889.

Фадин А.В. Модернизация через катастрофу? // Кентавр. 1993. № 1.

Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм // Полис. 1996. № 2.

Федотова В.Г. Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1995. № 12.

Философия и методология истории. М., 1977.

Философия истории: Антология. М., 1994.

Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983.

Финн С. (США). На пути к многопартийной политической системе в России: взгляд с Запада // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 6.

Флиер А. Цивилизация и субцивилизация России // Общественные науки и современность. 1993. № 6.

Фоменко А.Т. Исследование по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология. М., 1993.

Формация и цивилизация: Сб. статей и материалов. М., 1993.

Фурман Д. Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1.

Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10–12.

Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Хачатурян В.М. Теория цивилизаций в русской исторической мысли // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

Хенкин С.М. Испанские социалисты: политическая практика и научные изыскания // Полис. 1990. № 6.

Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1990.

Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн.2. Париж. 1963.

Цивилизации. / Отв.ред. М.А. Барг. Вып. 1–2. М., 1992–1993.

Цивилизация: теория, история и современность. М., 1989.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

Ципко А. Истоки сталинизма. О зонах, закрытых для мысли // Наука и жизнь. 1988. № 11.

Ципко А. Противоречия учения Карла Маркса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1990. № 2.

Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989.

Чижевский А.Л. Космический пульс жизни Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995.

Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Часть II. Социология. М., 1896.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Чешков М. Мироцелостность и ее история // Вопросы истории. 1995. № 2.

Чешков М. Понимание целостного мира: в поисках неформационной парадигмы // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 5.

Чешков М. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия: Новые конфигурации мирового пространства. В поисках глобального и теоретического синтеза. М., 1994.

Чешков М.А. Феномен неозатизма (Мировые и локальные измерения) // Полис. 1996. № 2.

Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. М., 1984.

Шаповалов В. Российская история и герменевтическое непонимание // Свободная мысль. 1992. № 10.

Шаповалов В. Ф. “Восстание масс” по-русски // Свободная мысль. 1993. № 12.

Шаповалов В. Ф. О категориях культурно-исторического процесса в России // Свободная мысль. 1993. № 6.

Шаповалов В.Ф. Между хаосом и тиранией (органический подход к государственному управлению) // Социс. 1994. № 8–9.

Шаповалов В.Ф. Либерализм и российская идея // Социс. 1996. № 2.

Шаповалов В.Ф. Неустранимость наследия // Общественные науки и современность. 1995. № 1.

Шаповалов В.Ф. Россияведение как комплексная научная дисциплина // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

Шаран П. Сравнительная политология / Пер. с англ. Ч.1–2. М., 1992.

Шелохаев В.В. Многопартийность, “висевшая в воздухе” // Полис. 1993. № 6.

Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2 и 3.

Шелохаев В.В. История, деформированная властью, или хождение по кругу // Кентавр. 1994. № 2.

Шемякин Я.Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х годов // История СССР. 1991. № 5.

Шемякин Я. Мимесис, эвокация признаков прошлого и проблема изменения культурно-исторической парадигмы российской истории // Свободная мысль. 1992. № 7.

Шестопал Е.Б. Перспективы демократии в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 2.

Шлезингер Артур М. Циклы американской истории. М., 1992.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. Новосибирск, 1993.

Шпенглер О. Закат Европы (фрагменты II тома) // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991.

Штурман Д. У края бездны. Корниловский мятеж глазами историков и современников // Новый мир. 1993. № 7.

Шубин А. Гармония истории (Введение в теорию исторических аналогий). М., 1992.

Ш томпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996.

Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994.

Эволюционный подход и проблемы переходной экономики. М., 1995.

Эйдельман Н.Я. “Революция сверху” в России. М., 1989.

Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. М., 1995.

Экономическая теория на пути к новой парадигме // Вопросы экономики. 1992. № 10.

Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы (Александр I. Его сподвижники. Декабристы). М., 1994.

Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5.

Электорат России в 1993–1995 годах (по материалам социологических исследований). М., 1996.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961.

Энгельс Ф. Послесловие к работе “ О социальном вопросе в России” // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.22. М., 1962.

Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию “Развитие социализма от утопии к науке”// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.22. М., 1962.

Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.

Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3.

Ядов В.А. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7.

Яковец Ю.В. Истоки и перспективы формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения. М., 1996.

Янов А. После Ельцина. ”Веймарская Россия”. М., 1995.

Янов А. Русская идея и 2000-й год. New York, 1988.

Ярошенко Попытка Гайдара. Помесячные записки историографа “правительства реформ” // Новый мир. 1993. № 3.

Angern E. Geschichtsphilosophie. Stuttgart; Berlin; Koln, 1991.

Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1967.

Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1966.

Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. № 50.

Beck U. Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung. Frankfurt/M., 1993.

Berg-Schlosser D., Muller-Rommel F. Vergleichende Politik-wissenschaft. Ein einführendes Studienhandbuch. Opladen, 1992.

Beyme K. Der Vergleich in der Politikwissenschaft. München, 1988.

Beyme K. Systemwechsel in Osteuropa. Frankfurt/M. 1994.

Chandler A. The Interaction of Post-Sovietology and Comparative Politics: Seizing the Moment // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. Vol. 27. № 1.

Cottle T. Perceiving time. N.Y., etc.: Wiley. 1976. XIV.

Dahrendorf R. Betrachtung über die Revolution in Europa. Stuttgart, 1990.

Demandt A. Ungeschehene Geschichte: Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn ...? Göttingen, 1986.

Eisenstadt S. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development. N. Y., 1987.

Enrique Baloyra Ed. Comparing New Democracies: Transition and Consolidation in Mediterranean Europe and the Southern Cone. Boulder, 1987.

Faber. K.-G. Theorie der Geschichtswissenschaft. 4., erw. Aufl. München. 1978.

Falk W. Die Ordnung in Geschichte. Eine alternative Deutung des Fortschritts. Stuttgart; Bohn. 1985.

Fleron F., Hoffmann E. Post-communist studies and political science // *Methodology and Empirical Theory in Sovietology*. Oxford. 1993.

Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge. 1956.

From Dictatorship to Democracy: Coping with the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism. Westpost. 1982.

Gerster H.J. Lange Wellen wirtschaftlicher Entwicklung. Empirische Analyse langfristiger Zyklen für die USA, Grossbritannien und weitere 14 Industrieländer von 1800-1980. Frankfurt a.M., etc., 1988.

Glaessner G. Demokratie nach dem Ende des Kommunismus: Regimewechsel, Transition und Demokratisierung im Postkommunismus. Opladen. 1994.

Gordon L., Nazimova A. Perestroika in Historical Perspective: Possible // Comparative Politics. London, 1990. Vol. 25. № 1.

Guillermo O Donnell, Philippe C. Schmitter and Laurence Whitehead. Transitions from Authoritarian Rule. 4 vols. Baltimore, 1986.

Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt/M., 1990.

Hildermeier M. Die Russische Revolution. 1905-1921. Frankfurt/M., 1985.

Historische Prozesse. Hrsg. von Karl-Georg-Faber u.Christian Meier.München. 1978.

Hoffman E.P. and Laird L. The Politics of Economic Modernization in the Soviet Union. London, 1982.

Hughes M. The Never-Ending Story: Russian Nationalism, National Communism and Opposition to Reform in the USSR and Russia //The Journal of Communist Studies. 1993, Vol.9, N2.

Jaques E. The form of time. N.Y.,L., 1982, XV.

James M. Malloy and Mitchell Seligson, Eds. Authoritarians and Democrats: Regime Transitions in Latin America. Pittsburg. 1987.

Jeffrey W.H. Continuity and Change in Russian Political Culture //British Journal of Political Science. 1991, N.21.

Kipp J. W., Lincoln W.B. Autocracy and reform: Bureaucratic absolutism and Political modernization in nineteenth century in Russia//Russ.history. Tempe, 1979, Vol. 6.

Laslett P. Social structural time: An attempt at classifying types of social change by their characteristic paces // The rhythms of society. L.,N.Y.,1988.

Marcia A.W. Political Participation and Party Formation in Russia, 1985-1992 : Institutionalizing Democracy?// The Russian Review.1994. Vol.53.N 2.

McDaniel T. Autocracy, capitalism and revolution in Russia. Berkeley etc. 1988.

Meran J. Hypothetische Geschichte? Untersuchung zur Konstruktion und Anwendung von Theorien in der Geschichtswissenschaft. Hamburg. 1982.

Meran J. Theorien in der Geschichtswissenschaft: Die Diskussion über die Wissenschaftlichkeit der Geschichte. Gottingen. 1985.

Merkel W. /Hrsg./ Systemwechsel.1: Theorien Ansätze und Konzeptionen der Transformationsforschung. Leverkusen.1994.

Meyer G. /Hrsg./ Die politischen Kulturen Ostmitteleuropas im Umbruch. Tübingen; Basel.1993.

Nassmacher H. Vergleichende Politikforschung. Eine Einführung in Probleme und Methoden. Opladen. 1991.

Oesterreich D. Autoritarismus und Autonomie. Stuttgart. 1974.

Otto St. Rekonstruktion der Geschichte: zur Kritik der historischen Vernunft. 1. Historischkritische Bestandsaufnahme. München. 1982. 2. Systematische Ausarbeitung. München. 1992.

Prittwitz V. Politikanalyse. Opladen. 1994.

Pupes R. Die Russische Revolution. Bd. 1-3.Berlin,1992.

Readings in Russian Modernism.L., 1993.

Remington T. F. Regime Transition in communist systems: The Soviet Case //Soviet Economy.1990. 6/2.

Rogger H. Russian in the age of modernization and revolution. 1881-1917. L., N.Y., 1983.

Russel B. Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective //World politics.1991.N.44.

Sandschneider E. Stabilitat und Transformation Politicher System. Aspekte einer politikwissenschaftlichen Theorie der Transformation. Opladen.1994.

Subjekt der Geschichte. Theorien gesellschaftliche Veranderung. Koln. 1980.

The New Mediterranean Democratics: Regime Trasition in Spain, Greece and Portugal. L. 1984.

Tolz V. & Teague E. Is Russia Likely to turn to Authoritarian Rule?//RFE/RL Research.1992. Jan.

Tolz V. Russia: Westernizers Continue to Challenge National Patriots //RFE/RL Research Report.1992, N. 49.

Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore.1986.

Vogel Martin Rudolf. Gesellschaftliche Subjektivitatsformen. Historische Voraussetzungen und theoretische Konzepte. Frankfurt/M. 1983.

White S., Pravda A. and Gitelman Z.(eds.) Development in Russian and Post-Soviet Politics.L., 1994.

Yanov A. The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History. Berkeley etc. 1981.

Zhang B. Institutional Aspects of Reforms and Democratization of Communist Regimes //Communist and Post-Communist Studies. 1993. Vol.26.N.2.

